

ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1951
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Монгольская Народная Республика. Лучший скотовод, арат Центрального аймака Улзий-Эрдэнэ.
Фото В. Егорова (ТАСС)

На первой странице обложки: На строительстве Куйбышевской ГЭС. Выемка котлована под здание станции.
Фото Б. Кузьмина

На последней странице обложки: Народный композитор, заслуженный деятель искусств Казахской ССР Дина Нурпеисова.
Фото Б. Кузьмина

ОГОНЁК № 28 (1257) 8 ИЮЛЯ 1951

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

29-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Сталинская авиация пользуется безграничной любовью нашего народа. Одно из ярких проявлений этой любви — горячее желание тысяч молодых советских патриотов учиться в аэроклубах Добровольного общества содействия авиации. Авиационные спортсмены изучают самолет, планер, парашют, овладевают летным делом, прославляют Родину мировыми рекордами. Одни только авиамоделисты в прошлом году установили 54 всесоюзных и 25 мировых рекордов. Совсем недавно два мировых рекорда установили советские планеристы Марина Пылаева и Александр Медников.

На снимке: инструктор московского городского аэроклуба С. П. Жучков проводит предполетную подготовку с группой авиационных спортсменов: Слева направо: С. П. Жучков, И. К. Мельников, В. В. Калугин, Е. М. Шанин и Б. К. Солодовников.

Фото Е. Умнова

ПО ДОРОГЕ СВОБОДЫ

Еще тридцать лет назад Внешняя Монголия была одной из самых отсталых стран мира. Никто из буржуазных исследователей не сомневался тогда, что и впредь уделом этой страны будет та же, «проверенная веками» отсталость.

Но монгольский народ в 1921 году избрал себе иную судьбу, подняв народную революцию против внутренних феодалов и иностранных империалистов.

В этом доме (фото слева) жил и развлекался «святейший» богдо-гэгэн Чжебцзун-дамба-хутухта—неограниченный самодержавный монарх Внешней Монголии. Давно ушли в историю времена, когда он вместе с высшими ламами и светскими феодалами грабил крепостных аратов. Сейчас в этом доме краеведческий музей. Вверху: уголок новой Монголии—площадь Сухэ-Батора. Монгольский скульптор Чоймбол запечатлел в памятнике фигуру вождя народной революции Сухэ-Батора.

* * *

Новая техника, новый транспорт уверенно прокладывают себе дорогу в Монгольской Народной Республике. В стране налаживается авиационная связь со всеми аймаками (областями), проводится в каждый аймачный центр электричество. Телефонная связь устанавливается не только со всеми аймаками, но и с большинством сомонов (районных центров).

Еще идут по дорогам республики караваны верблюдов. Но в пути их все чаще обгоняют авто-

И СЧАСТЬЯ

Фото В. Егорова (ТАСС) и К. Леонова

«Великая Октябрьская революция и непобедимое учение Ленина — Сталина, — писал в 1949 году маршал Чойбалсан в своей телеграмме И. В. Сталину, — открыли светлую дорогу свободы и счастья монгольскому народу... Своей свободой и независимостью, всеми своими достижениями в государственном, хозяйственном и культурном строительстве нашей страны монгольский народ обязан разносторонней и бескорыстной помощи великого советского народа, выдержавшей все испытания нерушимой и вечной дружбе наших народов и Вам — великому и заботливому другу и учителю монгольского народа».

Под руководством Народно-революционной партии монгольский народ уверенно идет к социализму, минуя капиталистический путь развития.

машины. А бывает и так, что каравану приходится ждать у переезда, пока мимо не промчится поезд, идущий в Улан-Батор.

* * *

Тридцать лет назад Внешняя Монголия была страной сплошной неграмотности. Девяносто девять жителей из ста не могли написать свою фамилию. К концу пятилетки — к 1952 году — в Монгольской Народной Республике не останется неграмотных. Густая сеть школ, средних и высших учебных заведений сегодня покрывает страну. В большом здании Уланбаторского государственного университета (фото вверху) занимается свыше тысячи студентов.

Университет имени Чойбалсана был создан при помощи Советского Союза. Сейчас университет имеет в своем составе шесть факультетов: медицинский, ветеринарный, зоотехнический, педагогический, языка и литературы, общественных наук и подготовительное отделение. Уже насчитывается немало научных работников, вышедших из стен университета.

* * *

Безвозвратно ушло время, когда невежественные ламы «лечили» своих пациентов ворожбой и заклинаниями. Теперь в стране построено много больниц, открыты сотни врачебных и фельдшерских пунктов, женских и детских консультаций. Население пользуется бесплатной медицинской помощью. Какое из буржуазных «цивилизованных» государств могло бы похвалиться тем же? В республике выросли свои медицинские кадры. На снимке справа: молодой хирург Сухэ-Батор готовится к операции в хирургическом отделении городской больницы Улан-Батора.

* * *

Монгольская Народная Республика занимает первое место в мире по количеству скота на душу населения. Но трудящиеся араты не успокаиваются на этом. Государственным пятилетним планом предусмотрено в полтора раза увеличить поголовье скота к 1952 году. На снимке: отара овец в горах недалеко от Улан-Батора.

И в сельском хозяйстве и в молодой промышленности республики работает много энтузиастов-новаторов, ломающих старые нормы и добивающихся невиданных трудовых рекордов. Посмотрите на лицо этого молодого рабочего. Он гордится своим трудом. Он спокойно и уверенно смотрит в будущее. Шахтер-орденоносец Даважав за два года пятилетки выполнил пять годовых норм.

☆ ☆ ☆

На курортах и в домах отдыха ежегодно отдыхает много трудящихся монголов — рабочих, служащих и скотоводов-аратов. Среди них много женщин. На снимке: в одной из комнат дома отдыха «Сонгино» на берегу горной реки Тола. В прежнее время монгольские женщины не могли и мечтать о таком отдыхе.

☆ ☆ ☆

Монголы любят свое национальное искусство. В Улан-Баторе четыре театра. Музыкально-драматические театры есть в каждом аймаке. Огромное количество самодеятельных драмкружков работает в сомонах. На снимке: учащиеся по классу национальных инструментов Улан-Баторской музыкально-драматической школы.

УСПЕХИ НАРОДНОЙ МОНГОЛИИ

Ю. ЦЕДЕНБАЛ,
Генеральный секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии

11 июля 1951 года трудящиеся Монгольской Народной Республики празднуют тридцатую годовщину народной революции, в результате которой монгольский народ впервые за свою многовековую историю получил подлинную свободу и независимость.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и братская помощь русского пролетариата послужили решающим условием этой революционной победы монгольского народа. Настоящая помощь могла придти и действительно пришла к нам только со стороны русского рабочего класса, со стороны партии большевиков, великих вождей Ленина и Сталина. Вот почему, торжественно и радостно встречая тридцатую годовщину свободного, независимого существования своей Родины, монгольский народ с чувством безграничной благодарности и любви устремляет свои взоры к великому советскому народу, к могучей большевистской партии и гениальному вождю трудящихся всего мира, мудрому другу и учителю монгольского народа товарищу И. В. Сталину.

За годы революции произошли огромные социально-экономические преобразования в нашей стране, которую веками угнетали и держали в нищете и невежестве иностранные поработители, светские и духовные феодалы.

Под руководством Монгольской народно-революционной партии, при помощи советского народа трудящиеся Монголии достигли огромных успехов в деле развития экономики и культуры страны. После успешного изгнания иностранных захватчиков Монгольская народно-революционная партия и народное правительство перешли в решительное наступление против феодалов — вековых угнетателей монгольского народа. На основе первой конституции МНР, принятой в 1924 году, феодалы были лишены всех политических прав и привилегий, а церковь отделена от государства. После этого Монгольская народно-революционная партия приступила к ликвидации экономической основы феодализма. В 1929—1930 годах имущество светских феодалов было конфисковано и передано трудовому народу.

Более сложным был вопрос с ликвидацией засилья духовных феодалов, владевших также огромными богатствами.

Посредством ряда последовательных мер Монгольская народно-революционная партия и народное правительство постепенно ограничивали влияние духовных феодалов и в конце концов преодолели засилие монастырей, передали их собственность трудовому народу, приобщили основную массу лам к производительному труду. В результате к 1939 году монгольский народ добился ликвидации класса феодалов.

Враги народного революционного строя устраивали заговоры и диверсии, не раз с оружием в руках поднимались против народной власти, находили поддержку у иностранных империалистов, в частности, у агрессивного японского империализма. Все эти попытки потерпели крах благодаря бдительности монгольского народа, который в своей борьбе за защиту завоеваний народной революции опирался на повседневную помощь своего великого друга Советского Союза.

Ликвидация класса феодалов — огромное историческое завоевание монгольского народа. Она дала возможность успешно закладывать основы некапиталистического развития страны, всемерно развивать ее производительные силы и в первую очередь животноводство.

За годы революции количество скота в Монгольской Народной Республике увеличилось более чем в два раза. Это достижение — результат разносторонних мероприятий, принятых Монгольской народно-революционной партией и правительством для поднятия животноводства в аратских хозяйствах.

По мере подъема животноводства в индивидуальных аратских хозяйствах в Монгольской Народной Республике начинают развиваться новые формы сельского хозяйства. Созданы государственные хозяйства, занимающиеся как животноводством, так и различными отраслями земледелия. Развиваются аратские производственные объединения. Монгольская народно-революционная партия ставит задачу всемерно укреплять аратские производственные объединения, увеличивать их общественное богатство. С каждым годом растет число созданных государством машиносенокосных станций, призванных сыграть большую роль в создании прочной кормовой базы. Укрепление и развитие госхозов и аратских производственных объединений — это серьезная предпосылка для победы социалистического сектора в сельском хозяйстве.

В дореволюционной Монголии не была развита даже кустарная промышленность. За годы свободного, независимого существования Монгольской Народной Республики при искренней бескорыстной братской помощи советского народа у нас создана и развивается своя национальная промышленность, современные виды транспорта и связи.

Крупнейший в стране промышленный комбинат имени маршала Чойбалсана, объединяющий ряд фабрик и заводов, и другие предприятия выпускают большое количество разнообразной продукции для населения. В Улан-Баторе работает оснащенный современной техникой новый мясокомбинат имени Сталина. Десятки маслозаводов и сотни сепараторных пунктов раскинуты по всей стране.

За последние годы значительно шагнула вперед горнодобывающая промышленность.

Знаменательным событием в жизни монгольского народа явилось осуществленное Советским Союзом строительство улан-баторской железной дороги, связавшей столицу Монгольской Народной Республики с Советской страной.

Прочное место в экономике республики занял автомобильный транспорт, который имеет важнейшее значение в условиях огромных просторов страны. Построены сотни километров шоссейных дорог. С каждым годом расширяется сеть телеграфных и телефонных линий. Прочно входит в быт народа радио.

Огромных успехов достиг монгольский народ и в развитии национальной культуры. Подавляющее большинство населения стало грамотным. По всей стране раскинулась широкая сеть начальных и средних школ. В 14 техникумах готовятся кадры для народного хозяйства. Гордость монгольского народа — созданный в годы второй мировой войны Монгольский государственный университет — готовит медицинских и ветеринарных врачей, зоотехников, преподавателей средних школ. Для подготовки учительских кадров создан Педагогический институт.

Возрождается и развивается монгольское национальное искусство. Свыше 20 лет существует Государственный музыкально-драматический театр. Бюджетные ассигнования на социально-культурные мероприятия с 1940 по 1950 год увеличились на 401 процент. В стране издается 27 газет и 16 журналов. Монгольский народ на своем родном языке читает труды классиков марксизма-ленинизма. К тридцатой годовщине монгольской народной революции на монгольском языке выходит третий том Сочинений товарища Сталина, переведены и переводятся произведения передовой советской литературы, русских и западных классиков.

Премьер-министр Монгольской Народной Республики маршал ЧОЙБАЛСАН.

Организатором и вдохновителем всех побед монгольского народа является Монгольская народно-революционная партия. Правильное руководство Монгольской народно-революционной партии и ее вождей Сухэ-Батора и Чойбалсана привело трудовой монгольский народ к тем завоеваниям, которых он достиг за 30 лет революции.

Монгольская народно-революционная партия пользуется полным доверием и поддержкой народа. Ярчайшее свидетельство этого всенародного доверия — прошедшие недавно выборы в великий народный хурал МНР. В выборах участвовало 99,8 процента избирателей, за кандидатов блока партийных и беспартийных голосовало 99,6 процента участвовавших в выборах избирателей.

Поистине велика, благородна и неоценима помощь, которую оказывает нашей стране великий Советский Союз. Эта бескорыстная помощь и поддержка была и остается решающим фактором независимого и свободного существования монгольского народа. Не раз нависала грозная опасность над свободой монгольского народа, и неизменно на помощь труженикам Монголии приходил наш спаситель, верный, искренний друг — Советский Союз. Помощь великой большевистской партии, великого вождя товарища Сталина играла всегда решающую роль на всех этапах развития нашей страны по некапиталистическому пути, который указал монгольскому народу Ленин. Постоянная поддержка и помощь великого Советского Союза монгольскому народу — яркий образец мудрости ленинско-сталинской внешней политики Советского Союза, олицетворение благородства и справедливости этой политики, проникнутой идеями равноправия малых и больших народов.

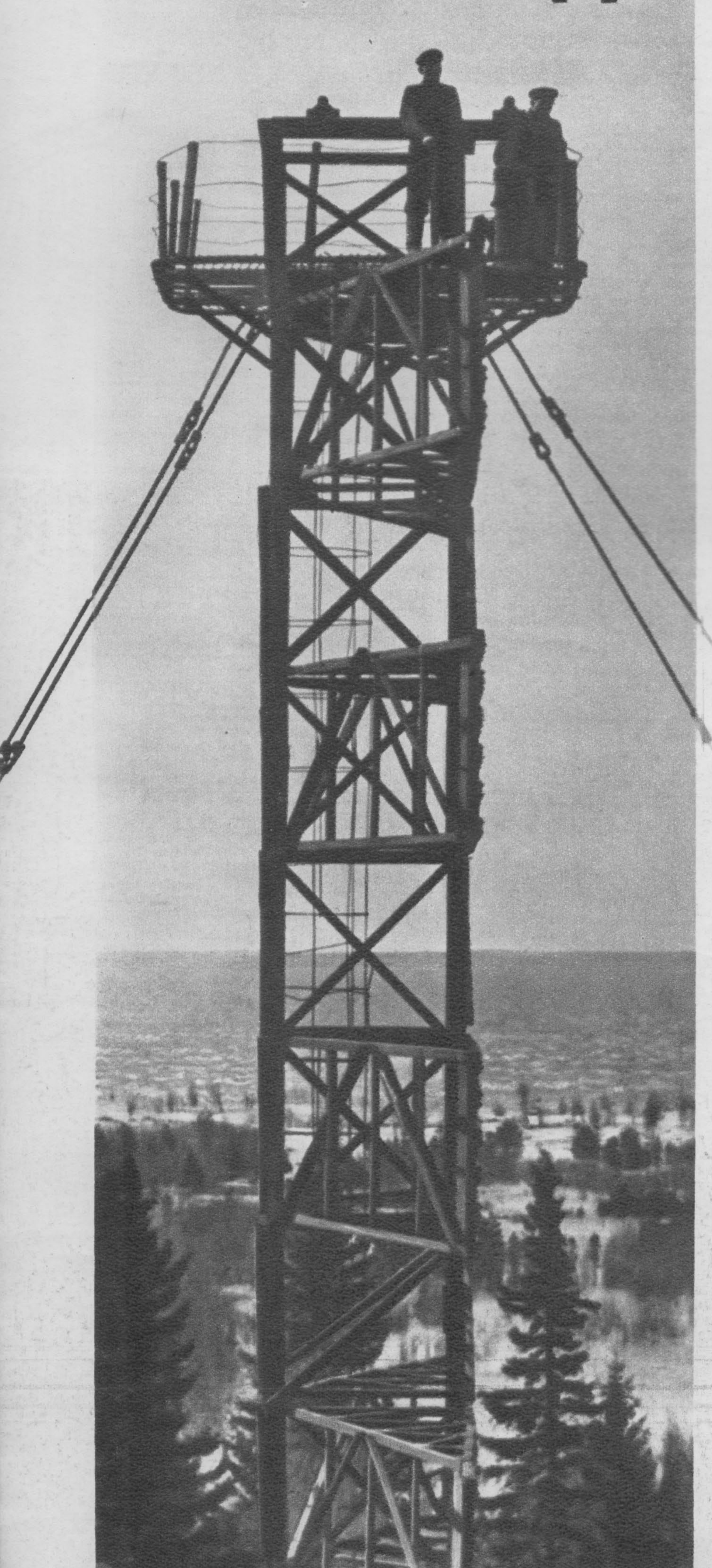
Монгольский народ полностью поддерживает последовательную миролюбивую политику СССР, направленную на сохранение мира между народами, на обуздание поджигателей войны.

Вдохновляемые великим примером советского народа, строящего коммунизм, трудящиеся нашей страны с огромным подъемом встречают тридцатую годовщину МНР. Они еще и еще раз выражают свою глубочайшую благодарность и беспредельную любовь тому, кто является творцом их счастья,— величайшему знаменосцу мира, своему мудрому учителю и другу Иосифу Виссарионовичу Сталину.

МОЛОДОСТЬ МОРЯ

С. МОРОЗОВ

Фото М. Савина

Щелевые створы на берегу — важнейшие ориентиры для судоводителей. За десятки километров в открытом море видны капитанам высокие стальные мачты. По ночам с вершин мачт светят ацетиленовые фонари. На снимке: проверка фонарей щелевого створа на Юршинском острове.

Миллионами лет исчисляют ученые возраст морей на поверхности нашей планеты. Что же сказать о море, возникшем на памяти одного поколения?

Пусть в учебниках географии оно скромно именуется водохранилищем. Народ по справедливости назвал его морем: площадью, глубинами, запасами воды оно в несколько раз превосходит такие крупные русские озера, как Ильмень и Белое.

Но отложим в сторону карты и сравнительные таблицы. На волжском пароходе войдем в шлюз, что у города Щербакова, поднимемся из нижнего бьефа в верхний. Скачок, совершаемый в эти полчаса, изумителен: вместо реки — неширокой, стесненной пологими берегами — перед нами необозримый простор. Пенятся волны, гонимые свежим ветром, пронзительно кричат чайки. Берега отступили далеко, далеко. Зубчатой, неровной щеточкой кое-где обрамляют горизонт леса.

Впрочем, это пока только залив, Переборский залив Рыбинского моря. Отсюда трассы расходятся на восток, север, запад. Разные, непохожие друг на друга суда, недавние соседи по тесной камере шлюза, идут теперь каждое своей дорогой. Двухпалубный белоснежный красавец — пассажирский экспресс — ложится курсом на Москву. Широкий, осанистый грузовой теплоход и миниатюрный буксир с караваном барж, набирая скорость, поворачивают на Череповец. Оттуда через Мариинскую систему прямой путь к Ленинграду и через Северо-Двинскую — к Архангельску.

Счастливого плавания, товарищи! Нам сейчас не по пути с вами. Наш пароход «Маршал Жуков» идет обычным своим рейсом по местной линии: Щербаков—Пошехонье-Володарск.

— Плавание не великое,— говорит капитан Вячеслав Васильевич Крайнов, усмехаясь с явным снисхождением и к самому себе и к своему потрепанному, видавшему виды суденышку.

Потом, неожиданно переменив тон, он добавляет наставительно:

— А для нас, между прочим, юбилейное плавание, да-с...

Плотный, лысеющий, в кителе с потускневшими золотыми нашивками, Вячеслав Васильевич — бывалый волгарь. Но сейчас, вспоминая про юбилей, он имеет в виду не те сорок без малого лет, которые провел на палубах, а именно последнее десятилетие своей капитанской жизни.

Весной 1941 года, в дни пуска Щербаковского гидроузла, одним из первых проходило через шлюз судно капитана Крайнова. Довелось тогда Вячеславу Васильевичу поплавать по затопленным лесам в междуречье Шексны и Мологи. Запомнились ему ошалевшие от страха лоси и волки, выгнанные из чащи небывалым потопом. С той-то памятной навигации и стал волжский речник Крайнов судоводителем Рыбинского моря.

И теперь, как всегда, он уверенно ведет свой корабль по рябящему под ветром морю. Переборский залив уже остался за кормой.

На столе перед капитаном карта. Извилистая береговая черта огибает огромное пространство. На четырех тысячах шестистах пятидесяти квадратных километрах, ныне являющих собой дно Рыбинского моря, было разбросано более тысячи деревень. Названия некоторых из них мы находим на карте и теперь, когда территория давно уже стала акваторией. Тут и там тончайшими завитками петляют русла бывших рек. Жирными ломаными линиями пересекают их морские судоходные трассы.

Ведя пальцем по карте, Вячеслав Васильевич отмечает путь корабля. Вот мы пересекли бывшее русло Шексны, проплыли над бывшей деревней Ворона, что стояла в бывшем устье реки Согожи. В былые годы, помнится капитану, сплавляли сюда лес с весенней водой, молем сплавляли, по бревнышку. Нынешнее, современное устье Согожи много дальше, на восток.

Только часа через полтора наш пароход входит с моря в широкую, полноводную реку.

Вдоль ее правого берега тянутся вереницы плотов. К ним приближается пароход-буксировщик. У пристани пофыркивает маленький локомотив, за ним — платформы с бревнами. Лесной рейд Тышные, Октябрьский леспромхоз — крупнейшие на берегах Рыбинского моря. Сотни тысяч кубометров леса идут отсюда на стройки Москвы.

За поворотом берега открываются высокие насыпи шоссе, стальные арки мостов. Еще река — и такая же полноводная. Тут сливаются Согожа и Сога.

Под мост нырнул небольшой пароходик. С палубы доносятся звуки гармоники.

— «Меркурий» по колхозам пошел,— замечает Вячеслав Васильевич.

Вслед за «Меркурием» — пассажирским судном — проплывает грузовой караван местной линии: катер-газоход тянет за собой цистерну с горючим для МТС.

За десять лет существования Рыбинского моря, кроме магистральных трасс на Москву, Череповец, Весьегонск, открыто немало новых, связывающих между собой расположенные по соседству районы.

...Наконец мы у пристани. Вот оно — Пошехонье, послужившее Салтыкову-Щедрину синонимом российского захолустья.

«Я разумею под этим названием вообще местность, аборигены которой, по меткому выражению русских присловий, в трех соснах заблудиться способны»,— писал великий сатирик.

Нет, не таков современный Пошехонье-Володарск — районный центр, порт Рыбинского моря. И жителям его — советским людям — не дашь насмешливую кличку «пошехонцы».

По всей Ярославской области знаменит Павел Антонович Авдеенко, мастер-сыродел местного завода. Еще в годы Отечественной войны, усовершенствовав производство сыра, он удостоился высшей награды — ордена Ленина.

Напротив сыродельного завода — судостроительная верфь. Нежный смолистый аромат сосны разносится над рекой. Высоко на клетках — корпуса строящихся барж. Пошехонские плотники готовят флот для малых рек. Не только из Ярославля, из других областных центров — из Калинина, Кирова — идут заказы в адрес верфи.

Всю свою жизнь проработал в мебельной артели Иван Николаевич Цветков. А когда заплескала у берегов родного городка большая вода, расстался с прежним ремеслом — стал директором первого в районе судостроительного предприятия.

Уже вечерело, когда мы снова вышли в открытое море. На западе, там, где небо сливается с водой, сквозь разорванные ветром облака проглядывал раскаленный диск. Палуба кренилась.

— Быть штормяге,— невзначай заметил Вячеслав Васильевич, пробегая глазами только что принятую радистом метеосводку. И, наклонившись к переговорной трубе, скомандовал: — Самый полный!

В тоне, которым было произнесено это приказание, не сквозило и тени беспокойства. Если капитан Крайнов и торопился опередить надвигающийся с севера шторм, то лишь для того, чтобы уберечь от качки пассажиров. Вообще же «метеорологические неприятности», как выражается Вячеслав Васильевич, обязательны почти в каждом рейсе. Но против непогоды и скверной видимости у капитанов есть надежные союзники — путейцы и метеорологи.

Знакомство с ними состоялось на следующий день. Бушевавший ночью шторм несколько приутих, но служебный катер, вышедший для очередного объезда путейских знаков, то и дело окатывало волной. Нашими спутниками были механик Андрей Осипович Терентьев и лоцмейстер Матвей Ильич Смирнов — речники-ветераны, пионеры освоения нового моря.

Мы причаливали и к лесистому берегу, чтобы потом пробираться сквозь чащу к стальным мачтам щелевых створов — важнейших ориентиров для судоводителей — и к пляшущим на волне бревенчатым пирамидам плавучих маяков. И всегда Андрей Осипович, кряжистый, с виду тяжелый на подъем, проявлял необычайную подвижность, осматривая свое хозяйство — ацетиленовые фонари, горящие круглые сутки. Вот он быстро карабкается по металлическим скобам на площадку 30-метровой мачты. Вот, спрыгнув с борта катера на заливаемый водой треугольный плот, ловко взбирается к острию пирамиды. Всюду нужен наметанный глаз механика.

Хватает забот и у лоцмейстера Смирнова. После шторма обязательно жди сюрпризов на фарватерах. Разбушуется море, и всплывает снизу какая-нибудь дрянь: то коряги и пни — остатки леса, вырубленного перед затоплением десять лет назад,— то большой торфяной массив, образующий на поверхности плавучий остров.

Когда объезд путейской обстановки закончен, Матвей Ильич говорит:

— Теперь и на мою родину заглянуть можно...

И, сам взявшись за штурвал, ведет катер к мелькнувшим вдали обломкам каменных стен, торчащим прямо из воды.

— Молога,— говорит Смирнов.— Остатки бывшего города Молога. Там вот,— Матвей Ильич показывает рукой на крышу и полузатопленный верхний этаж массивного каменного здания,— городской лабаз был, а рядом рынок... Мой домик с садиком в низинке стоял. Теперь к этому месту только водолаз может подойти...

Вспоминая земляков и бывших соседей по Мологе, Матвей Ильич попутно сообщает их новые адреса: одни переселились в Щербаков, другие — в специально отстроенные для них поселки на берегах водохранилища.

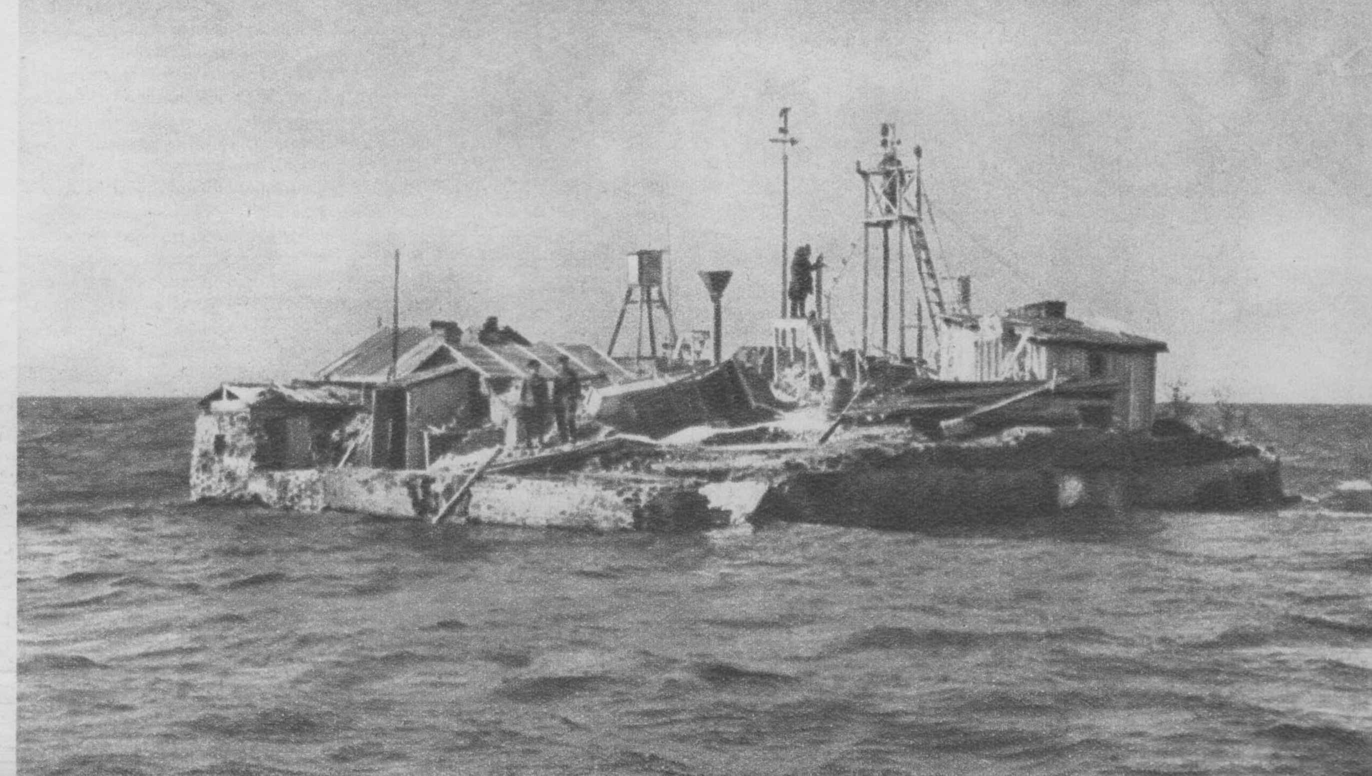
Моторист стопорит машину. Катер медленно подходит к островку, который с первого взгляда можно принять за стоящий на якоре корабль — так много мачт и надстроек возвышается над ним. Но это не корабль, это метеостанция, расположенная на обломке последнего, еще не полностью размытого волнами городского здания.

На берегу (если только можно назвать берегом зыбкое нагромождение камней) нас встречает все население бывшего города — персонал научной станции: синоптик Григорий Ефимович Алымов, радист Василий Иванович Левичев, девушки-метеонаблюдатели: Люда Некрасова, Паня Патенцева, Люда Беззаботнова. Круглый год живут они на этом крохотном островке, наблюдая за погодой в Рыбинском море. Скорость и направление ветра, влажность и температура воздуха, волновые явления — все это изо дня в день заносится в журнал. По нескольку раз в сутки передает радист сводки в Переборскую обсерваторию — «на материк».

Несколько лет назад при открытии метеостанции отведенное ей здание было окружено узкой полоской суши. Теперь, когда уровень водохранилища достиг отметки, предусмотренной проектом, поднявшаяся вода, затопив нижний этаж дома, грозит размыть стены до основания. Решено эвакуировать станцию в другое, более безопасное место. Это известно «островитянам», и они

Большая вода пришла в Пошехонье-Володарск. Сухопутный городок стал одним из портов Рыбинского моря.

Этот снимок сделан в последний день существования метеорологической станции Молога. Нынешним летом волны начали размывать крохотный островок, единственный оставшийся на поверхности Рыбинского моря после затопления города Мологи.

Для малых рек Ярославской, Калининской, Кировской областей строится флот на Пошехоно-Володарской судоверфи.

озабочены только одним: чтобы новый пункт наблюдений тоже обязательно был вынесен в открытое море.

— Найдем, найдем подходящее место,— успокаивают их путейцы,— специальную баржу для вас оборудуем, к торфяному острову пришвартуем: кругом вода.

— На баржу?.. Согласны,— отвечают метеорологи. И по звонким их голосам, по блеску глаз чувствуешь: каждый из этой пятерки влюблен в свою профессию, крепко привязан к своему краю.

Черты характера, свойственные юным «островитянам», можно подметить и у многих других, подчас пожилых людей, занятых самыми различными делами, но связанных единством географии, у всех, кто трудится на берегах Рыбинского моря.

У села Глебово расположен один из приемных пунктов Рыбинского рыбопромышленного треста. На высоком берегу меж столбами на рейках развешаны вялящиеся на солнце лещи. Из дверей бревенчатых сараев тянет запахом крепкого рассола, едким коптильным дымком.

Закончив обход цехов, мастер Андрей Васильевич Середенков спускается к пристани. В узкой бухточке к бревенчатому плоту одна за другой подплывают парусные лодки. Из них выгружают корзины со свежим уловом. Судаки и щуки, сверкая мокрой чешуей, шевелят жабрами, сонливо таращат глаза.

Андрей Васильевич критически оглядывает оснастку лодок, недоверчиво щурясь на каждую рыбину. Астраханец, потомственный рыбак, вдоль и поперек исплававший Каспий и Арал, он в глубине души не очень-то высокого мнения о здешних промыслах: «молодо, зелено»... Но стахановцы «Красного рыбака» — самого крупного в районе колхоза — сумели завоевать уважение старого мастера: и зимой, подо льдом, и весной, в путину, перевыполняют они свои планы. Нелегко это: и флот и подходящие снасти только еще создаются для Рыбинского моря. А места для тоней! Ведь это же мучение ставить невода, когда под водой все дно в кустарниках и корягах. Но для местных рыбаков все это кажется не столь уж трудным.

Вслед за лодками к пристани подваливает моторный катер. На палубе водолазная станция. Николай Ляшенко и Владимир Буров — демобилизованные матросы с Балтики — пользуются у здешних рыбаков таким же почетом, как трактористы у колхозников на поле. С топорами и баграми в руках водолазы расчищают дно, наводят порядок в «подводном царстве».

Подводная мелиорация — только часть большой, планомерно осуществляемой работы по развитию на водохранилище крупных рыбных промыслов. Из года в год в Рыбинское море выпускаются все новые партии мальков. Вместе со щукой, давней обитательницей здешних вод, плодятся теперь и судак, и лещ, и рипус, завозимый из далеких уральских озер. Все шире становится размах научных ихтиологических исследований. Уже двадцать четыре колхоза ведут промысел на море. За три года существования Рыбинского рыбопромышленного треста общий размер добычи возрос втрое.

...Путешествие, начатое от Щербаковского шлюза, мы заканчиваем по соседству с ним — у причалов городского порта.

Вздымаются стрелы подъемных кранов, извлекая из трюмов тяжелые ящики. По бесконечным лентам транспортеров сплошным потоком плывет зерно к элеваторам. По дощатым настилам эстакад мягко шуршат шинами электрокары. Людям здесь как будто нечего делать: все механизировано. Правда, кое-где на вспомогательных операциях еще применяется ручной труд, но грузчика, согбенного многопудовой ношей,— этой в недавнем прошлом традиционной фигуры волжских пристаней — здесь не встретишь.

Испокон веков на рейде Рыбинска от весны и до осени толпились сотни судов: из больших волжских барж груз переваливали в мелкосидящие «мариинки». Теперь все грузы, идущие на Ленинград, Москву, Архангельск, минуют Щербаков транзитом: в море хватит глубин для любой осадки.

Безвестное прежде село Переборы стало крупным узлом водных путей на Рыбинском море.

Подводя итог десяти лет, главный переборский диспетчер Александр Михайлович Баранов отмечает с удовлетворением: в несколько раз возросли перевозки по морю. Радостным событием ознаменовалась нынешняя, одиннадцатая по счету навигация. Благодаря построенным в Сормове электродизельным ледоколам «Волга» и «Дон» плавание по морю весной началось на полмесяца раньше.

Из окна диспетчерской видны бетонные громады плотины и шлюзы. Горизонт прочерчен тонкими линиями высоковольтной передачи. По ним устремляется к Москве покоренная большевиками энергия трех рек: Волги, Шексны и Мологи. Воды Рыбинского моря, вращающие турбины ГЭС, питают током индустрию великой столицы.

Десять лет... Всего десять лет. Не велик возраст нового моря. Но сколь значительны результаты этого десятилетия для экономики огромного края!

Волжский гидроузел близ Щербакова — прообраз и предтеча сегодняшних великих строек — связан с ними кровным родством. Вот открылись массивные ворота шлюза, пропуская огромный плот, буксируемый с моря на Волгу. Это рыбинский лес идет в Куйбышев.

Широкие перспективы открываются взорам советских людей с берегов юного моря. В близком коммунистическом завтра видятся им зеленеющие нивы в Заволжье, цветущие сады в Кара-Кумах, белоснежный хлопчатник на украинской земле — вся необъятная Родина наша, преобразуемая гением великого Сталина.

Богатый улов сдает колхоз «Красный рыбак» на Глебовский рыбоприемный пункт. На снимке слева направо: работницы Зоя Гагарина и Вера Клюенкова сортируют рыбу.

Скорость и направление ветра, температура и влажность воздуха, волновые явления — все это регулярно заносится в журналы гидрометеорологических станций Рыбинского моря. На снимке: метеоролог-наблюдатель П. Патенцева на вахте.

В рыболовецких колхозах Рыбинского моря хорошо знают водолаза Николая Денисовича Ляшенко. Это он расчищает дно от пней и кустарников — остатков вырубленного перед затоплением леса. После трудной работы под водой приятно, сняв скафандр, отдохнуть на палубе катера.

Фото М. Савина.

БЛИЗ Куйбышева

А. СТАРКОВ

I

Девятнадцать лет назад, когда вошла в строй знаменитая магнитогорская домна «Комсомолка», всем ее строителям, в том числе молодому инженеру Ивану Комзину и партийному работнику Александру Кащееву, вручили на память чугунные плитки, отлитые из первого выданного печью металла.

В доме Кащеевых эту небольшую, но увесистую плитку хранили на комоде, и куда бы Кащеевы ни переезжали — а делали они это часто, — плитку забирали с собой.

Во многих семьях есть какая-нибудь незатейливая вещица, к которой относятся с благоговением и которую берегут как драгоценность, ибо с ней связаны дорогие сердцу воспоминания.

Так и у Кащеевых чугунная плитка была семейной реликвией. Дети знали, как дорога она отцу, и, хотя им во всех подробностях было известно, при каких обстоятельствах попала плитка в дом, они любили снова и снова расспрашивать его об этом. Обычно сдержанный в чувствах, малоречивый, Кащеев мог часами рассказывать детям о «Магнитке». Несмотря на то, что он работал после нее на многих стройках, «Магнитка» оставалась его самой большой гордостью.

Ребята привыкли, что «папа обязательно что-нибудь строит». Они побывали в Миассе, Златоусте, Магнитогорске. Потом их привезли в Свердловск. Жили Кащеевы в поселке Уралмашстроя, в доме, над которым долго не было крыши: в верхних этажах шла еще кирпичная кладка, а в нижние уже въехали жильцы.

Вокруг рыли котлованы, в воздухе висела цементная пыль. Ребята были в курсе всех событий на строительстве, знали, сколько замесов бетона дала сегодня бригада Габибуллина, и что десятник Сидоренко «слабо внедряет механизацию на своем участке», и его «будут прорабатывать». Во дворе сооружались «домны», прокладывались «железные дороги», возводились «плотины». Дух созидания витал над маленьким ребячьим миром.

Александр Матвеевич говорил:

— Ну, цыплята, подрастайте быстрей, торопитесь, а то мы, старики, все построим, и вам делать будет нечего!..

И «цыплята» торопились, подрастали. Вот и младшая дочка Инна, любимица отца, с отличием окончив десятилетку, уезжает в Москву, в институт. А вот она и дипломированный инженер-электрик и уже вышла замуж. Бежит время!

Мужа Инны зовут Вирхилио Льянос. Он испанец. Ему 24 года, из которых двенадцать лет он жил в Малаге, Мадриде, Валенсии и двенадцать в Ленинграде — в декабре 1938 года туда пришел пароход с испанскими детьми, — в Москве, Саратове, Свердловске... Вирхилио работает старшим инженером в свердловском тресте «Сельэлектро». Дома бывает раз в месяц. Он строит колхозные гидростанции: в Баженовке, в Знаменке, в Афанасьевке. Инна завидует ему. Правда, работа у нее на заводе тоже интересная. И все-таки завидно. Она ведь дочь строителя. Хочется на стройку... Вирхилио шутил:

— Я возьму тебя с собой только в том случае, если мне доведется сооружать станцию мощностью не меньше двух миллионов киловатт.

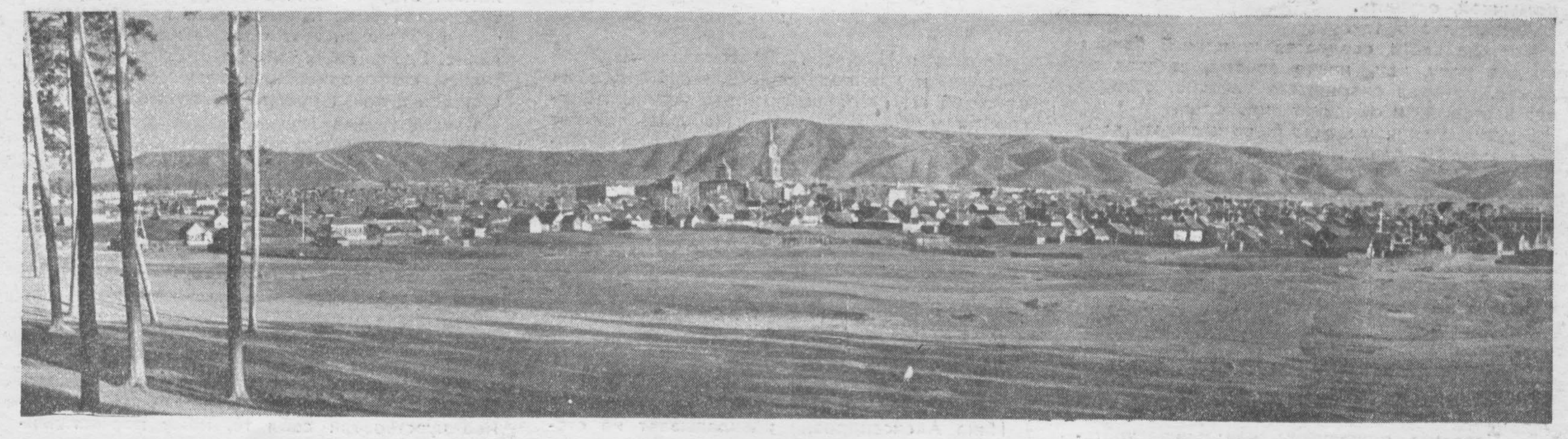
Эту шутку вспомнили, когда читали постановление правительства о строительстве Куйбышевской ГЭС.

— Теперь мы поедем вместе, — сказала Инна, словно у Вирхилио в кармане уже лежала путевка в Куйбышев.

— Поедем! — сказал Вирхилио.

Покой был нарушен. Все разговоры, все мысли — о волжской стройке. Вирхилио подсчитал, что гидравлические и тепловые электростанции Испании, вместе взятые, не дают столько энергии, сколько даст одна Куйбышевская...

Разослали письма во все концы. Написали министру электростанций: «...обращаемся к Вам, как воспитаннику института, в котором мы учились». Написали в Центральный Комитет комсомола и в Куйбышев начальнику Гидростроя Комзину. Отец сказал, что это, наверно, тот самый Комзин, которого он знает по «Магнитке»...

В недалеком будущем здесь разольются воды Волги, образуется Куйбышевское водохранилище, город будет перенесен на новое место.

Фото Б. Кузьмина

Ответ из Куйбышева пришел быстро: «Приезжайте».

Как завидовали Вирхилио и Инне все их друзья!

Старик-вахтер, сидевший у входа в цех, подошел к Инне и сказал:

— Эх, дочка, полетел бы и я на Волгу! Я ведь бригадиром плотников был на Днепрострое...

II

С Вирхилио мы познакомились в кабинете начальника производственного отдела «Куйбышевгидростроя» Григория Васильевича Зерцалова. Льянос докладывал о результатах своей командировки в Москву и Минск. Он побывал на строительстве высотного здания университета, на выставке строительных материалов, на «Белтракторострое», знакомился с техническими новинками, изучал опыт.

— Мы соберем сотрудников отдела, позовем товарищей из районов, — сказал Зерцалов, — и вы нам подробно обо всем расскажете. А пока прошу связаться с правым берегом...

Зерцалов носит темносинюю суконную толстовку, подпоясанную широким ремнем. Похож он на человека «сидячей» профессии, тяжелого на подъем. А он полстраны объездил и меньше всего сидел за столом, и квартирой ему очень часто служила походная палатка. И если вы хотите познакомиться с историей постройки многих наших гидростанций, попросите Григория Васильевича рассказать вам о своей жизни.

Волховская? О, еще в двадцать третьем году проходил он на Волхове студенческую практику и помнит, какой праздник царил на строительной площадке, когда поперек реки встали десять железобетонных кессонов и их начали опускать в воду! По тому времени это было величайшим достижением...

Сызранская? Эту станцию сооружали неподалеку от того района, где сейчас воздвигается Куйбышевская. Так что Зерцалов не впервые в этих местах. Он был тогда старшим прорабом на строительстве плотины. Советские гидротехники дали в ту пору бой итальянской школе расчета плотин, утверждающей что воде, которая давит на сооружение, можно противопоставить лишь его вес и массу. Эта теория покоилась на так называемом «коэфициенте незнания». Есть, оказывается, такой термин. Если какое-нибудь явление недостаточно изучено, следует застраховать себя. В данном случае это означало, что нужно положить как можно больше бетона и тем самым утяжелить конструкцию... Плотине же на Сызранке был придан легкий, до предела «обжатый» профиль. Казалось, что вода без особых усилий опрокинет ее. Но плотина, как известно, стоит. И почему, собственно, она должна «опрокидываться», коль все продумано, исследовано, рассчитано до тонкостей и «коэфициент незнания» сведен к нулю?!

Иваньковская... Головное сооружение на канале имени Москвы. Станция и плотина, смело поставленные не на скале, как обычно, а на упругом, глинистом основании.

— Мы первыми в мире, — говорит Зерцалов, — перестали бояться глины, песка, сделали их своими союзниками. Мы научились бороться с плывунами.

Итак, Григорий Васильевич собирался поведать нам о своей жизни, а рассказал о строительстве гидростанций. Но ведь это и есть его жизнь!

Мы попросили Зерцалова продолжить рассказ и услышали о многих чудесных вещах, которые будут применяться тут, на Волге.

Вдруг, спохватившись, Зерцалов сказал:

— Ну, хорошего понемножку! Я с вами разговорился, а меня люди ждут из Комсомольского района. О новом методе бетонирования и всем прочем вам доскажет Льянос. Преотличнейший, кстати сказать, инженер. Энтузиаст!

Льяноса мы встретили на дне моря, то бишь на одной из улиц маленького заволжского городка, где разместилось управление

строительства. Этому городку, в самом деле, придется стать дном будущего Куйбышевского моря.

Вирхилио на ходу перелистывал страницы какой-то рукописи.

— Что это у вас?

— Описание нового метода бетонирования.

— Вот хорошо. Именно по этому поводу мы и разыскивали вас.

— Жаль, что вам не удалось повидаться с автором этого изобретения. Читаю в десятый раз и не перестаю удивляться! Чудо? Вы слышали про термин: «коэфициент незнания»?

— Приходилось, — подтвердили мы, вспомнив рассказанное Зерцаловым.

— Так вот, покончили с этим «коэфициентом» еще в одной области... Почему мы стоим с вами посередине улицы? — вдруг удивился Льянос.— Идемте к нам в отдел!

III

Тут всегда полно народу, всегда шумно. Побудешь часок, многое узнаешь.

Начальник одного из строительных районов пришел согласовать месячный график работ в портовом городке. Моря еще нет, а морской порт уже строится. Пока он вон там, высоко на горе, далеко от воды, но будет время — и вода подойдет к его причалам вплотную.

Приехали взрывники. Строительству требуются сотни тысяч тонн камня. Он добывается в Жигулях. Могутова гора уже вся изранена, но камня нужно все больше и больше. И взрывники докладывают о своих планах на ближайшее время: в субботу предполагается произвести огромной силы взрыв на выброс.

Звонят из отдела подготовки зоны затопления — есть и такой на строительстве! Речь идет о перевозке на незатопляемые места тридцати тысяч жилых домов. Перевезти их нужно целенькими — с крылечком, с крышей, с трубой...

Чаще всего раздаются в этой комнате слова: «котлован», «перемычка», «шпунты». Очевидно, сейчас это главная забота!

Здание гидростанции встанет в ложбине на правом берегу Волги и на половину своей длины врежется в реку. Значит, «врежется» в нее и котлован. Это место надо оградить перемычкой, осушить.

Делается это так.

Прежде всего создается каменный банкет на дне реки, или, иначе говоря, подводная дамба, которая сдерживает течение, отводит его в сторону и образует тиховодье.

В данном случае нужно было насыпать дамбу высотой в девять и длиной в четыреста метров.

Нет для этого более удобной поры, чем зима. Летом все страшно усложняется: камень подвозят на машинах к причалу, перегружают на баржи и с них уже ссыпают в воду. А зимой пробиваются на льду майны, и к ним подкатывают машины с камнем...

Говорят, что, когда началась насыпка банкета, произошел такой забавный случай.

В стройрайон позвонила из управления девушка-секретарь одного из отделов, только что приехавшая на стройку:

— Позовите, пожалуйста, начальника третьего участка.

— Он на банкете.

— Тогда главного инженера.

— Тоже на банкете.

— Ну, прораба, десятника, кого-нибудь из начальства, понимаете?

— Все на банкете.

— Да что это у вас за банкеты в рабочее время! — возмутилась девушка.

Может быть, и не было такого разговора. Может быть, это шутка. Но, действительно, в те дни все были «на банкете», на льду. Камня требовалось насыпать сорок тысяч кубометров, а времени в обрез. Близилась весна, а с ней половодье. Нужно было спешить...

И по соседству, чуть ниже по течению, тоже спешили.

Там укладывали на дно реки дюкер — три стальных трубопровода, которые должны были лечь от берега к берегу. Для чего? Для того, чтобы землесос мог гнать по ним песок с левого, песчаного берега на правый, каменистый, где нужно намыть перемычку — временную подковообразную плотину...

Два трубопровода уложили без особых затруднений. С третьим было хуже. Весна нынче на Волге поторопилась. Видно, не терпелось ей взглянуть, что за чудесные дела начались в ее отсутствие на волжских берегах...

С низовьев, из-под Сталинграда, доносили: река оживает, лед двинулся. А трубы лежали еще не сваренные. И вот дан был срок, который казался немыслимым. Монтажники, сварщики, водолазы сказали: «Сделаем!» И сделали, нарушив, между прочим, планы кинооператоров, которые собирались заснять укладку последней «нитки» дюкера. Им назвали день, когда это будет. Накануне они позвонили начальнику Гидростроя: можно ли завтра приезжать? Не рано ли?

— Поздно.

— Поздно?!

— Дюкер уже на дне. Гидромеханизаторы закончили работу раньше назначенного им срока...

— Ой, как они нас подвели!

— Ну, что ж, могу только посочувствовать.

Итак, банкет насыпан, дюкер проложен.

— Теперь,— сказал нам Льянос, — как только вода спадет посильней, начнем бить шпунты, намывать перемычку. Шпунты — это скрепляемые меж собой металлические доски. Они образуют длинный «забор» для охраны перемычки от воды. Уже идут сюда паровые копры. Они-то и будут вбивать шпунты, как сваи, в грунт реки. Очень сложная операция. Управляют копрами закоперщики — смелый, боевой народ. Недаром говорят: «Закоперщик». Это означает зачинщик, заводила... Скоро прибудут к нам сверхмощные землесосные снаряды. Вы, конечно, наслышаны об этой советской чудо-машине. Да-да, та самая... За час разрыхляет, всасывает и перебрасывает по трубам тысячу кубометров земли. Для нашей перемычки нужно намыть три миллиона кубометров песка. Три земснаряда сделают это меньше чем за полтора месяца! Подобных машин будет у нас много. Представляете, сколько электрической энергии потребуется?

— А где вы возьмете эту энергию?

— Об этом вам расскажет главный энергетик строительства Протопопов, — сказал Льянос, а потом с улыбкой добавил: — И его помощники.

IV

Серапион Иванович Протопопов манерой говорить и двигаться напоминает Зерцалова: он такой же степенный и медлительный. Биография у них тоже сходная: двадцать лет Протопопов строит электростанции и работает на электростанциях. Сюда, в Жигули, он приехал с Волго-Дона, с Цимлянского гидроузла, а до этого восстанавливал Днепрогэс.

Главный энергетик подводит нас к чертежному столу, за которым сидит молодая темноволосая женщина, и обращается к ней:

— Инна Александровна, покажите нам, пожалуйста, чертежи...

Мы знакомимся. Женщина называет себя:

— Кащеева.

Так вот почему Льянос улыбался, отсылая нас к Протопопову и его помощникам...

Инна Александровна раскладывает на столе нужные чертежи. Протопопов объясняет:

— Электрической энергией строительную площадку будут питать два источника: над левым берегом возьмет шефство Куйбышев, над правым — Сызрань. На обоих берегах сооружаются подстанции. Они соединяются меж собой воздушной линией передачи. Линия пройдет над Волгой. Сейчас мы ставим две стальных опоры...

Взглянув на часы, Серапион Иванович просит извинения: он должен уйти. Инна продолжает его рассказ:

— Перебросить над рекой километровый трос — нелегкая задача. Левый берег — низина, правый — Лысая гора. Разница в высотах 93 метра! Я советую вам непременно побывать на Лысой горе, у наших летчиков.

...Мы думали, что Инна Александровна шутит, называя строителей правой опоры летчиками.

Оказалось, что там, на вершине, и в самом деле подобрались авиаторы.

Прораб Павел Казаченко — бывший истребитель. Ходит он в коротеньком пиджачке, в приплюснутой кепочке, а все же виден в нем летчик: взгляд острый, собранный, походка стремительная, речь отрывистая. Его легко представить в летном комбинезоне, в шлеме. Он комсомолец. Школу-десятилетку окончил перед самой войной. Выпускной вечер был назначен на 22 июня и не состоялся. Через неделю он ушел воевать...

Почему Казаченко стал строителем? «А потому, — отвечает он, — что это самая нужная и самая романтичная профессия». Сказано, быть может, слишком горячо, но искренно, убежденно. Он, Павел, всегда такой. Поэтому, наверное, и пришелся он по душе Георгию Лукичу Чабану, начальнику участка, «пятидесятилетнему комсомольцу», как его называют. И, действительно, этот человек, вступивший в комсомол в 1920 году, так и остался на всю жизнь комсомольцем — молодым, восторженным, влюбленным в свою «расчудесную профессию» строителя-механика. На каких только строительствах не работал он! И в Карелии, и в Караганде, и на Дальнем Востоке, «далеко от Москвы», как раз там, где подсмотрел своих героев Василий Ажаев. А в молодости служил Георгий Лукич в авиации.

Третий авиатор, Володя Исаев, десятник, бывший бортмеханик. Это он, Володя, был вместе с Казаченко, когда их отрезало внезапно разлившейся водой, и они остались одни, и нужно было спасать машины, доски, цемент. Они спасли. Мокрых и простуженных, как родных сынов, обнимал и целовал их потом растроганный Лукич.

Вот кто строит опору высоковольтной линии передачи на отметке 128...

V

В Доме культуры проходила конференция молодых специалистов.

Инна и Вирхилио пришли пораньше. Ведь она секретарь комсомольской организации управления, а он — «производственный сектор».

Сидели в сторонке и наблюдали, кто входит.

Вот вошел старик Дмитриев, горный инспектор. Тот самый Дмитриев Александр Федорович, который в 1939 году проводил свой летний отпуск в качестве директора детской туристской базы и у которого гостили испанские ребятишки, в том числе маленький Вирхилио. Здесь, на стройке, они случайно встретились, разговорились, и получилось так, что они вон с каких времен знакомы!

Вошла Римма Кашникова; в руках у нее свернутые в трубочки чертежи. Она несла стадион, будущий стадион будущего города на берегу будущего Куйбышевского моря...

Вошел высокий, широкоплечий, моложавый Иван Васильевич Комзин, начальник строительства, и Инна подумала: «Интересно, хранит ли он чугунную плитку?» И тут же сама себе ответила «Ну, ясно, хранит!»

Это была конференция молодых строителей. Но тут сидели и ветераны Волхова, «Магнитки», Уралмаша, Беломорско-Балтийского канала, Сталинградского тракторного, Днепра. Рядом с ними радостнее и увереннее чувствовали себя те, кому посчастливилось первые свои шаги сделать сразу на великой стройке коммунизма.

Прекрасно сказал об этом, выступая на конференции, комсомолец Вирхилио Льянос.

— Недавно мой товарищ — испанец, работающий на Волго-Доне, — получил из Мадрида письмо от своего брата-каменщика. Тот пишет: «До нас дошел слух о новых огромных стройках, которые начал Советский Союз. Как бы хотелось мне вложить хоть один кирпичик в эти здания, в эти плотины!».

— А мы, — продолжал Вирхилио, — вложим не один, а миллион кирпичей. Вот какое нам счастье! Мы, молодые специалисты, считаем себя пока маленькими инженерами большого строительства. Мы мечтаем оказаться достойными этой стройки. У нас много сил и энергии, и мы хотим соединить их с опытом и знанием ветеранов. Мы хотим, чтобы товарищ Сталин был доволен нами...

Так говорил Вирхилио, и все аплодировали ему.

Назым Хикмет в Москве

Назым Хикмет вступил на московскую землю под гул радостных приветствий друзей, приехавших встречать его на аэродром. Он вышел из самолета и сразу попал в братские объятия.

— Мо-сква, — читает по слогам Назым Хикмет слово, начертанное крупными буквами на фронтоне аэропорта, слово, согревавшее его в годы тяжелой тюремной неволи.

— Москва! — повторяет взволнованно Хикмет. — Неужели я в Москве?

На глазах его слезы.

Хикмет просит проехать с аэродрома на Ленинские горы, чтобы увидеть Москву. И вот перед ним родной и великий город, который он воспевал в турецкой тюрьме.

В разное время турецкий поэт Назым Хикмет был приговорен в общей сложности к 55 годам тюремного заключения. 17 лет он провел в заточении, из них последние 13 — без перерыва.

— Мне кажется, сегодня я снова родился, — говорит Назым Хикмет.— Не знаю, как рассказать о своей радости... В тот день, когда жандармский офицер сказал мне: «Ты свободен, Хикмет», — я был очень счастлив. Но сегодня, в день приезда в Москву, я трижды счастлив.

...Мы сидим в номере гостиницы «Москва», где остановился поэт, и слушаем его рассказ о тюрьме в городе Бурса, о тюремном госпитале в Стамбуле. В этот госпиталь, расположенный в рабочем районе Стамбула, Хикмет был переведен незадолго до своего освобождения.

День и ночь у его койки дежурили два жандарма и офицер. В коридоре всегда было полно полицейских. О, они боялись измученного голодовкой, больного Хикмета!

— В те дни, — рассказывает поэт, — в Турции проходила избирательная кампания. Этим воспользовались прогрессивные организации: они добились у властей разрешения провести митинг, чтобы потребовать моего освобождения. Митинг разрешили. В одном из небольших залов Стамбула собрались рабочие, представители прогрессивной интеллигенции и студенты. Там была и моя слепая мать.

Только начался митинг, как на американских джипах примчался отряд полицейских. Несмотря на разрешение провести собрание, полицейские начали выгонять народ из зала. К ним на помощь подоспели фашистские молодчики. Они избили многих участников митинга, в том числе и мать мою, 75-летнюю старуху. Многие были тогда арестованы.

А через несколько дней под нажимом народных масс, требовавших свободы Хикмету, тюремные двери раскрылись.

Тотчас в госпиталь прибыли его друзья.

— На улицу выходить нельзя, — сказали они Хикмету. — Тебе объявили: свобода — и подослали сюда убийц.

— Я никуда не поеду, — сказал Хикмет громко, чтобы его слышали жандармы. — Я еще очень плохо себя чувствую и пробуду здесь две недели.

Так он обманул своих врагов. В тот же день, улучив подходящий момент, он вышел из тюремного госпиталя.

— В тюрьму иногда к нам попадали фото московских улиц и площадей, — продолжает Хикмет. — Сколько они доставляли мне радостного удивления! Я был в Москве в двадцатых годах. Ее не узнать! Смотрю на Пушкинскую площадь — нет памятника Пушкину. Как же так, думаю? Это не площадь Пушкина! А теперь, оказывается, Александр Сергеевич переехал...

И он счастливо смеется, и глаза его светятся большой, ни с чем не сравнимой радостью.

Затем разговор заходит о бухарестских впечатлениях. В Румынии Хикмет побывал у рабочих — на заводах, в коллективных сельских хозяйствах, у пионеров — в их дворце. Всюду его встречали, как друга и брата. Но больше всего его тронули дети: они по-румынски читали стихи, которые он писал в тюрьме.

Оказавшись на свободе, Хикмет с жадностью набрасывается на газеты. В них он находит беседу товарища Сталина с корреспондентом «Правды». Он пишет пламенные строки, навеянные историческими словами великого вождя о мире.

Хикмет встает, читает стихи по-турецки и потом сам их переводит.

— У товарища Сталина, — говорит Хикмет, — есть такие слова: «Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца. Война может стать неизбежной, если поджигателям войны удастся опутать ложью народные массы, обмануть их и вовлечь их в новую мировую войну». Я прочитал эти сталинские слова и написал стихи, в которых есть такие строки:

Обманут вас или не обманут —
Вот в чем вопрос!
Если вы обмануты,— вас уничтожат,
Если вы знаете правду,— вы будете жить!

Председатель Советского комитета защиты мира поэт Н. С. Тихонов приветствует в московском аэропорту Назыма Хикмета.

Фото А. Гостева

Затем Назым Хикмет рассказывает о движении сторонников мира в его родной стране. Не так давно в Стамбуле был создан «Комитет любящих мир». В него вошли рабочие, студенты, домашние хозяйки, интеллигенты. Когда по указке американских империалистов правительство решило послать турецких юношей в Корею, «Комитет любящих мир» выступил с протестом.

— Каждому стало ясно, — говорит Хикмет, — что турецких солдат посылают в Корею не для защиты родины, а для защиты интересов американских империалистов. «Комитет любящих мир» издал листовку, в которой показал, что посылка наших солдат в Корею направлена против интересов народа и что эта затея не может принести Турции ничего, кроме нового горя и новых страданий.

Листовка, изданная большим тиражом, была мгновенно расхватана на улицах Стамбула и пошла по рукам. После этого многие организаторы «Комитета любящих мир» были арестованы. Недавно они предстали перед военным трибуналом, который присудил их к тюремному заключению.

Эпизод с этой листовкой лучше всего иллюстрирует ту обстановку, в которой приходится действовать сегодня сторонникам мира в Турции.

Гневом светятся светлые глаза Хикмета, когда он говорит о том, как хозяйничают в Турции американцы. На улицах Анкары, Стамбула и других городов они держат себя, как завоеватели.

— Тюрьмы переполнены, — говорит Хикмет. — Многие наши товарищи по борьбе томятся в подземельях. Но растут новые смелые бойцы за мир, за освобождение родного народа от американского фашистского ига.

О чем ни заходит речь, Назым Хикмет возвращается в своих мыслях к Москве:

— Я хожу по улицам, и я смотрю не на здания, которые сами по себе прекрасны и представляют облик новой, незнакомой мне Москвы — я смотрю на людей. Никогда ничего подобного я не видел. Я вижу: выросло в СССР новое, счастливое поколение. Мне кажется, что во я и мужество этого поколения, его большая культура и счастье, которого нигде в мире не увидишь, — это и есть самая большая победа Советского Союза и великого вождя народов товарища Сталина.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Митинг в день открытия новой железной дороги Сызрань — Жигулевск.

Фото М. Клименкова (Фотохроника ТАСС)

Путь к великой стройке

В конце июня на строительную площадку Куйбышевского гидроузла из Сызрани пришел первый поезд. Он доставил по новой железнодорожной линии экскаваторы и строительные материалы. У села Отважное появилась маленькая, но с большим будущим станция Жигулевск. Редакция «Огонька» связалась с ней по железнодорожному селектору. К аппарату подошел начальник политотдела Куйбышевского строительного управления Министерства путей сообщения Владимир Семенович Любовцев.

МОСКВА. Расскажите, пожалуйста, о новой дороге.

ЖИГУЛЕВСК. Строительство этой линии началось в октябре прошлого года. На ней уложено 120 километров магистральных и станционных путей. Работа велась в трудных условиях. Для доставки камня, бетона и других материалов надо было вырубать горные просеки, корчевать пни, пробивать траншеи.

МОСКВА. Кто отличился на стройке?

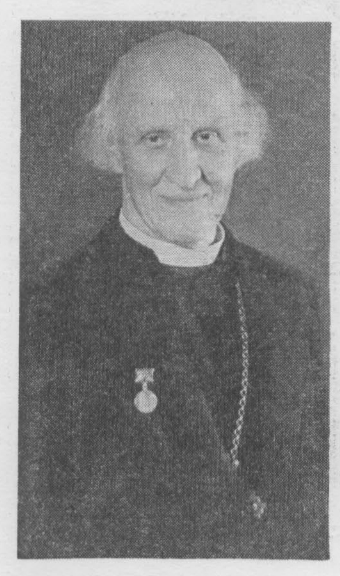
ЖИГУЛЕВСК. Таких людей много. Я назову только несколько фамилий. Прекрасно работали плотники бригады тов. Меркушина, каменщики — Бедерова, шоферы Шевелев, Иванов и Агеев. Нельзя не отметить и молодых колхозников Саратовской области, возглавляемых комсомольцем Макаровым.

МОСКВА. Кому выпала честь провести первый поезд на Жигулевск?

ЖИГУЛЕВСК. Машинисту Николаю Сычеву. В социалистическом соревновании с машинистами дороги он завоевал право доставить первый маршрут с грузами от Сызрани до Жигулевска. Прибытие поезда явилось большим праздником и строителей и железнодорожников. Начинается пора напряженной деятельности. Уже поступили заявки на платформы для шагающего экскаватора и других механизмов.

Хьюлетту Джонсону и Эжени Коттон вручены международные Сталинские премии мира

Хьюлетт Джонсон.

27 июня сего года в Свердловском зале Кремля состоялось заседание Комитета по международным Сталинским премиям. Собравшиеся тепло встретили приехавшего из Лондона известного английского общественного деятеля, активного борца за мир, настоятеля Кентерберийского собора Хьюлетта Джонсона.

Председатель Комитета академик Д. В. Скобельцын вручил г-ну Х. Джонсону диплом лауреата и золотую медаль с изображением барельефа великого борца за мир И. В. Сталина.

Советская общественность горячо поздравила Хьюлетта Джонсона, чья мужественная и страстная деятельность в защиту мира вызывает восхищение всего прогрессивного человечества.

* * *

2 июля международная Сталинская премия мира была вручена Председателю Международной демократической федерации женщин Эжени Коттон.

Г-жу Эжени Коттон сердечно приветствовали представители Советского комитета защиты мира, Антифашистского комитета советских женщин и Академии наук СССР.

Выступавшие единодушно отмечали выдающиеся заслуги г-жи Коттон в деле защиты мира, в борьбе за сплочение прогрессивных женских организаций земного шара, против поджигателей новой войны.

В своей ответной речи г-жа Коттон говорит о росте могучего движения сторонников мира, она горячо и взволнованно благодарит за высокую честь, оказанную ей.

После заседания Комитета многие из находившихся в Свердловском зале подходили к столу президиума и лично поздравляли г-жу Эжени Коттон, желая ей здоровья и сил в ее благородной деятельности в защиту мира.

Эжени Коттон.

На снимке — вид вновь отстроенного села Лидице.
Фото Чехопресс.

В новом селе Лидице

В июне 1942 года гитлеровцы сожгли дотла чешское село Лидице. Трагедия жителей этого села известна всему миру. Ныне Лидице отстроено вновь, но ужасные дни июня 1942 года не забыты.

Недавно здесь собрались тысячи граждан Пражской и других областей Чехословакии, чтобы потребовать еще и еще раз заключения Пакта Мира между пятью великими державами. Митинг проходил под лозунгом: «Не допустим повторения лидицкой трагедии!» В этот день жители Лидице и все участники митинга тепло приветствовали председателя Чехословацкого комитета сторонников мира А. Годинову-Спурну и приехавшего из Берлина известного немецкого антифашиста заместителя премьер-министра Германской Демократической Республики Отто Нушке. Его выступление, посвященное успехам молодой Германской Демократической Республики, укреплению германо-чехословацкой дружбы, было встречено с большим удовлетворением.

МОНИКА ФЕЛТОН СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ...

Международная демократическая федерация женщин направила в Корейскую Народно-Демократическую Республику комиссию по расследованию зверств американо-английских интервентов.

Среди членов комиссии была англичанка Моника Фелтон. По возвращении на родину она рассказала своим соотечественникам о тех злодеяниях, которые совершают американо-английские захватчики. За свой честный объективный рассказ об увиденном в Корее Моника Фелтон подверглась жестоким преследованиям со стороны английских властей. Ее лишили работы. Буржуазная реакционная печать начала травить Монику Фелтон. Ее хотели предать суду.

Однако прогрессивные силы Англии дали отпор этой попытке расправиться с отважной сторонницей мира, видной деятельницей международного демократического женского движения.

На фото справа: Моника Фелтон выступает на пресс-конференции в Корее.

На фото слева: Члены делегаций Международной демократической федерации женщин у могилы корейских патриотов, замученных англо-американскими интервентами.

ВОЗДУШНЫЕ КАРТОГРАФЫ

С той горы, как авиация стала транспортом, вошла в быт, никого не удивляют виды, открывающиеся в полете из окна кабины. Пассажиры рассеянно смотрят вниз: поля и леса, долины и горы. Беспорядочно мелькая, один ландшафт наплывает на другой. Но есть люди, умеющие по-особенному видеть землю с высоты. Это работники аэрофотосъемки.

С картами, составленными по аэроснимкам, идут в тайгу геологи; этими картами пользуются на строительстве городов и заводов, при изыскании железных и шоссейных дорог, осушении болот, посадках леса. Наша страна — родина аэрофотосъемочного дела — по размаху этих работ оставила далеко позади все зарубежные страны.

Аэросъемщики внешне ничем не отличаются от других летчиков Гражданского Воздушного Флота. Ничем не примечателен и их аэродром — широкое поле за сосновым лесом. Но приглядимся пристальней к самолетам, на крыльях которых начертаны большие буквы «Ф». В передней части фюзеляжей выступают стеклянные полусферы. Огромные «глаза» эти придают машинам сходство с живыми существами.

Рано начинается день в летном отряде Главного управления геодезии и картографии. Еще только светает, а по примятой, влажной от росы траве к самолетам движутся люди. Привычными движениями механики сдергивают чехлы с моторов — и вот уже пропеллеры вычерчивают в воздухе первые круги.

За толстыми стеклами полусфер показываются озабоченные лица штурманов А. С. Егорова и Н. Н. Потапова: они проверяют навигационное оснащение машин.

В домике под соснами командный пункт отряда и метеостанция. Вручая диспетчеру очередную сводку, синоптик говорит:

— Хорошую видимость могу гарантировать только на утро. С полудня начнется облачность...

Диспетчер расстроен. Облака, даже самые незначительные, никак не мешающие полету, становятся непреодолимым препятствием при фотографировании с высоты.

Пилоты Н. И. Кузнецов и Д. К. Суровнев торопятся использовать утренние безоблачные часы. Самолеты выруливают на старт, взлетают, ложатся на курс — каждый «в свой район». Суровневу предстоит съемка колхозных полей для новой карты землепользования, Кузнецову — фотографирование горнорудного бассейна: там будут строить новые шахты.

Николай Иванович Кузнецов семнадцать лет провел за штурвалом аэросъемочного самолета.

— Нашего брата,— говорит он,— можно, пожалуй, сравнить с канатоходцами.

И действительно, достаточно провести с Кузнецовым час в полете, чтобы представить себе все своеобразие и сложность аэросъемки.

Снимок требует точности. На высоте в несколько километров самолет не должен отклоняться от заданного курса ни на метр. И проложенный штурманом маршрут становится тем невидимым «канатом», на котором часами балансирует пилот.

Ни магнитный, ни радиокомпас не могут гарантировать нужную точность самолетовождения. На помощь приходит особый прибор, сконструированный советскими инженерами,— солнечно-теневой компас. Установленный наверху под стеклянным колпаком, он фиксирует положение машины относительно солнца. Теневая черта на компасе контролирует каждое движение летчика. Малейшая ошибка в пилотировании дает себя знать отклонением этой черты.

На высотах редко бывает штиль. Какой бы ветер ни дул — встречный, попутный, боковой,— он всегда сносит самолет с курса. И здесь необходим бдительный контроль штурмана. За выпуклыми полусферами бортовые визиры. Они служат для определения угла сноса.

...Самолет идет по маршруту, следуя наземным ориентирам. Впереди высоковольтная мачта. Прищурив глаз, Егоров наклоняется над окуляром оптического визира, вмонтированного в пол кабины. Крохотная для невооруженного глаза, еле заметная с высоты, точка увеличивается линзами во много раз. Вот она проплывает прямо под самолетом, на какую-то долю секунды задерживаясь на перекрестье визира. Егоров утвердительно кивает головой: хорошо, все в порядке, курс верен.

Мерно гудят моторы. Чуть вздрагивает корпус машины. С точностью метронома отщелкивает снимки фотоаппарат. Масштаб — 1 : 60 000. На одном сантиметре пленки изображение 600 метров поверхности. Час полета — и в кассетах собираются снимки полутора тысяч квадратных километров.

Но солнце поднимается выше, набегают облака, тени их темными пятнами ложатся на землю.

После посадки оператор собирает кассеты, разряжает статоскоп: на пленке этого прибора ломаной линией записано, насколько точно был выдержан полет по горизонтали.

Аэросъемщиков ждут в лаборатории, расположенной в соседней деревне, за лесом. Начальник экспедиции Вадим Семенович Мельников и его сотрудники привыкли к походной обстановке. Довелось им побывать и в Средней Азии и в Заполярье. В палатке ли, в юрте ли, в крестьянской ли избе — везде они чувствуют себя как дома.

Сотни метров заснятой сегодня пленки проявлены, высушены. Получены контактные отпечатки, и на широком дощатом стенде фотограмметристы ведут «накидной монтаж». Снимки укладываются рядами в строгой последовательности. Широкая извилистая лента реки, белые стрелы шоссе, светлые прямоугольники посевов, квадратики домов, волнистые контуры леса... Начинаясь в одном кадре, изображения завершаются в последующих. Множество разрозненных отпечатков, причудливых, как мозаика, собираясь воедино, дают «портрет» огромной территории.

В просмотре и обсуждении фотоснимков вместе с В. С. Мельниковым и А. С. Егоровым участвуют старейший аэросъемщик Н. Д. Богомолов и его недавний ученик Л. И. Лукьянов. Всего три года назад юноша окончил аэросъемочное училище, а теперь уже выполняет самостоятельно сложные задания. Только минувшей весной фотографировал он с воздуха район Жигулей для крупномасштабной карты, необходимой строителям Куйбышевского гидроузла.

Как часто бывает среди людей, связанных годами совместной работы, заходит речь и об отсутствующих. Богомолов и Егоров вспоминают Александра Макаровича Арутюнянца, вместе с которым они восемь лет назад открыли в горах Тянь-Шаня новую вершину, названную пиком Победы. Давно это было, а и сейчас свежи в памяти подробности трудных полетов: «Высота восемь — девять тысяч метров, шутка ли!..»

Люди говорят о давнем событии с увлечением, воссоздавая малейшие подробности тех памятных дней.

Велико счастье открытия! И радостно сознание творчества! Аэросъемщики обсуждают новые карты для укрупненных колхозов, подводят итоги воздушных экспедиций в Каховку и Сталинград, строят планы предстоящих полетов к далеким сибирским рекам.

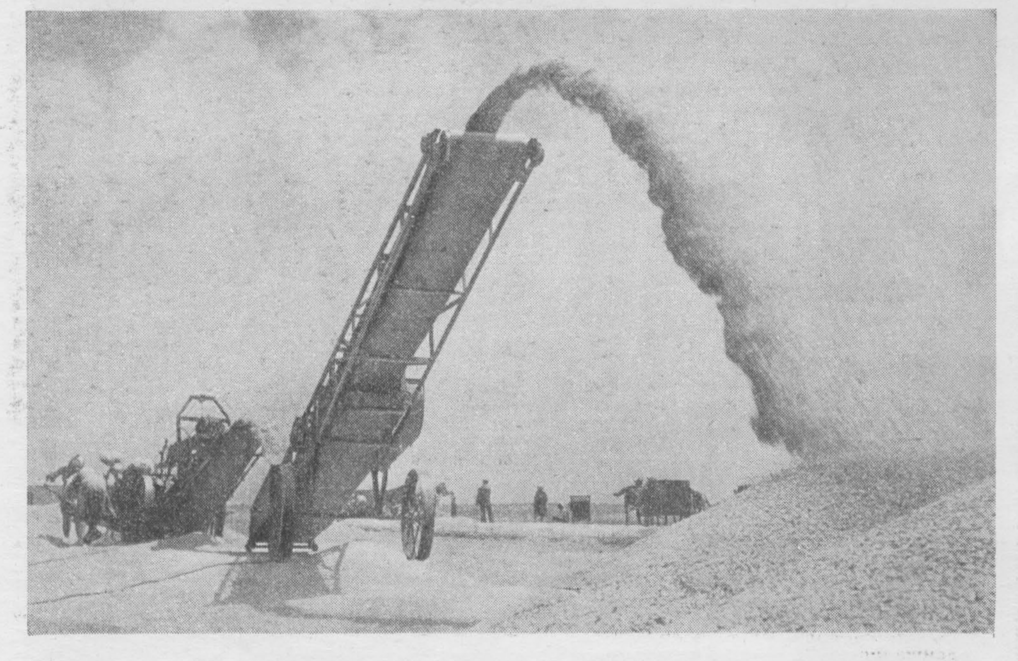
Первооткрыватели и разведчики, они любят свой труд.

С. МЕСЯЦЕВ

Штурман-аэросъемщик А. С. Егоров перед полетом.

Фото В. Евграфова

В Крыму развернулась массовая уборка хлебов. На снимке: очистка и сушка зерна при помощи транспортеров на току колхоза имени Фрунзе, Красногвардейского района.

Фото М. Альперта (Фотохроника ТАСС)

Кубань убирает урожай

Полевой стан тракторной бригады Героя Социалистического Труда Ивана Бунеева, точно остров, поднимается над бескрайним морем хлебов. Густая пшеница подступает к стану.

Иван Бунеев и Григорий Далматов, бригадир полеводческой бригады колхоза «Путь к коммунизму», Архангельского района, Краснодарского края, медленно шагают по полю. Далматов срывает несколько колосьев, пробует зерно ногтем, на зуб и, посмотрев на спутника, говорит:

— Пожалуй, пора.

— Сегодня начнем, — отвечает Бунеев.

Бригадиры возвращаются в стан, а через час Егор Гарбузов и Павел Крылов выводят на массив свои самоходные машины.

Комбайнеры засекли время, и работа началась по часовому графику. Григорий Далматов поставил на перевозку хлеба от комбайнов на ток четыре автомашины и десять бестарок. Транспорт солидный, но и он едва управляется.

...Надежды хлеборобов оправдались. С каждого из первых гектаров комбайнеры выдали по 150 пудов, затем сбор зерна стал расти и достиг уже 180 пудов.

На Кубани идет массовая жатва богатого урожая. Уборочная страда развернулась нынче стремительнее предыдущих лет и идет куда более организованно. Характерная особенность лета 1951 года — широкая механизация уборочных работ.

Если раньше комбайнами снималось 75—80% колосовых культур, то нынче — 95—98%. Почти повсеместно механизированы работы на токах: для очистки зерна колхозы установили тысячи машин на механической тяге. Впервые широко внедряются механизмы по погрузке и разгрузке автомашин.

В. ДАРМОДЕХИН

Электрик с броненосца «Потемкин»

Игнатий Ильич Карпенко перед восстанием на «Потемкине».

Фото М. Березы

Чапаевка! Типичное украинское приднепровское село. Над шляхами свисают пышные кроны зеленых деревьев. Куда ни бросишь взор, — сады, сады... На краю села, у самого полотна железной дороги, приютилась служебная будка путевого обходчика. На ней надпись: «Богушкова Слобода». Так некогда звалось это большое село Золотоношского уезда на Полтавщине.

Многие из старожилов слободы, честно отслужив в Чапаевской дивизии, затем вернулись домой. По их настоянию село и назвали именем легендарного полководца.

Живет здесь и участник исторического восстания на броненосце «Потемкин» в июне 1905 года Игнатий Ильич Карпенко.

Ныне, как и в каждую годовщину восстания, жители Чапаевки слушают рассказы старого моряка-односельчанина о памятных ему событиях 1905 года.

Игнатию Ильичу Карпенко сейчас 71 год. На броненосце он работал судовым электриком. От начала восстания вплоть до ухода корабля в румынский порт Констанцу Карпенко не сходил с броненосца.

Впоследствии севастопольским военным судом И. И. Карпенко был заочно приговорен к смертной казни. Но приговор привести в исполнение не удалось: моряк остался в Румынии. В 1917 году И. И. Карпенко вернулся в Россию — сначала в Севастополь, а оттуда в родное село, где и живет до сих пор.

Сын потемкинца, Григорий Игнатьевич, во время Великой Отечественной войны погиб на фронте смертью храбрых.

...И. И. Карпенко заканчивает беседу с молодежью:

— Живу я сейчас на покое, пенсию получаю. Гляжу вокруг себя и вижу, до чего стала хороша жизнь! И помирать не хочется. За такую вот счастливую жизнь почти полвека назад боролись и мы, потемкинцы.

К. БЕЛЫЙ

Трасса пролегает НАД ЖУКОВКОЙ

Командир воздушного корабля «Л-1805» Дмитрий Сергеевич Езерский вынул из планшета две карты. Одна — старая, протертая на сгибах, отслужившая свой век, другая — новенькая, даже нарядная.

Старая карта относилась к временам Великой Отечественной войны. По ней летал старший лейтенант Езерский в тыл врага: сбрасывал народным мстителям оружие, боеприпасы и продовольствие, а то и приземлялся на партизанском аэродроме, укрывшемся среди дремучих лесов.

По новой же карте летает теперь летчик майор гражданской авиации Герой Советского Союза Дмитрий Езерский.

Что общего между этими двумя картами — той, что стала священной реликвией пилота, и той, по которой он завтра поведет свою машину на Прагу? Как бы отвечая на этот вопрос, летчик разворачивает их. И тогда сходство сразу бросается в глаза: на обеих картах жирной линией обозначена одна и та же трасса — из Москвы на юго-запад. Когда-то Дмитрий Езерский летал по этому маршруту с боевыми заданиями. Сейчас он вправе назвать свой корабль крылатым посланцем мира. На его борту неутомимые борцы за дело мира на всем земном шаре — граждане СССР и Чехословакии.

Летчик бережно разглаживает измятый лист, испещренный цветными квадратиками, треугольниками, флажками и стрелами:

— Вот здесь в начале сорок второго проходила линия фронта... А из этого леса нас как-то обстреляли вражеские зенитки. Сильный был огонь. Еле сманеврировали...

На карте, по которой Дмитрий Езерский летит сегодня в Прагу, проходит совсем иная линия — линия гигантского трудового наступления строителей коммунизма. И карта свидетельствует о многом, что создано ими в послевоенные годы.

...Серебристый самолет взмыл вверх и, сделав круг над столичным аэропортом, лег на курс. Яркое солнце заливало цветущую землю, бежавшую под крыльями машины. Вскоре мы обогнали другой транспортный самолет, шедший по той же трассе.

Езерский оживился:

— Первое сравнение уже налицо: мы обгоняем машину, на которой мне приходилось летать во время войны. Как видите, теперь я вожу значительно лучший, более быстроходный самолет.

Идем над подмосковными полями и лесами. Места кровавых битв. Справа — Спас-Деменск, слева — Людиново. В цвету луга и пашни. Поблескивают черепичные крыши, белеют срубы новых домов. Какой-то поселок, не нанесенный еще на карту, оказывается при внимательном рассмотрении новой большой МТС.

— Шумит сурово Брянский лес, — нараспев декламирует Езерский, показывая вниз: вот сюда он сбрасывал темной ночью оружие народным мстителям, а вон на ту поляну садился, чтобы принять раненых партизан на борт самолета.

Кончается лес, снова далеко-далеко простираются колхозные поля. И везде работают люди. Началась летняя страда.

Пейзаж меняется. Дымят заводские и фабричные трубы. По дорогам мчатся автомашины. Медленно тянутся на воскресный базар вереницы телег.

— Скоро Жуковка! — заметил борт-радист.

— Какая Жуковка?

— Там наш командир родился...

— Я вам расскажу о Жуковке, — вмешался Дмитрий Сергеевич. — Так называется мой родной поселок — районный центр на Брянщине. И вот судьба: который уж год тут летаю — и в войну и сейчас

— Тогда, в военные годы, Жуковка казалась сверху черной от пожарищ. Вам не приходилось видеть, как разрушают ваше родное село, как горит отцовский дом, валится школа, где вы учились, гибнет парк, где гуляли, и клуб, где впервые смотрели кинокартину? Все это я испытал... Так уже случилось, что Жуковку знали все мои товарищи. Над ней проходила наша трасса. Рядом был фашистский аэродром. Озеро близ поселка служило нам ночью ориентиром, когда мы летели в тыл врага. Печален был вид израненной земли. Стала она какой-то серой, опаленной. Гордость района — совхоз «Гастиловка» лежал в развалинах. На лугах — огромные воронки. Захватчики вырубили чудесный парк. И так было всюду — от Калуги до Людинова, от Брянска до Кирова, от Унечи до Березны, до самого Киева и далеко за ним.

Езерский сличает карту с местностью.

— Через четыре минуты будем над Жуковкой, — говорит он. — Мы увидим ее «воскресшей из мертвых». Не только обозный завод, на котором я работал токарем, но и все остальные предприятия города восстановлены. Электростанция в строю. Все три школы отстроены. Снова действует взорванный гитлеровцами мост. Больница, где работала врачом моя сестра, стала краше прежней. У матери новый дом.

Вдали показался поселок. Отчетливо стали видны улицы и дома.

— Белое здание справа — вокзал! — крикнул Дмитрий Сергеевич. — Забыл сказать: он тоже восстановлен.

Через секунду:

— Пролетаю над родным домом!

Машину слегка качнуло: пилот салютовал старушке-матери.

— Письмецо от сына... По беспроволочному, — дружески улыбнулся борт-радист.

Пассажиры — среди них было много чехов и словаков — прильнули к окнам. От друзей Езерского — радиста, механика — они узнали, почему покачивал крыльями самолет, пролетая над Жуковкой. У себя, в Праге, они, наверное, расскажут о русском пилоте и его родном поселке.

— Я вам говорил о племенном совхозе «Гастиловка». Вот он, — Езерский показал в сторону мелькнувшего озера. — Такой же богатый, как и был до войны. Вон какие стада на лугах! А там, подальше, железнодорожная ветка на станцию Клетня. Может, слыхали о клетнянских партизанах? Немало среди них было наших, жуковских. Однажды привелось мне сбросить им на парашюте командира отряда. Интересно у меня с ним получилось. Дело было ночью. Я своего пассажира в лицо, конечно, не запомнил. И вдруг в прошлом году, когда летал по этой же трассе, в Киевском аэропорту подходит ко мне товарищ и говорит: «А мы с вами в войну встречались». Я его никак узнать не могу. Оказался тот самый клетнянский командир. Теперь он директор кирпичного завода.

...Самолет шел уже над украинской землей. Она сверху раскрывалась благоухающей, налитой жизненными соками, полная богатырской силы. Все говорило о мире, труде и созидании. И Дмитрий Сергеевич Езерский, продолжая свой рассказ, вспоминал, какими были здешние места в годы войны и как преобразились они трудом и разумом советских людей, волей партии большевиков.

Я. ЛАПИН

Экипаж воздушного корабля «Л-1805». Внизу — Д. С. Езерский.

Фото М. Харлампиева.

Дом строят за 30 дней

Недавно в Магнитогорске, на правом берегу реки Урал, закончено строительство нового дома. Сам по себе этот факт ничем не примечателен: ежедневно в городах и селах нашей страны вступают в строй тысячи зданий. И, тем не менее, дом этот привлекает внимание и архитекторов и строителей. Дело в том, что здесь были применены наиболее передовые методы строительства. Руководивший этой экспериментальной стройкой член-корреспондент Академии архитектуры СССР, доктор технических наук, лауреат Сталинской премии Г. Ф. Кузнецов рассказывает:

— Дом в Магнитогорске построен из крупных элементов — панелей, изготовляемых заводским способом. Таким образом, строительная площадка была превращена в место монтажа готовых деталей.

Каркасно-панельное строительство ведется и в Москве и в других городах Советского Союза. Но на Урале впервые применили значительно более крупные элементы. Панели магнитогорского дома увеличены с 6—7 квадратных метров до 10, а вес их доведен с 1,5 тонны до 4. Строителям удалось с помощью бригады Академии архитектуры СССР наладить заводское производство панелей будущего дома.

На заводе поверхность стен, потолков, перекрытий, перегородок тщательно обрабатывается виброрейкой, а затем — электрошлифовальным кругом. После того как подъемный кран устанавливает панель на место, ее уже не надо отделывать. На стройке не было ни одного штукатура. При изготовлении фасадных поверхностей наружных стен использовались местные материалы — белый цемент и светлая известняковая крошка.

Первый удачный опыт сооружения крупнопанельного бескаркасного дома позволил перейти к решению более трудной задачи: возведению не 3-этажного, а 4-этажного дома. Строительство этого здания, включая отделочные работы: окраску дверей и окон, оклейку стен, — будет продолжаться 30 дней.

МОСКВА — ХАРЬКОВ — МОСКВА

Фото О. Кнорринга

В поток автомобилей на улице Горького влилась яркая, многоцветная колонна: голубые майки динамовцев, красные — велосипедистов ЦДСА, полосатые — спортсменов Военно-Воздушных Сил. В этот солнечный день столица провожала участников велосипедной гонки Москва — Харьков — Москва.

Велосипедисты стартовали у стадиона «Динамо». Приняв рапорт главного судьи, заслуженного мастера спорта А. А. Куприянова, заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта К. А. Андрианов в краткой приветственной речи пожелал спортсменам счастливого пути.

Велосипедисты и сопровождающие их автомашины быстро пронеслись по улицам города и выехали на автостраду Москва — Симферополь. Здесь на одиннадцатом километре был дан технический старт.

В многодневной шоссейной гонке Москва — Харьков — Москва участвуют сборные команды добровольных спортивных обществ профсоюзов, «Динамо», ЦДСА, ВВС, «Спартака» и «Трудовых резервов». В каждой команде десять гонщиков. В числе их известные спортсмены-велосипедисты А. Логунов, Ф. Тарачков, А. Джарцанс и другие.

Соревнование рассчитано на восемь дней. Финиш в Москве 8 июля.

На первенство СССР по футболу

Начался второй круг

Второй круг в нынешнем сезоне начался в то время, когда еще доигрывались состязания первого круга. До последней встречи трудно было определить положение команд в турнирной таблице.

Первое, что бросается в глаза, когда смотришь на нее, — это некоторые изменения в расстановке коллективов. Резко улучшила свое положение команда общества «Шахтер», столь же резко ухудшили свое положение футболисты Военно-Воздушных Сил, ленинградского «Динамо». Есть и менее значительные изменения в расстановке сил. В лидерской группе осталась прошлогодняя тройка с той лишь разницей, что московские динамовцы вынуждены были уступить второе место своим тбилисским одноклубникам.

Большинство команд начали сезон неудачно. Причину следует искать прежде всего в том, что футболисты были недостаточно подготовлены физически и очень медленно входили в свою обычную спортивную форму. Это можно сказать и о ЦДСА, и о «Динамо» (Москва), и о «Спартаке».

Армейские футболисты, например, лишь последние игры провели на высоком тактическом и техническом уровне. Они добились победы в четырех последних состязаниях круга: 8 очков из 8 возможных! Это позволило им обогнать лидировавших в течение всей весны тбилисских динамовцев.

Команда ЦДСА набрала 21 очко и заняла первое место. Прежде всего следует отметить игру ее полузащиты и защиты, возглавляемой А. Башашкиным. Хорошо показали себя оба вратаря — В. Никаноров и В. Чанов. В нападении, которое в последнее время играет хорошо, все же чувствуется отсутствие опытного организатора атак.

Больших успехов добились динамовцы Тбилиси. Они стали играть значительно коллективней, отказались от мелких передач, научились выходить на свободное место. Игра атакующей линии стала тактически более зрелой, в чем несомненная заслуга обоих полузащитников — В. Панюкова и Г. Антадзе.

Все еще неровно играют динамовцы столицы. При большом числе первоклассных игроков, особенно в линии нападения, до сих пор не отобран наилучший состав, идут поиски в расстановке сил атакующей линии, что, естественно, плохо отражается на команде в целом.

К тому же нужно сказать, что защита «Динамо» играет крайне ненадежно.

Куйбышевский коллектив общества «Крылья Советов» с каждым годом улучшает свою игру. На сей раз он имеет хорошие показатели в состязаниях со всеми ведущими командами: победу над ЦДСА и ничьи с динамовцами Москвы и Тбилиси, а также с «Зенитом» и «Спартаком». Ни одного поражения в играх с сильнейшими! Это примечательный итог.

На пятое место вышли донбасские спортсмены. Второй год подряд они с успехом выступают против первоклассных коллективов. За чертой первой пятерки остались такие опытные команды, как «Зенит» и «Спартак» (Москва). Они позже других обретают свою форму.

Начался второй круг. Уже ЦДСА одержала внушительную (5 : 0) победу над горьковскими футболистами; уже динамовцы Тбилиси обыграли своих земляков-спартаковцев; уже торпедовцы Горького принесли первую «неожиданность» второго круга, а именно: победили команду ВВС.

Футболисты обретают высокую спортивную форму. Естественно, что игры второго круга будут значительно острее и интереснее. Борьба обострится не только за право остаться в верхней части таблицы, но и за то, чтобы не остаться на трех последних местах. Известно ведь, что три слабейшие команды вынуждены будут покинуть класс «А».

Н. ЛАТЫШЕВ,
судья всесоюзной категории

Таблица розыгрыша первенства СССР по футболу (первый круг)

	Название команд	ЦДСА (Москва)	Динамо (Тбилиси)	Динамо (Москва)	Крылья Советов (К)	Шахтер (Сталино)	Зенит (Ленингр.)	Спартак (Москва)	Динамо (Киев)	Даугава (Рига)	ВВС (Москва)	ВМС (Москва)	Торпедо (Москва)	Торпедо (Горький)	Динамо (Лен.)	Спартак (Тбилиси)	Количество очков	Соотношение мячей	Занятое место
1	ЦДСА (Москва)	●	0:2	2:0	1:2	1:0	2:0	1:0	1:1	1:1	1:1	4:0	3:1	2:0	5:2	2:1	21	26:11	I
2	„Динамо" (Тбилиси)	2:0	●	0:2	1:1	0:4	2:1	3:1	1:1	1:0	3:3	0:0	7:1	5:0	3:1	6:0	20	34:15	II
3	„Динамо" (Москва)	0:2	2:0	●	1:1	4:1	1:1	3:1	2:2	5:2	5:1	5:1	0:1	1:1	2:1	2:3	18	33:18	III
4	„Крылья Советов" (К.)	2:1	1:1	1:1	●	0:1	1:1	0:0	2:2	0:0	3:1	2:1	2:1	2:0	3:0	0:1	18	19:11	IV
5	„Шахтер" (Сталино)	0:1	4:0	1:4	1:0	●	3:3	0:1	3:1	0:5	2:0	1:0	0:0	0:0	2:0	1:0	17	18:15	V
6	„Зенит" (Ленинград)	0:2	1:2	1:1	1:1	3:3	●	2:1	0:0	1:4	4:2	0:0	2:1	2:0	4:2	1:0	17	22:19	VI
7	„Спартак" (Москва)	0:1	1:3	1:3	0:0	1:0	1:2	●	0:1	2:1	3:1	5:3	0:1	3:1	2:0	4:0	15	23:17	VII
8	„Динамо" (Киев)	1:1	1:1	2:2	2:2	1:3	0:0	1:0	●	2:4	1:3	2:2	5:3	1:1	3:0	3:2	15	25:24	VIII
9	„Даугава" (Рига)	1:1	0:1	2:5	0:0	5:0	4:1	1:2	4:2	●	1:3	2:3	4:1	1:2	1:1	3:1	13	29:23	IX
10	ВВС (Москва)	1:1	3:3	1:5	1:3	0:2	2:4	1:3	3:1	3:1	●	1:2	0:2	3:1	4:2	3:1	12	26:31	X
11	ВМС (Москва)	0:4	0:0	1:5	1:2	0:1	0:0	3:5	2:2	3:2	2:1	●	2:0	0:0	0:1	2:1	12	16:24	XI
12	„Торпедо" (Москва)	1:3	1:7	1:0	1:2	0:0	1:2	1:0	3:5	1:4	2:0	0:2	●	1:1	0:0	1:1	10	14:27	XII
13	„Торпедо" (Горький)	0:2	0:5	1:1	0:2	0:0	0:2	1:3	1:1	2:1	1:3	0:0	1:1	●	1:6	2:0	9	10:27	XIII
14	„Динамо" (Ленинград)	2:5	1:3	1:2	0:3	0:2	2:4	0:2	0:3	1:1	2:4	1:0	0:0	6:1	●	3:0	8	19:30	XIV
15	„Спартак" (Тбилиси)	1:2	0:6	3:2	1:0	0:1	0:1	0:4	2:3	1:3	1:3	1:2	1:1	0:2	0:3	●	5	11:33	XV

Стихи об Индии

Хариндранат
ЧАТТОПАДХАЙЯ

* * *

О, Индия! Ты помнишь день кровавый,
Когда над беззащитною толпой,
Грозя голодным яростной расправой,
Пролили самолеты дождь стальной,
Когда толпа бежала по дороге,
А с воздуха британские бульдоги
Расстреливали женщин и детей?
Ты помнишь день, когда еще грозней
Вставало гневной бурей возмущенье
И стало ненавистней угнетенье?

О, Индия! Мы, сыновья твои,
Все против хищников ряды сомкнули
И прокляли погрязшие в крови
Орудия их, пулеметы, пули.
Все сыновья твои тогда клялись
В усилиях объединенных, дружных
Разбить британский империализм,
Расстреливавший толпы безоружных.

Нам говорят: конец былым обидам,
Не повторится больше этот день.
Но и сейчас мы с возмущеньем видим,
Что прошлое еще царит везде.
Как прежде, в рабстве наш народ томится
И так же голодает каждый год,
Хотя теперь коричневые лица,
Не белые, у богачей господ.

Провозглашенная для всех свобода
Запретной остается для народа,
Нас угнетавший империализм,
Как прежде, отравляет нашу жизнь.
Он нам грозит кровавою расплатой;
Под нашим флагом, как насилья знак,
Скрывается звездисто-полосатый
Американский и британский флаг!

Стоящие у власти, берегитесь!
Хотя народ все терпит и молчит, —
Долготерпением своим пресытясь,
Он полным голосом заговорит.
Вы слишком сильно натянули лук;
Как тетива, терпенье лопнет вдруг,
Тогда, какого б ни были вы ранга,
Коварно брошенный удар в народ
Вернется к вам полетом бумеранга
И вашу власть и вас самих сметет!
Народ индийский, как и все народы,
Свободы жаждет, истинной свободы!

Хариндранат Чаттопадхайя — поэт и драматург, руководитель делегации деятелей индийской литературы и искусства, прибывшей 23 июня в Москву по приглашению Союза Советских писателей СССР.

ПАСТУХ РАМУЛУ

По джунглям со стадом бродил Рамулу,
Был весел, находчив и смел.
Служил пастухом он и каждый вечер
По-своему, как умел,
Веселую песенку из кинофильма
Иль гимн богу Кришну пел.

Он весело пел под открытым небом,
Пригнав свое стадо на луг,
И слушал, на миг прерывая пенье,
Как голоса каждый звук,
Усиленный эхом лесным в отдаленье,
К нему возвращался вдруг.

Лишь в пенье одном находил он отраду,
Рамулу — простой паренек,
Его вся одежда — повязка вкруг бедер,
Ни слова прочесть он не мог,
От всякой политики красных и белых,
Как дебри лесные, далек.

Однажды он вечером, как и обычно,
Смотрел на роскошный закат
И песню, что только недавно услышал,
На свой перекладывал лад,
Ведь каждой хорошей правдивой песне
Рамулу, как другу, был рад.

Вдруг громко запел он, и звучная песня
Взвилась лучезарно-светла,
Она угнетенным давала надежду
И к жизни счастливой звала.
Но пелось в той песне про красное знамя,
И песня запретной была.

Звала эта песня в простор необъятный
И к звездам неслась в высоту.
Казалось, певец изливал в ней всю душу,
Свою золотую мечту...
Но тут два жандарма свернули с дороги,
Как тени, скользнув в темноту.

Прислушавшись, сразу узнали жандармы
Знакомый им тоже мотив,
Не раз эта песня победно звучала,
Крестьян и рабочих сплотив,
То марш боевой, и в нем каждое слово,
Как пламенный гневный призыв!

Воскликнул жандарм: «Мы его арестуем!
Он красной чумой заражен!»
Другой подтвердил: «Коммунист он, бесспорно,
И с красными связан он,
А наше правительство против всех красных
Издало суровый закон!»

И тотчас же был арестован Рамулу,
В оковах доставлен в тюрьму.
Спросил он: «А в чем же мое преступленье?
Скажите, за что? Почему?»
Но кто разговоры ведет с коммунистом?
Никто не ответил ему!

А вскоре нашелся один лжесвидетель,
В суде на него наклепал,
Что будто бы склад оружия где-то
Рамулу в лесу закопал,
Был строго наказан Рамулу за пенье —
На каторгу бедный попал!

Перевел **Мих. Зенкевич**

Поэт техники

К 15-летию со дня смерти А. Г. Уфимцева

«Уфимцев — поэт в области научной техники, юноша, обладавший несомненным талантом изобретателя... Я знал, что это юноша из ряда тех прекрасных мечтателей, которые, очарованные своей верой и любовью,— идут разными путями к одной и той же цели — к возбуждению в народе своем разумной энергии, творящей добро и красоту».

Так писал великий русский писатель А. М. Горький о выдающемся изобретателе Анатолии Георгиевиче Уфимцеве.

Творческий путь этого вдохновенного искателя весьма поучителен. А. Г. Уфимцев, внук талантливого астронома-самоучки А. Ф. Семенова, унаследовал от деда выдающиеся технические способности. В числе его первых изобретений — ротационная скоропечатная машина, которая применялась в подпольных типографиях.

Царское правительство, объявив 20-летнего А. Г. Уфимцева опасным революционером, заточило его в тюрьму. Находясь в Петропавловской крепости, он составил проект бесклапанного керосинового двигателя и впоследствии, в сибирской ссылке, построил его. Там же А. Г. Уфимцев продумал конструкцию светового граммофона, но не осуществил ее, потому что не было средств.

А. М. Горький, открыв в ссыльном огромный творческий талант, помогал ему материально. Благодаря этому А. Г. Уфимцев оборудовал свою мастерскую станками. Тогда же он сконструировал державку для резца токарного станка, усовершенствованную мембрану граммофона, патрон для зарядки шомпольных ружей, фонари большой светосилы.

Возвратившись после революции 1905 года в Курск, он создал ртутно-параболическое зеркало, но в выдаче привилегии ему было отказано. Через несколько лет такое же зеркало было запатентовано в Англии некиим профессором Вудтом.

В 1909 году А. Г. Уфимцев построил специальный двигатель для авиации, но капиталистические фирмы не дали хода изобретению. Спустя 13 лет такой же двигатель запатентовал в Соединенных Штатах Америки ловкий американец, присвоивший конструкцию Уфимцева.

Выдающийся русский инженер построил много приспособлений, приборов, машин: аэроплан, разные типы двигателей, станки, аэротрансформатор (позднее запатентованный Флетнером в Германии), прибор для добычи редкого металла — лития, предложил новые способы сварки и резки металлов, сконструировал камеру для лечения светом (тоже присвоена и запатентована за границей), оригинальный музыкальный инструмент и многое другое.

Но самые замечательные открытия А. Г. Уфимцев сделал в области использования ветра — «голубого угля», который может дать огромное количество энергии. Вместе с талантливым учеником «отца русской авиации» Н. Е. Жуковского профессором В. П. Ветчинкиным он построил первую в СССР весьма совершенную ветряную электростанцию, которая бесперебойно работает уже двадцать лет, подавая ток равномерного напряжения. Она находится в Курске, во дворе дома, где жил А. Г. Уфимцев.

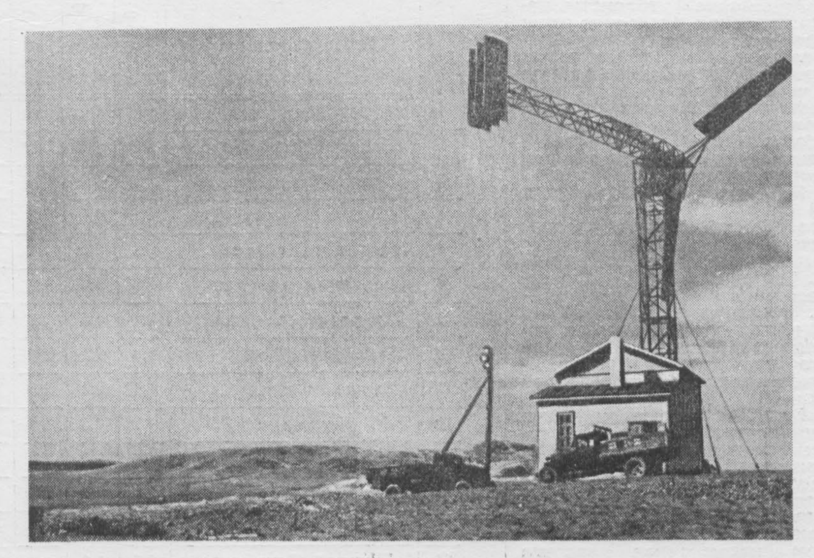
По типу этой же станции теперь построены две новые, мощностью по двадцать пять киловатт каждая. Одна уже работает в колхозе Талапкер, Чуйского района, Джамбулской области, в Казахстане. В ближайшие годы будет создано много таких станций, каждую из которых обслуживает лишь один человек.

А. Г. Уфимцев и В. П. Ветчинкин разработали проект ветряной электростанции большой мощности. Она может давать энергию непрерывно, независимо от погоды. Это обеспечивается многими оригинальными устройствами, запасающими энергию. Когда, например, штормовой ветер будет вращать лопасти с избыточной силой, излишки электричества используются для нагрева воды в теплоаккумуляторах. А когда нет ветра, горячий пар и вода автоматически поступят в газотурбинное устройство, которое приведет в движение генератор, вырабатывающий ток.

Ветер будет работать и на великих стройках коммунизма. Уже разработаны проекты экономических ветроустановок для подъема воды на любую высоту, откуда она поступит в оросительные и обводнительные каналы. Такие агрегаты предполагается устанавливать в местах, отдаленных от гидроэлектрических станций.

Возможно, что в будущем линии передач соединят в общее энергетическое кольцо «фабрики гидроэнергии» на Волге, Дону, Днепре и Аму-Дарье с мощными ветряными станциями.

Б. Б. КАЖИНСКИЙ,
кандидат физико-математических наук

Ветродвигатель «1-Д-18» в колхозе Талапкер (Казахстан).

ПРОФЕССОР ДЮМА

Главы из романа

Илья ЭРЕНБУРГ

Рисунки О. Верейского

Роман «Девятый вал», над которым я работаю, — продолжение «Бури». Действие происходит в Советском Союзе, во Франции, в Соединенных Штатах Америки, в Германии, в Чехословакии. Персонажи романа «Буря» появляются в «Девятом вале». Рядом с ними новые герои. Действие начинается летом 1948 года и доходит до наших дней. «Девятый вал» — это книга о борьбе между силами войны и силами мира.

Печатаемые главы взяты из первой части романа. Французский поэт Нивель, работавший с гитлеровцами, находится в Вашингтоне у своего тестя сенатора Лоу. Этот последний по совету полковника Робертса организовал газетное агентство «Трансок».

— Я только что был у Робертса. Мы, конечно, поспорили — это романтик, всегда горячится, кипит. Я вам скажу откровенно, я хотел для начала «Трансока» дать что-нибудь из ряда вон выходящее — «Тайны Кремля», или интервью с папой, или шпионаж красных в Южной Америке. Но Робертс меня убедил... Мы должны начать с этого француза. Робертс говорит, что он куда опаснее, чем я думал.

Нивель усмехнулся:

— Кстати, этому сверхопасному французу семьдесят три года.

— Что вы хотите этим сказать? — Лоу покраснел от раздражения. — Пожалуйста, не обижайтесь, но вы рассуждаете, как пижон. Можно подумать, что вам двадцать лет. Может быть, вы считаете, что мы, американцы, неучи? Я вам скажу откровенно: мы знаем немного больше, чем ваши хваленые французы. Вы сами признались, что до приезда в Америку не слышали про Джеферсона Дэвиса, а я вот знаю, что у вас был Клемансо. Он у вас был до того, как вы окончательно выродились. Он не писал стихов — он делал дело. Скажите, пожалуйста, сколько ему было лет, когда он расколотил немцев? Может быть, двадцать? Или сорок? Он был на пять лет старше этого профессора...

— Клемансо — исключение. Притом, он всю жизнь занимался политикой. А Дюма — ученый, до войны он сидел над книгами, и только. Он меня раз спросил, какая разница между социалистами и радикал-социалистами и кто из них радикальнее...

Сенатор недоверчиво оглядел зятя, как будто увидел его впервые:

— Вы с ним встречались? Майор Смидл давно говорит, что вы на приятельской ноге со всеми красными. Я ему не верил, но теперь я вижу, что у него есть нюх. Пожалуйста, не обижайтесь, может быть, у вас, во Франции, так принято, но теперь вы не просто француз, вы мой зять, вы директор «Трансока».

— Не понимаю, что вы видите в этом странного? Меня знали во Франции как поэта, естественно, что я встречался с видными людьми. Я думаю, никто не станет отрицать, что Дюма — мировое имя. Вы видели, кстати, что о нем говорит Адамс — это сегодня в «Герольд трибюн»?..

— Может быть, Адамс — большой ученый, но он к тому же большой дурак. В прошлом году он громогласно заявил, что его работы принадлежат не одной Америке, а всему миру. Хорошо еще, что он занят формой черепов, а не тем, как эти черепа раскалывать... Любой русский может окрутить такого разиню. Робертс не бросает слова на ветер, а он мне прямо сказал, что Дюма опасен для Америки. Вы слышите, не для Робертса, не для меня — для Америки! Мы должны сегодня же снабдить все газеты материалами. Нужно показать, что под маской ученого скрывается аферист, преступник. Я вам скажу откровенно: мы, американцы, слишком доверчивы. Адамс устраивает прием в честь этого француза. Неслыханно! Преступно! Я понимаю, что приходится считаться даже с таким дураком, как Адамс,— это действительно знаменитость. Но скажите, пожалуйста, кто знает вашего Дюма?

— Конечно, антропология не кино и не бокс, но тот же Адамс называет Дюма своим учителем...

Лоу вышел из себя; крупные капли пота показались на лбу, на подбородке. Он закричал:

— Адамс по старой привычке расшаркивается перед каждым французом! Я знаю, что вы были великой нацией, но нельзя жить прошлым. Теперь вы маленькая нация. Вы зависите от плана Маршалла. Мы вас кормим не для того, чтобы вы нас учили!

— Я говорил не о плане Маршалла, а о Дюма.

— Пожалуйста, не обижайтесь, но если вы с этим не справитесь, я найду для «Трансока» другого. Да, я люблю Мэри. Да, вы ее муж, следовательно, вы до некоторой степени мой сын. Но если встанет выбор между вами и Америкой, я выберу Америку. Мой дед погиб у стен Ричмонда. Если встанет выбор между детьми и богом, я выберу бога. Авраам не колебался...

Нивель понял, что возражать бесполезно. Когда сенатор несколько успокоился, он сказал:

— Хорошо, начнем с Дюма. Но не кажется ли вам, что это почти невыполнимая задача? Господа из Государственного департамента знают, какое у Дюма имя, они не посмели отказать ему в визе. Робертс хочет исправить дело и добиться высылки, все это понятно. Но что может сделать пресса, да еще в такой короткий срок? Я этого не вижу...

— Интересно, что вы видите? Стишки? Голых парижанок? А Бил Костер? Вы, может быть, забыли, что существует Бил Костер? Я уже сказал Робертсу: лучшего мы не отыщем, он не пишет, он режет пером. Потом он два года проторчал в Париже, знает всю подноготную. Сейчас же свяжитесь с ним. Если он заупрямится, скажите, что от этого многое зависит, — мы хотим его послать в Варшаву или в Прагу. Это великолепная кандидатура. Но, пожалуйста, поторопитесь; Робертс сказал, что нельзя терять ни минуты. Этот француз должен выступить в Мэдиссон-скуэр. Значит, нужно завтра, и, по меньшей мере, пятьсот слов...

Нивель хотел было вызвать Костера по телефону, но передумал: этот газетный пачкун заважничал. Придется съездить в Нью-Йорк.

В вагоне он выпил стакан виски и уснул. Ему снились противные сны: рыжий сенатор, нарядившись котом, сидел на стойке бара и злобно мяукал. Потом за Нивелем пришли санитары, положили его на носилки, он отбивался, одного укусил, но его все-таки притащили на мельницу, кричали, что нужно перемолоть. Он вырвался, убежал, и вот снова рыжий мяукает... Нивель проснулся. За мутным стеклом мелькали пригороды Нью-Йорка.

Бил Костер считался одним из крупнейших журналистов Америки. Он составил себе имя сначала на корреспонденциях из Москвы, из Парижа, из Германии, а потом на разоблачениях политических деятелей, связанных с покойным президентом, которых он называл «красными хамелеонами». Ежедневно сто сорок шесть газет, выходящих в разных штатах, печатали короткие статьи, украшенные его портретом. На фотографии он весело скалил зубы. Статьи были полны желчи. На самом деле он не улыбался и не злился. Исчез прежний Бил, веселый, обожавший славу, деньги, хорошеньких женщин. Казалось, он мог бы наслаждаться жизнью: он получил все — почет, доллары, красивую жену. А он ходил мрачный, с утра пил виски и, охмелев, начинал бубнить о смерти. Жена вызвала знаменитого невропатолога. Бил ему сказал: «Бессонница, головные боли. Но это мелочь. Если вы, как каждый уважающий себя врач, спросите, на что я жалуюсь, я вам отвечу: ни на что. Вы не можете себе представить, до чего мне наплевать на все, даже на самого себя».

Он приобрел небольшой особняк в центре города; для нью-йоркца это было роскошью, мотовством; и Нивель обиженно подумал: можно ли сравнить судьбу поэта с судьбой вульгарного пасквилянта?.. В большом светлом холле стояли боги ацтеков, скульптура сюрреалистов, старинные итальянские вазы. На стене Нивель увидел пейзаж Утрилло: грустную уличку парижской окраины.

— Вы любите Утрилло?

Бил пожал плечами:

— Фантазии госпожи Костер. Вы не представляете себе, что может выдумать американка, когда у ее мужа несколько лишних долларов. Откровенно говоря, я ничего не люблю. Но все-таки мы с вами выпьем. Что вы предпочитаете? Коньяк? Виски? Коктейль?

Нивель всполошился: о Костере говорили, что он много пьет. Если он надерется, он не сможет написать, а рыжий требует завтра... Едва пригубив стакан, Нивель заговорил о статье. Бил молча пил. Когда Нивель замолк, он сказал:

— Мне в Париже рассказывали, что вы пишете стихи. Это правда?

— Писал.

— А теперь?

— Редко: нет ни времени, ни настроения.

— Жаль. Я хотел вас спросить, что вы чувствуете, когда пишете стихи? Это, наверно, здорово отвлекает. Вроде виски. Я никогда не пробовал. Вообще я многого не пробовал. Я, например, ни разу не курил опиума, собирался, но как-то не получалось. Ольдсберг охотился на тигров, он уверяет, что это захватывает, не знаю, не пробовал. Я не летал на реактивном самолете. Это мелочь, а вот посерьезней — я никогда не увлекался политикой. У меня есть приятель, он хотел отравиться после того, как на выборах побили республиканцев. Смешно? Да и с женщинами у меня не было ничего забавного. Список длинный, а в общем механика. Теперь я редко этим занимаюсь, — как вы сказали, нет ни времени, ни настроения.

Нивель брезгливо поморщился: «До чего они развязны! Я этого Костера почти не знаю, пришел по делу, а он раздевается... Дикари! Но нужно получить от него статью». И Нивель участливо сказал:

— Это драма нашего поколения. Наши отцы старились по-другому — они сохраняли жар сердца, не боялись показаться смешными. Подагрические сенаторы в Люксембурге не давали проходу девчонке, а в монмартрских кабаре полуслепые ловеласы глазами

пожирали красоток. Теперь другие времена... Мы с вами слишком много видели, можно сказать, что мы заглянули в глаза медузе. Мы еще все можем, но уже ничего не хотим.

Бил кивнул головой и опорожнил стакан. Нивель подумал: нужно торопиться, не то он свалится.

— Дорогой господин Костер, мне очень хотелось бы побеседовать с вами о скуке, это благородная тема. Я поэт, и я вас понимаю. Но сейчас я вынужден вернуться к делу. Статья должна появиться завтра. Сенатор Лоу...

Бил не дал ему договорить:

— Рыжий? Знаю. Он слишком много о себе думает. Конечно, в сенате большинство дураков, но Лоу даже среди них выделяется. Это, кажется, ваш родственник? Не огорчайтесь, мой тесть не сенатор, но он тоже большой дурак. Неужели вы думаете, что мне хочется сейчас диктовать? Я уже сегодня свое отработал — про стачку в Питсбурге. Теперь я предпочитаю пить виски.

— Сенатор считает, что это — начало нашей совместной работы. Как я вам говорил, «Трансок»...

— Говорили, значит, нечего повторять. В Европу я, может быть, поеду. Там, конечно, тоже скучища, но мне лично надоела одна американка, а именно госпожа Костер. Понятно? Могу поехать от вашего «Трансока», могу от «Юнайтед», вопрос цифры. Так и скажите вашему тестю. А писать об этом французе мне не хочется.

— Господин Костер...

— Я уже слышал.

— Я вас очень прошу...

— Разве что ради вас. Но одно условие — мы сначала прикончим эту бутылку, и вы мне продекламируете ваши стихи. Что-нибудь посмешнее, ну, про медузу...

Нивель пробовал возражать: ему было противно читать стихи этому зазнавшемуся хаму; к тому же он боялся, что Костер, опьянев, не сможет продиктовать и ста слов. Бил, однако, настаивал, и Нивелю пришлось подчиниться.

Бил взял трубку телефона:

— Джесси? Через четверть часа я буду диктовать. Подготовьте досье французского ученого Дюма. Понятно? Предупредите Смайльса, что вместо Питсбурга будет новая...

Он налил виски себе и Нивелю.

— Начинайте.

Нивель злобно поглядел на него, на ацтекских богов, на бутылку и начал читать. Он старался припомнить давние стихи, светлые и холодные — о причудах Дианы, о безлесных холмах осиротевшей Эллады. Бил прервал его:

— Где медуза? Не жульничайте! Я хочу, чтобы с чувством... Понятно?

Нервная гримаса перекосила лицо Нивеля. До чего он опустился! Можно ли так жить?.. Он вдруг забыл, что перед ним Костер, что все это — недостойная комедия. Он говорил вслух с самим собой. Он прочитал стихи, написанные два года назад на Юге, когда он впервые понял, что попал в лапы рыжего и что тот его не выпустит:

У маленькой речушки на
закате,
закинув удочку, сидел
мечтатель
и, отдыхая от своих тревог,
глядел на неподвижный
поплавок.
Он смутно думал: тонет луг
в тумане,
быть может, завтра и меня
не станет,
но будет снова тот же
летний день,
и та же рябь воды, и та же
лень.
О вечности он думал смутно, вяло.
А рядом на песочке трепетала
им пойманная рыба. Где вода?
Ее не будет больше никогда.
Она дышать пыталась.
Слишком поздно —
не для нее сухой и грозный воздух.
Вздымались жабры. Белый лег песок.
Мечтатель все глядел на поплавок.

Он сидел в изнеможении, еще не смея вернуться к действительности. А Бил прошел к окну и неожиданно выругался:

— Сволочи! Он о вечности думает, а я должен сдохнуть? Нет, это у вас почище виски! Завидую. Я как-то собирался повеситься, но прибежал Смайльс, рассказывает...

Вошла хорошенькая девушка, похожая на киноактрису.

— Господин Костер, вы будете диктовать или сначала посмотрите досье?

Бил снова выругался. Девушка отвернулась, а Нивель, придя в себя, всполошился: пьян, не напишет!

— Господин Костер, вы обещали...

Бил усмехнулся:

— Вы меня не знаете. Через полчаса будет готово. Выпейте пока, я откупорил новую...

Он ушел с девушкой наверх, а полчаса спустя швырнул Нивелю тонкие листочки. Статья называлась «Красный сатир». Костер писал, что Дюма, которого «наивные американские ученые принимают за коллегу, на самом деле самозванец, плагиатор и темная личность». «Мы готовы увенчать лаврами проходимца, которого во Франции презирает каждый школьник». Вслед за этим Бил дал волю фантазии. Он рассказал, что Дюма до войны был «мелким агентом красных», что он «похитил атамана белых казаков и отравил племянницу Чан Кай-ши», что он участвовал в ограблении банка «Сосьете универсаль», что весной сорокового года он «помог Гитлеру овладеть тайнами французского генерального штаба и получил за это сто тысяч марок», наконец, что он «истязал злосчастных узников». «Однако отличительной чертой красного получеловека,— писал Костер,— является необузданная похотливость. Несмотря на свой возраст, Дюма преследует всех женщин, особенно малолетних. Его квартира в Париже — настоящий вертеп с секретными выходами и с «комнатой пыток». Каждая американская мать скажет вместе с нами: «Вон из Америки красного сатира!»

— Здорово? — спросил Костер. — Ваш тесть оближет себе пальчики.

Упрашивая Костера написать статью, Нивель, конечно, понимал, что пасквилянт сочинит нечто очень низкое; все же он растерялся. Он вспомнил вечера в «Корбей», споры о Флобере, добродушный смех Дюма; вспомнил, как Дюма арестовали. Нивель хотел тогда вступиться и ничего не сделал, говорил себе: ему это не поможет, а немцы мне припомнят. Дюма оказался крепким, как старое французское дерево, вышел из лагеря смерти, а теперь этот мерзавец пишет, что он истязал заключенных. Низость, страшная низость! Завтра это напечатаю. Дюма прочитает. Ему могут насплетничать: «Нивель приложил к этому руку»... Пусть они занимаются гнусными делишками, но при чем тут я? Я поэт. Разве этот газетчик может понять, как умирает душа, отрешенная от родной стихии?..

Его мысли прервал Бил:

— Пейте! Спирт здорово очищает. Мне вот сейчас нужно по меньшей мере три стакана виски. Говорят, этот француз — хороший человек. Мне о нем рассказывали в Париже. Один дурак, сейчас вспомню... Лансье. Кажется, не спутал. А, впрочем, если он красный, то и жалеть нечего. Я был в Москве. Я предпочитаю пить виски, а не быть идейно обязанным. Понятно?

Нивель почувствовал облегчение. Оказывается, этот дикарь думает... Конечно, Дюма — хороший человек и крупный ученый. Но теперь он — враг. Он хочет, чтобы повсюду было, как в России, чтобы я писал о чугуне или о свекле.

Бил, прощаясь, сказал:

— Насчет «Трансока» я подумаю. Скажите рыжему, что это вопрос цифры. Мне наплевать, но госпожа Костер любит доллары. Понятно? А написали вы здорово. Как она, проклятая, задыхается! Это почище, чем виски. Да вы не огорчайтесь, все мы сдохнем. Жму ваши жабры.

⁂

Сенатор Лоу простодушно думал, что спорит с полковником Робертсом, что у него своя линия, на самом деле он выполнял все, что ему говорил Робертс. Полковник был мягок, порой даже застенчив и походил скорее на кабинетного ученого, чем на военного. Ему было сорок шесть лет. Женившись на дочери чикагского финансиста, он унаследовал часть богатства своего тестя и мог бы жить широко, но жил скромно — скромнее, чем многие из его сослуживцев; дочь Элу любил, воспитывал, однако, строго; не собирал ни картин, ни фарфора, ни других раритетов; не устраивал приемов; каждое воскресенье ходил в церковь и охотно поддерживал различные благотворительные начинания. Таким его знали жена, дочь, несколько интимных друзей.

Однако в этом добродетельном и скромнейшем человеке таились большие страсти. Он увлекался политикой. Весной 1943 года он изумил одного из сослуживцев, сказав: «С русскими нам придется воевать и, вероятно, скоро». Он начал доказывать самому себе, что красные хотят войны. Вначале это казалось ему смутной догадкой, потом он себя убедил, и это стало для него азбучной истиной. Он пришел к заключению, что есть один выход: напасть на русских.

Как-то жена, показав ему на Элу, тихо спросила: «Неужели нельзя избежать войны? Ведь они прилетят сюда»... Он ласково, но твердо ответил: «Ты думаешь, я не понимаю, сколько горя впереди? Нужно уметь жертвовать. Даже самым дорогим... Если мы будем оттягивать, мы погибнем».

Он встретился с Гарриманом. Они старались друг друга очаровать: Гарриман, потому что он любил очаровывать, Робертс, потому, что хотел заручиться поддержкой человека с положением. Гарриман потом рассказывал: «Полковник Робертс — олицетворение честности, он верит в то, что делает. Такие люди нам

нужны». А Робертс, вспоминая беседу с Гарриманом, думал: конечно, это делец, но я не хочу быть партизаном, нужно иметь опору, а Гарримана можно использовать.

Сослуживцы считали, что полковник хорошо справляется со своими обязанностями. Деятельность Робертса была, однако, сложной и многосторонней. Он интересовался прессой, уделял внимание пропаганде за границей, следил за настроениями конгрессмэнов. Он хотел объединить южных демократов и непримиримых республиканцев. Одновременно он пытался скомпрометировать круги, склонявшиеся к идее компромисса, называя сторонников переговоров «пораженцами» или даже «предателями». Он никогда не выступал на передний план, не искал славы и даже радовался, когда другие выдавали его мысли за свои. Имя Робертса иногда называли в политических салонах, в кулуарах сената, но широкая публика не подозревала, что скромный полковник играет крупную политическую роль.

Однажды в «Дэйли уоркер» была напечатана статья, в которой говорилось: «Среди закулисных персонажей необходимо назвать полковника Робертса, одного из связных военной партии». Никаких данных, подтверждавших это, газета не приводила. Начальник Робертса, прочитав статью, рассмеялся: «У красных мания преследования. Вы знаете, кого они возвели в фигуру? Нашего бедного Робертса».

Выступив на собрании демократической партии в штате Северная Каролина, Робертс возмущенно сказал, что никогда не был сторонником превентивной войны и что все свои силы он отдает защите мира; он понимал, что люди слабы и боятся ответственности. Беседуя с Лоу, он неизменно добавлял: «Может быть, вы правы и нам удастся избежать войны» — хотел успокоить сенатора. В свои планы Робертс мало кого посвящал. Был у него верный человек, некто Дуббельт, дальний родственник жены, коммерсант, не вышедший в люди. Дуббельт добросовестно выполнял наиболее деликатные поручения полковника, но и он не знал, чего именно хочет Робертс. Для Дуббельта все, что он делал, было службой. Он мог бы столь же ревностно служить в министерстве или в банке. Робертс иногда с усмешкой думал, что, сложись жизнь Дуббельта иначе, он работал бы на красных. А для Робертса политика была страстью, призванием. Он верил, что наступил век Америки, что нужно спасти человечество от коммунизма, и себя причислял к тем дальновидным американцам, которые понимают, какая на них лежит миссия.

Избегая репортеров и фотографов, Робертс оставался общительным; он обладал способностью очаровывать собеседника и поддерживал дружеские отношения с людьми различных кругов. Как бы ни был он занят, он находил время, чтобы посещать концерты, выставки, знакомиться с новинками литературы. Его считали человеком с широким горизонтом. Он высказался против преследования красных киноактеров; об Эйнштейне говорил: «Я снимаю шляпу перед гением, мне только обидно, что великий ученый, рассуждая о политике, превращается в ребенка». Когда Робертсу предложили подписать протест против пацифистских тирад профессора Адамса, он не только ответил отказом, но послал ученому письмо, в котором говорил о своем глубоком к нему уважении.

Приезд Дюма не на шутку встревожил Робертса: для красных это большая подмога. Крупное имя, шумиха... Судя по всему, Дюма умен, а главное — это человек западной культуры, способный расположить к себе интеллигенцию. Зачем его впустили? Эти бесконечные дипломаты не доведут нас до добра!

Дюма нельзя оставить: он будет выступать на митингах, разъезжать по университетам, соблазнять американцев миром. А выслать его трудно: запротестуют ученые. Статейка Костера рассчитана на галерку. Конечно, уличная демонстрация покажет, что Америка не постоялый двор для красных. Но необходимо восстановить против Дюма людей с авторитетом. Профессор Грай, бесспорно, согласится... А Грайр? Адамс устраивает прием, значит, Дюма сможет очаровать дюжину простофиль с громкими именами...

После некоторых колебаний Робертс решился на рискованный шаг: он поедет к Адамсу и поговорит с ним до приема. Конечно, профессор наивен, он способен принять коршуна за голубку мира. Все же это настоящий американец, он не раз говорил, что он враг диктатуры, что он не верит красным. Нужно ему прямо сказать, что Дюма приехал сюда не как ученый, а как агитатор. Это может быть решающим: профессор не выносит политики. Конечно, следует быть осмотрительным, Робертс должен выступить, как друг Адамса, и только...

В поезде у полковника было достаточно времени, он обдумал резоны, возможные возражения, и все же, войдя в большой неуютный кабинет Адамса, он растерялся. А между тем он бывал здесь не раз: они знакомы больше десяти лет. Он очень постарел за год, подумал Робертс. У Адамса было длинное костистое лицо с желтоватой кожей, на которой выделялась черная оправа очков; он походил на древнего китайца. Сдержанный, даже суховатый, он принял Робертса любезно, расспрашивал о дочери полковника, которая училась в колледже. Робертс, в свою очередь, спросил о внуке Адамса. Потом они замолчали: разговор не клеился. Робертсу пришлось перейти к сути; туманно, но горячо он начал говорить о той опасности, которую представляют русские для всей западной цивилизации. Адамс слушал, иногда кивал головой. Робертс почувствовал себя увереннее.

— Я думаю, что вы со мною согласны: это не политика, это вопрос о нашем существовании, о праве читать, мыслить, творить. Ведь победа коммунизма — конец не только нашего общественного строя, это конец науки.

Адамс улыбнулся, и грустная улыбка оживила бесстрастное лицо.

— Политика, снова политика! Вы настолько ею увлечены, что не замечаете, а она в каждом вашем слове. Я не знаю, как живут русские, и не берусь об этом судить. Профессор Гайнс мне говорил, что у них большие успехи в науке, но профессору Гайнсу их жизнь не пришлась по вкусу. Это понятно. У меня есть ученик, он родом из Калькутты. Он мне рассказывал много интереснейшего — страна с древней культурой. Я понимаю, что они не хотят жить по-английски. А я не хотел бы жить в Индии. Я не хотел бы жить и в России, хотя там тоже много интересного. В области морфологии я ценю труды профессора Бунака. Но повторяю, я не хотел бы там работать. Недавно мне прислали отчет о дискуссии биологов. Много очень важных наблюдений, но я не понимаю, как можно установить непогрешимость одной научной гипотезы и объявить другие ошибочными? Может быть, это не мешает профессору Бунаку, но я не мог бы работать в таких условиях. Погодите, погодите!.. Я еще не закончил своей мысли. Вероятно, русский ученый не мог бы работать в наших условиях: мир многообразен. А война — это прием дикаря. Русские не смогут мне доказать оружием, что теория Лысенко правильная, не так ли? Между людьми науки должна существовать известная солидарность... Я не хочу, чтобы политика вторглась в наш мир. Перед тем как вы пришли, мне дали газету, там статья о профессоре Дюма. Мерзость! Не знаю, видели ли вы?..

Робертс рассмеялся:

— Кто же обращает внимание на Костера? Бульварный журналист, к тому же нечистоплотный. Но поскольку вы заговорили о профессоре Дюма, я хочу сказать, что он не сохранил достоинства ученого, он сам опустился до того, что вы называете «политикой».

— Знаю. И не одобряю. Но журналист, о котором вы говорите, невежественный человек. Он пишет, что Дюма — самозванец. Все мои студенты знакомы с трудами профессора Дюма. У меня узкая специальность, я краниолог, но я многим обязан профессору Дюма.

— Я читал в «Гарольд трибюн» ваше благородное заявление. Неужели вы думаете, что кто-нибудь поверит Костеру? Я профан, но даже я знаю, что Дюма — крупный ученый. Тем более обидно, что он приехал к нам не с научными целями, а в качестве политического агитатора.

— Согласен. Я так и сказал профессору Дюма, хотя это было трудно. Он, к сожалению, ослеплен политическими страстями. Я заехал к нему в гостиницу, мы разговаривали полчаса, и я понял, что мы говорим на разных языках. Он мне доказывал, что русские не хотят воевать. В этом он, вероятно, прав, то же самое я слышал от профессора Гайнса. Но Дюма ошибается в другом: политики его убедили, что войны хотят некоторые американцы. Вот это уже нелепость, я так ему и сказал. Я абсолютно убежден, что у нас нет ни одного человека, который хотел бы нового кровопролития.

— Ни одного,— поддержал Робертс.— Вероятно, американцы — самый мирный народ: у нас ведь нет ни военных традиций, ни колоний. Мы хотим одного,— чтобы нас оставили в покое.

Профессор кивнул головой:

— Дюма этого не понимает. Я надеюсь, что, повидав американцев, он изменит свои суждения.

— Не думаю,— он теперь в руках коммунистов. На все у него один ответ — виновата Америка. Вы, наверно, читали его заявление?

— Не читал и не хочу читать. Предпочитаю с ним поговорить о его работах. Завтра мы увидимся: я устраиваю в его честь небольшой прием.

— Вы не считаете, господин Адамс, что такое чествование идет в разрез с вашими убеждениями? Ведь Дюма приехал...

Адамс перебил:

— Я знаю, что он приехал не ко мне. Да и не к науке. Но я принимаю у себя антрополога Дюма, и можете мне верить: у меня

митинга не будет. Когда он выступил с политическим заявлением, я хотел было отменить встречу, но после этой гнусной статейки я считаю своим долгом подчеркнуть, что я уважаю большого ученого.

Робертс понял, что настаивать нельзя, и, посидев для приличия еще несколько минут, откланялся.

Он не возвратился в Вашингтон — у него были дела. Он сидел в маленьком баре и пил лимонад. Его охватила печаль. До чего люди слепы! Этот Адамс не хочет понять, что красные не засидятся у себя; они уже проглотили десяток стран, двинутся дальше. Их можно уничтожить теперь, пока они не встали на ноги, пока бомба только у нас. Если им дать десять лет, они нас осилят. Ужасно, что люди не хотят этого понять! Доброта, совестливость? Нет, попросту трусость. Трудно зрячему жить среди слепых...

Его вывел из раздумий Дуббельт. Полковник вздрогнул от неожиданности: он забыл, что назначил свидание в этом пустом, мало кем посещаемом баре. С плаща Дуббельта стекали струи.

— Дождь? — удивился Робертс.

— Потоп.

Значит, я здесь долго сижу, ведь было солнце... Дуббельт не мог опоздать. Ну да, я пришел до срока, хотел отдохнуть...

Разговор с Адамсом его измучил. Он едва собрался с мыслями, спросил Дуббельта, как здоровье его сына, болевшего малярией. Ему не хотелось говорить о делах. Дуббельт сам начал:

— С Дюма все подготовили. По-моему, будет внушительно. Эндерс спрашивает: когда?..

— Не сегодня, видимо, и не завтра. Я передам Эндерсу. Слушайте, Фред, меня тревожит другое. Вы договорились с портным? Что это за тип?

— Маккорн — славный парень, я с ним познакомился в Европе, он был капитаном. Но не думайте, что он обрадовался. Я еле его уломал.

— Уж не путается ли он с красными?

— Куда ему! Трус, каких мало. Пришлось припугнуть федеральным бюро.

— Надеюсь, вы ничего лишнего не сказали?

— Мы с вами не вчера познакомились. Дайте эти документы — сегодня примерка.

Засунув в брючный карман измятый конверт, Дуббельт поднялся.

— Погодите, может быть, дождь перейдет. Вы где поставили машину?

— Возле сквера. Добегу... Я боюсь опоздать на примерку.

Дуббельт ушел. Робертс посмотрел на часы: половина пятого. К Диккеру еще рано... Дождь не слабел. Улица текла, как большая желтая река.

Если бы Адамс знал... Конечно, он осудил бы: мошенничество, провокация. Не только Адамс: все осудили бы. Жена сказала бы: «Я не думала, что ты на это способен». Скучно доказывать свою правоту. Разве я виноват, что они слепые? Красные готовятся напасть врасплох, как японцы, а люди не видят, не хотят видеть. Нужно им раскрыть глаза, взять на себя ответственность, спасти такого Адамса, даже если он не понимает, что тонет. Но трудно это, очень трудно... В общем, я одинок. Эла считает, что я тиран, потому что я хочу, чтобы она читала Ирвинга, а не смотрела дурацкие фильмы. Жена вчера сказала, что со мной невыносимо жить: я слишком много требую. А я ничего от нее не требую, просто она чувствует, что не может встать на цыпочки и заглянуть в мои мысли. Какой-то автор сказал, не помню, кто: «Тирания — это слишком большая любовь к людям и недостаточная вера в них». Может быть, не знаю. Я людей люблю, во всяком случае, американцев. Но как доверять такому Адамсу? В чем он разбирается? Разве что в форме черепа, и только. Это ребенок. Детей берут за руку и ведут, куда нужно...

Он подозвал официанта: пора к Диккеру.

Стемнело. Огни метались на сиреневой мостовой. Он ехал по набережной. Тревожно кричали пароходы. Огни небоскребов казались горными селениями. Один огонек мерцал выше других, как большая звезда. А дождь все лил и лил.

(Окончание следует)

Подвиг Матвея Матвеевича Кузьмина

Матвей Матвеевич Кузьмин (с портрета, сохранившегося в семейном альбоме).

24 февраля 1942 года в вечернем сообщении Советского Информбюро был приведен волнующий рассказ о патриотическом поступке 80-летнего колхозника Матвея Матвеевича Кузьмина, повторившего подвиг Ивана Сусанина.

Гитлеровский офицер заставил М. М. Кузьмина, жителя деревни К., скрытыми путями провести группу фашистских разведчиков в расположение нашего боевого охранения. Старик сумел предупредить советских воинов об опасности, а сам долго водил гитлеровцев по оврагам, кружил по перелескам.

«...Вконец усталые, продрогшие немцы, — сообщало Информбюро,— неожиданно для себя очутились под пулеметным огнем. Советские пулеметчики, заранее предупрежденные... в упор расстреливали гитлеровцев. Поле покрылось трупами... Когда немецкий офицер увидел, что его отряд попался в ловушку, он застрелил старика».

В сообщении Совинформбюро, по соображениям военной тайны, не было точно указано место, где произошло это событие. Подвиг колхозника послужил писателю Б. Полевому сюжетом для рассказа «Последний день Матвея Кузьмина», вошедшего в его книгу «Мы — советские люди». В рассказе есть ссылка на «озерный Великолукский край».

Но где в этом большом крае находится деревня К.? Великолукские областные организации попытались обнаружить ее. Поиски дали несколько неожиданный результат: за короткий срок было выявлено около десяти фактов, подобных приведенному Совинформбюро. А вот же определить, где именно находится деревня К., долго не удавалось.

И вот совсем недавно это было выяснено. Участник Великой Отечественной войны прислал в областную газету «Великолукская правда» воспоминание о боях за Великие Луки. Сообщая о подвиге Матвея Кузьмина, он назвал и то место, где пал смертью героя мужественный патриот Отчизны. Буквой «К» было зашифровано название деревни Куракино, что в двух километрах от города Великие Луки.

Мы побывали в этой деревне, встретились с родными и земляками Матвея Кузьмина. Они рассказали подробности, оставшиеся до сих пор неизвестными.

...Это было в январе 1942 года. Гитлеровцы хозяйничали в Великих Луках, а в двух—трех километрах от города проходила линия фронта. Колхозник Матвей Кузьмин, как только фашисты заняли его родную деревню Куракино, тайком ушел в Першино, где находились наши передовые части. Здесь произошла трогательная встреча Кузьмина с сыном Василием, которого дороги войны привели к родным местам.

Отец и сын теперь были вместе, но в деревне Куракино, занятой гитлеровцами, оставалась дочь Матвея Кузьмина с детьми. Както старик сказал сыну: «Надо их выручать. Иначе погибнут». Василий, получив разрешение командира части, переоделся в штатское и ночью направился с отцом в расположение врага. Разгулявшаяся метель дала им возможность незамеченными пробраться в Куракино и увести с собой родных.

На обратном пути они встретили отряд вражеской разведки. Фашистский офицер стал расспрашивать дорогу на Першино. Кузьмин понял, в чем дело: фашисты, пользуясь непогодой, хотели прощупать нашу оборону. Улучив подходящий момент, он шепнул сыну: «Ты уходи, а я останусь... Предупреди своих, чтобы наготове были». Потом, обратившись к офицеру, Матвей Кузьмин громко сказал: «Я вас куда надо поведу...».

Старик шел не спеша, часто останавливался передохнуть. Близился рассвет. Отряд медленно подымался на заснеженный холм, откуда до Першина было рукой подать. Вражеские разведчики вдруг очутились на открытой местности.

В этот момент со стороны Першина затрещал пулемет. Пули косили одного гитлеровца за другим. Советские бойцы, заметив старика, прекратили огонь. Тогда Кузьмин закричал что было сил:

— Ребята, не глядите на меня, бейте их!

Это был голос советского патриота, готового отдать жизнь за Родину.

Снова заговорили пулеметы и автоматы. Бойцы продолжали стрелять, стараясь не задеть старика. Вот уже весь отряд разведчиков уничтожен. Остались в живых двое — Кузьмин и фашистский офицер, спрятавшийся за спиной русского колхозника. Солдаты бросились к старику. Но они не успели добежать. Гитлеровец выстрелил в спину Матвея Матвеевича, и герой замертво упал на землю. Бойцы взяли гитлеровца в плен. А бесстрашного русского человека воскресившего славные традиции своего народа в борьбе за его свободу и независимость, с воинскими почестями похоронили близ передовых позиций.

...В деревнях Лычевского сельсовета до сих пор помнят высокого, чуть сутуловатого старика с округлой бородой. Неторопливый, малоразговорчивый, любое дело он выполнял на совесть, вкладывая в него всю душу. Бывший председатель сельсовета К. П. Богданов вспоминает:

— Матвей Кузьмин был примернейший колхозник. Приходилось ему и на ферме работать, и плотничать, и коней пасти — во всем показывал образец честного отношения к труду. За колхоз горой стоял.

В Лычевском сельсовете живут родные Кузьмина: сыновья, дочери, внуки. Сын Василий, свидетель героической гибели отца, работает на Великолукской базе Заготзерно; другой сын, Алексей, — офицер Военно-Морского Флота. В Великолукском учительском институте учится внучка Матвея Кузьмина, Валентина.

...Там, где когда-то проходила линия фронта, сейчас раскинулись земли укрупненного колхоза имени Чапаева, Лычевского сельсовета. Мирно и счастливо течет жизнь советских людей. За эту жизнь сложил свою голову Иван Сусанин наших дней — Матвей Матвеевич Кузьмин.

Л. ГУРОВ

Наши кони побегут рядом

Рассказ

Г. КУНГУРОВ

Рисунки В. Высоцкого

Юрта скотовода Бимба Доржи стоит на солнечном склоне большого холма. На востоке темнеет остроглавая гора, одна сторона ее отвесная, ровная, как стена. По долине, размывая желтые пески, вьется речка, а за нею тянутся холмы и увалы — зеленые волны степи.

Выйдет хозяин из юрты, взглянет вокруг, залюбуется, вспомнит песню кочующего певца:

Если солнце у тебя над головой
Смотрит с высоты молочно-голубой,
Речка плещется игриво под горой,
Напоив степные пастбища водой, —
То и песни льются веселей,
Варево в твоем котле жирней,
Табунам привольнее гулять,
Юрту озаряет благодать!..

Время делает свою работу. Трава в степи зеленеет, цветы красуются, но придет осень, потускнеют холмы и долины. И к Бимба Доржи подкралась осень. Виски его были черными, стали бледно-синеватыми. Увидел Бимба Доржи себя в зеркало, усмехнулся: «Не всегда же им быть черными, все меняет свой цвет, от времени линяет». Пробежали годы, как торопливый конь, рысцой; Бимба Доржи и не заметил — виски его посерели. Призадумался он, махнул рукой: «Не всегда же им быть бледно-синими».

После несчастья, постигшего юрту при набеге белых разбойников, упала на виски снежная россыпь. Вздохнул Бимба Доржи, потом степенно сказал:

— В мои годы черные волосы — некрасиво... Все должно иметь свой приличный цвет.

Красота — гордость молодости. Дети — гордость старости. У Бимба Доржи и Дулмы два сына и две дочери. Птицы, вырастив птенцов, не удерживают их в гнезде: окрепли крылья— пусть дети улетают, вьют свои гнезда...

Бимба Доржи и Дулма жили в своей юрте. Дети выросли, и каждый имел свою юрту.

Сегодня Дулма встала рано.

Ждали гостя — почтенного соседа, старого партизана Пунцука.

День родился светлый; по белому, с редкой просинью небу плыли сиротливые осенние облачка. Бимба Доржи вышел из юрты, сел на коня, оседланного Дулмой, и поехал встречать гостя. Дулма раскладывала мелкими кучками творог на длинной дощечке, укрепленной возле юрты на тонких колышках, чтобы высушить его на солнце.

Бимба Доржи и Пунцук встретились у реки. Обменялись трубочками, напоили коней и, задевая друг друга коленями, поехали по степи.

Длинная дорога — длинный разговор, короткая дорога — короткий разговор. Солнце уже поднялось, день разгорался, степной, жаркий. Кони бежали легкой рысцой. Хотя оба всадника — старики, любой, взглянувший на них издали, не поверил бы этому. Кони круто выгибали шеи, игриво и задорно встряхивали головами, а всадники сидели в седлах, красиво откинувшись назад.

Бимба Доржи — коренастый, широкогрудый, важный старик с темным скуластым лицом. Он чисто выбрит, прокопченные табачным дымом усы, тонкие и жидкие, свисают длинными хвостиками. Узкие бойкие глазки казались злыми и недовольными, когда он сводил свои клочковатые брови у переносья. Старый друг знал — надо обождать: Бимба Доржи думает о чем-то важном, скажет — послушать можно.

Пунцук — высокий, строгий старик: сухое, загорелое, обветренное лицо с резкими морщинками; большая лобастая голова на тонкой жилистой шее, густые усы и острая бородка. Выпуклые глаза его цвета толченого табака слезились, и он часто мигал, вытирая их концом длинного рукава.

Пунцук был вдовец, жил в юрте со своим старшим сыном, невесткой и двумя маленькими внуками.

Сын Пунцука, Долгор, передовой скотовод, награжденный орденом и медалью, славился как неутомимый опытник, упрямо улучшающий породу овец.

Пунцук долго подшучивал над затеями сына, и по вечерам, сидя у очага, они спорили.

— Долгор, скоро ли родится в нашем стаде ягненок весом в пуд? — шутил отец.

Сын улыбался и молчал. Отец не унимался:

— Долгор, не удивишь ли ты людей, не выведешь ли овцу ростом с корову?

Тогда сын поднимал голову:

— Отец, горы Хангая далеко, но едущий доедет и до них...

— На безногом коне доедешь ли?

Но когда овцы выдержали жестокую зиму и потеряли в весе меньше обычного, Пунцук стал присматриваться к делу сына, скоро увлекся, и они начали трудиться вдвоем. Бывало, Пунцук и задумывался. Его, старого скотовода, который еще с дедом Амурсаной пас стада, учит сын. Пунцук любил своего сына, отгонял эти мысли: «Хорошо отцу, у которого такой сын... Пусть лучше учит он, чем люди чужих юрт...»

...Всадники ехали на одинаковых гнедых лошадях, в одинаковых халатах небесного цвета с узкими зелеными полосами; у каждого на груди значок «Почетному скотоводу». Только шапки были у них различные. У Бимба Доржи мерлушечий конусообразный треух с красной шелковой кисточкой на макушке — он носил его и зимой и летом. У Пунцука высокая суконная шапка, отдаленно напоминающая старинную шапку степных баторов.

Пунцук говорил торопливо, запальчиво; при разговоре еще чаще мигал, ерзал на седле и шумно дышал. Нагнувшись в сторону Бимба Доржи, он рассказывал, что в его юрте две радости: черная пастушеская собака принесла четырех чистокровных щенят, в ту же ночь ожеребились в табуне три кобылицы.

Бимба Доржи слушал молча. Уже показалась юрта, а около нее красный халат Дулмы. Пунцук заметил, как сошлись брови у его старого друга и как он левой рукой теребил ус. Пунцук замолчал. Бимба Доржи повернулся и заглянул в лицо Пунцуку:

— За чашкой кумыса ждет тебя, почтеннейший, новость...

Пунцук заерзал на седле:

— От сына вести? От дочери?

Младшая дочь и один сын Бимба Доржи учились в Улан-Баторе, в университете, и он не раз читал Пунцуку их письма.

— Нет, почтеннейший, не то... Да,— вспомнил вдруг Бимба Доржи. Он, покачиваясь, встал на стремена, опустил поводья, расстегнул ворот халата и достал из-за пазухи желтую бумагу. — Прочти-ка... Что ты скажешь, старина?

Пунцук бросил беглый взгляд на бумажку и вернул ее удивленному Бимба Доржи, а сам тоже расстегнул ворот, достал точно такую же бумажку и подал ее другу:

— А что ты скажешь, старина?

Друзья посмотрели друг на друга и рассмеялись. Дело важное... По степному обычаю остановили лошадей, слезли с них и сели на траву. Привязав поводья лошадей каждый к своей ноге, они, не торопясь, щедро набили табаком трубки и закурили.

Почтенные скотоводы приглашались в Улан-Батор на трехмесячные республиканские курсы опытных животноводов.

Сбросив нагоревший пепел с трубки, Пунцук глуховато заговорил:

— Хорошо ли задумали? Зачем учить стариков? Разве мы не знаем своего дела?

— Может быть, плохими скотоводами сделались?.. Это нам по ошибке дали? — Бимба Доржи потрогал на груди значок «Почетному скотоводу» и лукаво сощурил свои узкие щелки глаз; на висках у него вздрогнули голубые жилки.

— Пусть учатся наши дети, внуки, племянники!..

Услышав слово «племянники», Бимба Доржи густо покраснел, жадно потянул дым из трубки, дрожащими руками отвязал от ноги повод и поднялся. Встал и Пунцук.

Когда они сели на коней и кони резко рванулись вперед, Бимба Доржи спросил:

— Сын твой побывал на курсах. Поумнел? Все ждет овец новой породы?

Пунцук всем телом наклонился к Бимба Доржи и громко ответил:

— Почтеннейший друг мой! Осмелюсь прервать твою речь.... Мой сын Долгор не ждет новой породы. Он выводит ее, трудится терпеливо.

— Хватит ли у него терпения? Годы прошли...

— Обрадую! — положил Пунцук разгоряченную руку на плечо Бимба Доржи. — Достиг мой сын... Вывел!.. Дождались мы счастья!..

— Что же ты, старина, молчал? Хорошо ли это?

— Светлую новость немного не довез до твоего ласкового очага... О большом счастье хотел говорить в юрте.

Их встретили отчаянным лаем собаки, и Пунцук недосказал своей новости. Бимба Доржи прикрикнул на собак; они, поджав хвосты, убежали и легли в тени, падающей от юрты ущербленным полукругом. По этой тени Дулма безошибочно определяла время. Сейчас полукруг медленно таял, в полдень он совсем исчезнет — солнце повиснет над верхним окном юрты.

Гость и хозяин мягко спрыгнули с лошадей. Привязали их к коновязи. Дулма учтиво распахнула дверцы юрты. Гость и хозяин вошли.

Дулма заторопилась к лошадям, чтобы расседлать их.

В юрте горел очаг, кипел котел. Когда в юрте кипит котел с бараниной, хозяин полон достоинства, гость — хорошего предчувствия.

Гость сел на коврик возле очага, напротив него — хозяин. Вошла Дулма и тоже присела на коврик. Сизый дым поднялся из трех трубок, слился в одно облачко и поплыл узкой полосой в верхнее окно.

Неучтиво перебивать речь гостя, а старый Пунцук любил поговорить. Он рассказывал, обращаясь к Дулме, о двух радостях в его юрте. Бимба Доржи о них уже слышал и потому был занят своими мыслями. Пунцук заметил это и, наклонившись к Бимба Доржи, махнул рукой, замигал и торопливо заговорил:

— Почтенный, расскажу недосказанное в пути. Случилось с моим сыном Долгором...

И он рассказал:

— В долине Старого верблюда, возле озера, заметил мой Долгор, что белая овца, за которой он неустанно следил, отошла от стада и начала обнюхивать камни, рыть копытами под сухой кочкой. Подходило время ей ягниться, она искала укромного места. День стоял ясный, но дул резкий ветер, и колючие песчинки кололи, как иголки.

Белая овца была у Долгора подопытной, от нее должна была пойти новая порода, крупная, мясистая, тонкошерстная и выносливая. Годы убил сын на это, я, старик, помогал ему.

Но за овцой следил степной орел. Он кружил в синей высоте, неотступно выслеживая добычу.

Долгор не замечал хищника: его отвлекли собаки, которые бросились за овцой, чтобы пригнать ее обратно в стадо.

Долгор отозвал собак и вдруг заметил: по траве плавно прошла черная тень. Он поднял голову, увидел птицу и залюбовался редким по величине орлом.

Как велика в жизни сила одного мгновения! Один миг может спасти человеку его драгоценнейшее — жизнь, и такой же миг — отправить его туда, куда ушли деды и прадеды наши...

Пунцук вздохнул, отер со лба пот, понизил голос:

— Уйдем и мы, каждый в свое время... Долгор бросился к овце и увидел возле нее двух беленьких ягнят. Орел черной стрелой упал с высоты, готовый схватить одного из новорожденных. Долгор успел накрыть ягнят полой халата. Разъяренный неудачей, орел вцепился в спину Долгора...

Бимба Доржи и Дулма вскочили с места, склонились к Пунцуку, захваченные его рассказом.

— Вы знаете моего Долгора... Он вывернул орлу крыло, разбойник вырвался, успев расцарапать в кровь шею Долгору. Взмахивая поломанным крылом, тяжело поднимался орел, кренился на бок и, не достигнув горы, опустился на траву, а Долгор нес в халате двух ягнят; за ним, пошатываясь, шла их мать.

Долгор забыл о своих ранах, хотя кровь обильно смочила его рубаху. Как крепкий кумыс, опьянила его радость. Желание сбылось: ягнята родились крупные, со всеми приметами лучшей породы. Чего добивался мой Долгор, то и вышло...

Оставив стадо под присмотром собак, прибежал он в юрту, положил на кошму новорожденных, велел напоить овцу. Вновь стал рассматривать, щупать, взвешивать на руках то одного, то другого ягненка. Поднял на меня разгоряченные глаза, громко крикнул: «Отец, я доехал до гор Хангая!.. Конь мой не споткнулся!»

Я молча подошел к сыну, обнял его и тут увидел, что мой халат в крови.

А Долгор, наскоро перевязав израненную шею, заторопился на опытный племенной пункт, чтобы позвать ученого животновода. Мы умерили торопливость Долгора. Жена начала обмывать раны на его шее — они оказались глубокими, — а я поехал на опытный пункт.

Ученый животновод оставил все свои заботы и поспешил к нашей юрте. Осмотрев новорожденных, взвесив их на весах, смерив, ученый животновод горячо пожал руку Долгору: «Успех, дорогой, можно гордиться!.. Сейчас же сообщу о достигнутом в центр».

Он дал много умных советов, написал какую-то бумагу и уехал.

...Старая монгольская поговорка учит: «Пока в котле есть варево, не заводи длинных разговоров — всему свое время». Ели молча, изредка гость хвалил кушанья. Дулма улыбалась. Хорошая была баранина; дзузак — зеленый густой чай, умело сваренный с молоком, бараньим салом, слегка посоленный; жирные молочные пенки; сухой творог и сыр. Дулма знала: гость любит сухой творог; она и поставила большую деревянную чашку, доверху наполненную творогом, золотистым, как масло, рассыпчатым, как пшено. Гость отправлял в рот горсть творога и запивал чаем.

У всех лоснились лица от пота, блестели губы от жира. Хорошая примета: жир на губах — благополучие в юрте.

Когда насытились, отодвинулись от стола.

В юрте было тихо, Дулма не стучала плошками и чашками, не трещал огонь в очаге...

Молчание нарушил Бимба Доржи; он счел удобным рассказать сейчас обещанную Пунцуку новость. Гость говорил много и хорошо, наступил черед хозяина. Начал он не торопясь, степенно, стараясь ничего не пропустить.

— Как быстро вырос мой племянник Шарап!.. Давно ли я носил его на руках? Помню, впервые посадил его на спину нашего воронка, дал в руки повод. Держу одной рукой седока за ногу, другой — лошадь под уздцы. Седок губы поджал, рассердился: «Что ты, дядя, за ногу держишь, разве я маленький?»

Опустил его ногу, тихонько повел лошадь. Шагнула она, а мой седок скатился со спины, упал в траву, заплакал: «Зачем ты, дядя, разогнал лошадь?»

Недавно пришло от племянника письмо из Улан-Батора. Прочитал я и побежал к зеркалу. Долго рассматривал свое лицо. Морщин много, да и седых волос прибавилось, словно снежных полос на черном увале ранней осенью. Ай, как быстро растет наша молодежь!

— Да-а, — протянул Пунцук и умолк.

— Целый день писал ответное письмо племяннику. Долго не выходило у меня начало. Несколько лет тому назад было просто: милый мой барашек, черненький мой ягненочек... А теперь так не напишешь. Я начал величественно...

— Вот как пошло! — усмехнулся Пунцук. — Шарап так вырос! Я его помню: маленький, мокроносый, плохо слова выговаривал... Как вырос!

Бимба Доржи подозвал Дулму:

— Принеси-ка мою сумку с бумагами...

Дулма принесла кожаную сумку, расшитую цветным сукном, обложенную по краям серебряными пластинками. Бимба Доржи недолго рылся и достал длинную полоску, мелко исписанную и во многих местах густо перемаранную...

— Прочту начало...

Пунцук кивнул головой, приготовился слушать.

— «Уважаемый племянник, дорогой мой Шарап! Твои вопросы достойны похвалы... Ты смотришь вдаль степным орленком. Это радует мое сердце...»

В конце письма дал я своему племяннику советы. Поучительные строки подчеркнул жирной чертой.

Я писал племяннику: «Всякий, любящий читать и писать, любит и жирную баранью ножку, наваристый дзузак, сладкие пенки... Это дают не книги, а богатство наших степей — скот... Разучишься пасти скот — все в жизни потеряешь».

— Хорошо написал, умно, — перебил Пунцук и вздохнул.

— Через неделю получил ответ на мое длинное письмо. Прочитал я его и забегал по юрте, размахивая руками и твердя: «Что же будет? Хорошо ли это? Плохо!..»

Мой племянник, видимо, подшутил над моими седыми висками. Зачем я старался, отвечал на все его вопросы, — он сам меня учит! Где же его письмо? Сейчас найду, оно на синем листке. Пишет племянник четкими, красивыми буквами... Ага, вот оно...

И Бимба Доржи стал читать...

— «Всеми уважаемый и милый дядя! Нельзя жить вчерашним днем. Часто ли вы переступаете за черту своей юрты? Замечаете ли вы, что происходит вокруг? Вы рассмешили

Трактор

Ч. ЧИМИД

Под солнцем грея маленькое тело
На лёжке, задремавший тарбаган
Вдруг в норку спрятался и голову несмело
Оттуда высунул, чтоб разглядеть врага.

Он смотрит на чудовище, что стадо
Пугает в этих солнечных степях
И звуками таинственными радо
Степных орлов тревожить в облаках.

Пыхтит в степях чудовище сердито;
Дохнет оно — клубится черный дым,
Пройдет — земля размолота и взрыта
И комьями рассыпана за ним.

И, сидя на спине его нагретой,
Сын человека весело поет,
И улетает в дали песня эта,
И эту песню эхо отдает.

Коней горячих сдерживая, рядом
Араты на чудовище глядят.
Обмениваясь трубками, как надо,
Они о нем с почтеньем говорят.

Перевела с монгольского
В. Клюева

меня, дядя, боитесь, что я разучусь пасти скот, умножать наши стада. Это вы пасете скот, как тысячу лет тому назад. Новое теперь во всем. Скот выращивать надо умело: улучшать породу, строить теплые загоны, сено косить. Этому я учусь. Вам бы, мой любимый дядя, на курсы животноводов съездить — удивились бы многому...»

— Как? Что он пишет? Дай-ка, уважаемый, письмо, я сам прочту! — вскочил Пунцук и взял листок из рук Бимба Доржи.

Перечитав это место, взглянул на Бимба Доржи и рассердился:

— Мы совсем поглупели, нас учит мальчишка!

Бимба Доржи ответил:

— Огорченный этими упреками племянника, я выбежал из юрты, хотел изорвать письмо и клочки его развеять по ветру. Сел на холмик и успокоился, подумав: «Дочитаю письмо до конца, выпью этот горький кумыс до дна...»

— Читай, читай, послушаю, — вернул письмо Пунцук.

— «...Вы советуете мне быть хорошим пионером, а я уже второй год руковожу ревсомольской организацией. Изучать русский язык... Да я уже прочитал по-русски много книг: «Молодая гвардия», «Как закалялась сталь», «Чайка». Сейчас читаю «Войну и мир» Льва Толстого. Хорошо бы вам, милый мой дядя, эту книгу прочитать! Интересная, трудно оторваться...»

Больше читать нечего... — остановился Бимба Доржи и перевел дыхание.

— Хватит... Одна капля горького разъедает сердце, две — сушат человека, а много — могут помутить рассудок... Каков твой племянник!.. — удивленно развел руками Пунцук.

— На племянника не сержусь — радуюсь!..

— Хвалит племянника, песни о нем поет, — послышался голос Дулмы.

— Что? — округлил глаза Пунцук и застыл удивленный.

Он подумал, что хозяева шутят, но, посмотрев на их лица, опустил голову, поглощенный раздумьем.

Бимба Доржи улыбался:

— Радуюсь... Перечитав в тот день письмо

племянника три раза, я ушел далеко в степь, к Серой горе. Сел на камень, склонил голову, уронил на песок несколько слез. Потом поднял глаза вверх. На чахлом деревце сидела юная пташка и весело щебетала; как ручеек по камешкам, переливалась ее нежная трель. Рядом на ветке сидела другая пташка, нахохленная, щуплая, обсыпанная пылью. Первая пташка пела безумолку, пока не разбудила и не заставила встрепенуться щуплую пташку. И та подняла голову, расправила крылышки, сбросив пыль, и тоже запела. Просветлело мое сердце, словно солнце освободилось от наплывшей на него тучи. Зачем мне сердиться на племянника, на птицу юности? Подниму я голову повыше и стану вместе с ним петь новые песни жизни. Пошел в юрту и написал ласковое письмо племяннику. Письмо закончил словами:

«Пусть случится небывалое: осень породнилась с весной, силы юности — с мудрой старостью... Пусть новое цветет и зреет, степи наши зеленеют, скот умножается, люди радуются, Родина крепнет».

Повеселевший и ободренный, вскочил я на резвого жеребчика и понесся по степи. Ветер свистел в ушах, обжигал щеки, трепал полы халата. Я жадно дышал любимым с детства запахом степных цветов и трав. И запах казался мне сладостным, будто вдыхал я его первый раз в жизни. Молодость вернулась ко мне!..

Пунцук сидел мрачный, по щекам струился пот. Он ожесточенно теребил сухими пальцами конец шелкового пояса. Глухо вздохнул, спросил Бимба Доржи дрожащим от волнения голосом:

— Молодость вернулась, говоришь?..

Пунцук вынул из-за пазухи желтую бумажку и стал пристально в нее всматриваться, щуря глаза. Дулма поспешила к очагу и подбросила в огонь аргал. Пламя взметнулось, озарив юрту багряно-золотым светом. Пунцук наклонился к пламени, читая бумажку. Выпрямился и посмотрел на Бимба Доржи; тот тоже внимательно читал такой же желтый листок. Глаза их встретились. Пунцук улыбнулся, протянул руки к Бимба Доржи.

— Почтеннейший старый друг, зачем нам отказываться от приглашения? Не поехать ли нам на курсы? Разве от этого будет вред?

Бимба Доржи обнял Пунцука:

— Я уже собрался. Надеюсь, что наши кони побегут рядом...

Дулма показала на дорожные сумы, которые лежали в юрте, а сама отвернулась, спрятав влажные от слез глаза. Бимба Доржи сказал:

— Дорожные сумы полны, конь ржет, ожидая хозяина, выпьем кумыса за благополучие в пути...

Дулма наполнила чашки. Кумыс был крепок. Гость выпил две чашки, вытер губы рукавом халата и быстро поднялся:

— Надо торопиться. У меня еще не собраны дорожные вещи...

Падали вечерние тени.

Хозяева учтиво проводили гостя. Стоя на пригорке, смотрели ему вслед. Ушли в юрту, когда гость скрылся за темным увалом.

Маленьким и большим

А. БАРТО

ЕГО СЕМЬЯ

У Вовы двойка с минусом!
Неслыханное дело!
Он у доски не двинулся,
Не взял он в руки мела,

Стоял он, будто каменный,
Он стоял, как статуя.
— Ну, как ты сдашь экзамены! —
Волнуется вожатая.

— Твою семью, отца и мать,
На собранье укорять
Директор будет лично.
У нас хороших двадцать пять
И три семьи отличных,
Но твоей семьей пока
Директор недоволен:
Она растить ученика
Не помогает школе.

— Ну, при чем моя семья! —
Он говорит, вздыхая.
— Получаю двойки я,
И вдруг — семья плохая!

Ну, ругали бы его —
Не выучил английский,
Ну, ругали бы его,
Зачем же трогать близких!

Упреки он бы перенес,
Не показал бы виду,
Но о семье идет вопрос,
Семью не даст в обиду!

Будут маму обвинять:
— У нас хороших двадцать пять
И три семьи отличных,
А вы одна плохая мать! —
Директор скажет лично.

Печально Вова смотрит вдаль,
Лег на сердце камень,
Стало маму очень жаль...
Нет, он сдаст экзамен!

Скажет маме: — Не грусти,
На меня надейся,
Нас должны перевести
В хорошее семейство!

МУХА

Алеша рад — пришла весна,
В саду тепло и сухо,
И в классе около окна
Жужжит сегодня муха.

Он стал за мухой наблюдать,
В окно она влетела,
Она то сядет на тетрадь,
То на кусочек мела.

Она под самым потолком
Летает в ярком свете,
А вниз спускается пешком
По стенной газете.

По клеенке поползла,
Забралась на счеты.
У нее свои дела
И свои заботы.

Умчалась муха налегке,
А он теперь не в духе:
Замечанье в дневнике
Из-за этой мухи.

А разве Леша виноват!
Муха виновата!
Она теперь умчалась в сад,
Унеслась куда-то...

Когда вину свою признать
Не хватает духа,
Можно муху обвинять:
Виновата муха!

ПОСЕЯЛИ МАК

(шутка)

Третий класс посеял мак
Не на клумбе, просто так!

Прибежал третий класс
К Нине Алексеевне,
Все кричат: — Поздравьте нас:
Мы цветы посеяли!

Маки — новые сорта,
Все оттенки, все цвета!

Сеяли, как надо,
А не как попало.
Целая бригада
Землю вскопала.
А вожатая звена
Раздавала семена.

Третий класс посеял мак,
А растет какой-то злак
Вроде кукурузы.
Вверх пробился кое-как
Стебелек кургузый.

Прибежал третий класс
К Нине Алексеевне,
Все кричат: — Спасите нас,
Мы не то посеяли!

Тут вожатая звена
Говорит: — Моя вина,
Перепутала пакеты,
Раздавая семена.

Подвела я все звено.
Экая досада!
Говорит: — Меня давно
Перевыбрать надо!

Все я сделала не так,
Я для нас — обуза!
Мы хотели сеять мак,
Вышла кукуруза.

Все сказали: — Не беда!
Ошибиться иногда —
Это может всякий.
Кукуруза пусть растет,
А на следующий год
Мы посеем маки.

Прибежал третий класс
К Нине Алексеевне,
Все кричат: — Поздравьте нас,
Злаки мы посеяли!

Сказание о великом вожде

Приступая к поэме «Владимир Ильич Ленин», Маяковский признавался: «Я боюсь этих строчек тысячи, как мальчишкой боишься фальши».

Так же, как и его великий предшественник, азербайджанский поэт Расул Рза, работая над поэмой «Ленин», ныне удостоенной Сталинской премии третьей степени, тщательно отбирал самые точные слова:

Сам не знаю, сколько раз
В глубину родимой речи
За словами-жемчугами
Я нырял, как водолаз.

О Маяковском напоминают и призывно-героический, ораторский тон рассказа о великих событиях эпохи, и глубокий лиризм в передаче народной скорби о смерти Ленина, и победно-ироническая интонация в описании краха буржуазии. Само изображение самовлюбленного, хвастливого позерства «душки-премьера» Керенского и постыдного его бегства напоминает соответствующие эпизоды поэмы Маяковского «Хорошо!».

В этой «перекличке» и «сходствах» нет и тени эпигонского заимствования или подражательства. Работа Расула Рза еще раз доказывает важность творческого наследования традиций, которое никак не означает механического повторения приемов одного поэта другим. Сознательно избрав поэму Маяковского образцом, Расул Рза сумел дать иную разработку совпадающих исторических эпизодов, найдя собственную поэтическую манеру выражения.

В поэме Расула Рза образу Ленина неизменно сопутствует образ его любимейшего ученика, соратника и друга — товарища Сталина. Особенно ярко показано их единомыслие в моменты решающих событий в жизни партии и государства. Ленин и Сталин — «два сердца партии одной».

В основу трактовки ленинского образа легла знаменитая речь товарища Сталина «О Ленине» (на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г.), где с исключительной любовью и яркостью обрисован облик Ленина, как вождя нового типа, величайшего и человечнейшего из людей.

Читатель поэмы видит, как еще в далекие годы в сознании и сердце товарища Сталина, получившего в ссылке первое ленинское письмо, начинает складываться облик великого вождя — «души рабочего движенья», «полководца и мудреца». И образ горного орла, как назвал товарищ Сталин Ленина, проходит через всю книгу.

Взволнованно и сильно изображена знаменательная встреча Ленина и Сталина в Таммерфорсе, где зародились их нерушимая дружба, политическое единодушие и взаимоуважение.

Здесь два титана, два вождя,
Два воина с одних позиций
Огонь открыли по врагам.
Как Таммерфорсом не гордиться
Свободной родины сынам?

Рука об руку идут рядом сквозь все испытания революции, сквозь грозы и бури гражданской войны два гения, два вождя.

Склонясь вместе над планом ГОЭЛРО, они видят сквозь тьму разрухи радостное будущее Республики, озаренной мириадами электрических огней — «лампочек Ильича».

Изображение этой великой дружбы проникнуто глубоким лиризмом, захватывающим читателя. Голос поэта становится сдержанно-напряженным и особенно взволнованным в главе «Клятва».

Поэт сочетает подлинные слова клятвы товарища Сталина (произнесенной им на 2-м Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года) с немногословным поэтическим комментарием. Автор поэмы сознательно не пытается перелагать в стих то, что было сказано товарищем Сталиным с такой чеканной, выразительной немногословностью.

Со всей живостью непосредственного чувства удалось поэту (вслед за Маяковским) передать острую боль и печаль утраты:

Где оно кончается
Людское море?
Где оно кончается
Живое горе?

Но сквозь траурную симфонию все настоятельнее и громче звучит тема ленинского бессмертия:

Он в труде и в славе нашей
С нами
Навсегда останется
Живым.

В скорбные минуты прощания с Лениным народ видит в товарище Сталине великого продолжателя и защитника ленинизма.

В его словах живет
великий Ленин,
В его делах живет
великий Ленин, —

восклицает поэт — наш современник, как и все мы, свидетель выполненной клятвы.

Парадом Победы на Красной площади — ярчайшим свидетельством торжества ленинского дела — завершается книга.

Полки героической Советской Армии, «как вешние потоки и как сама весна, идут». Падают к подножью Мавзолея знамена поверженных фашистских войск. И все взоры участников парада обращены к гениальному полководцу, творцу народного счастья:

Там, на трибуне Мавзолея,
Наш Сталин — наш Ильич
живой...

Успех поэмы в значительной мере обусловлен и талантливым ее переводом на русский язык. Арсений Тарковский сумел передать разнообразие художественных средств и их национальный колорит. Тем досаднее видеть в переводе следы спешки и небрежности (неудачно выбранный ритм в главе «Тюрьма», отдельные вялые строки, неверно поставленные ударения).

Нужно упрекнуть и самого автора за то, что наряду с такими выразительными картинами, как, например, глава о последнем приезде Ленина в Москву, в поэме встречаются слишком прозаизированные строфы (например, в главе «В Петербурге»), самый стиль которых порождает ощущение холодности.

О. РЕЗНИК

Расул Рза. **Ленин.** Поэма. Перевод Арсения Тарковского. «Азернешр». Баку. 1950. 168 стр.

Жизнь моря

Первым достоинством книги лауреата Сталинской премии профессора В. Г. Богорова является то, что она впервые знакомит в популярной форме советского читателя с разнообразной морской природой, показывает те громадные богатства, которые таятся в наших морях, и способы их использования.

«Дары» моря растекаются на тысячи километров, в самые далекие уголки нашей Родины», — пишет автор. Действительно, многие отрасли промышленности используют материалы, получаемые от переработки морских животных, растений, солей, входящих в состав морской воды и донных отложений.

В вводной части автор, отказавшись от традиционного краткого «введения», по сути дела, написал главу о том, какими замечательными открытиями и достижениями украсили Родину моряки и ученые нашей страны. Эта глава, написанная в историческом плане, заканчивается работами наших дней.

Велик и разнообразен животный и растительный мир, населяющий моря и океаны. Десятки тысяч видов различных существ насчитывает он. Повествующие об этом разделы книги — «Подводные луга» и «Великое разнообразие» — дают яркую картину морской фауны и флоры. Особенно ценным является то, что автору на интересных и убедительных примерах удалось показать изменяемость животных под влиянием внешней среды и тем самым еще раз проиллюстрировать универсальность законов передовой мичуринской биологической науки.

Всеобщая взаимосвязь явлений природы и законы диалектического развития показаны автором в следующей главе, «Колыбель жизни», где излагается геологическая история развития жизни на Земле.

Интересен и раздел «День экспедиции», показывающий будни открывателей морских «тайн».

Книга написана с использованием всех новейших материалов, а также собственных исследований автора. Не только широкий читатель, но и специалист с интересом прочтет раздел «Запасы моря», в котором говорится о количестве органического вещества, заключенного в морских растениях и животных. Автор использовал эти данные для отповеди американским лжеученым-мальтузианцам, которые пытаются доказать оскудение природных ресурсов на Земле, чтобы оправдать подготовку новой мировой войны. Вообще нужно сказать, что автору удалось сделать свою книгу патриотической и политически насыщенной. В отличие от некоторых научно-популярных книг книга Богорова очень злободневна.

Как недостаток ощущается то, что в разделе о преобразовании природы советских морей, вообще весьма небольшом по объему, не нашли достаточного отражения исторические постановления о великих стройках коммунизма. Это необходимо сделать во втором издании книги.

В книге имеется большое количество иллюстраций и цветные вкладки. Последние исполнены очень хорошо, чего нельзя сказать о рисунках в тексте. Многие портреты ученых и моряков до неузнаваемости искажены, некоторые рисунки животных вообще трудно разобрать. Нельзя не подосадовать на такое оформление интереснейшей книги.

Профессор В. ЗЕНКОВИЧ

В. Г. Богоров. **Жизнь моря.** «Молодая гвардия». 1950. 266 стр.

«Восстановим правду»

Вместе с другими писателями — М. Ильиным, Г. Фишем, В. Сафоновым, Л. Гумилевским — работает в научно-художественном жанре и Александр Поповский.

В своей последней книге, «Восстановим правду», вышедшей в прошлом году, но долгое время не получавшей сколько-нибудь полного критического отзыва, А. Поповский поставил перед собой задачу — дать краткие очерки о тех русских ученых, которые вписали в историю науки новые страницы. Автор не намеревался дать биографию того или иного ученого или обстоятельно описать все его открытия. Он поставил перед собой другую задачу — говорить только о тех наших ученых и только о тех открытиях, с которыми связаны новые этапы развития науки. Этим объясняется и расположение материала, и краткость изложения, и обращение к представителям различных областей науки.

Речь идет о людях, ломавших старые, укоренившиеся устои, впервые выдвигавших новые положения, утвердивших приоритет и славу нашей науки во всем мире. Поэтому мы встречаем в книге и представителей математических наук (Лобачевский, Чебышев, С. Ковалевская), химии (Зинин, Бутлеров, Менделеев, Зелинский), аэродинамики (Циолковский, Жуковский), биологии (Бэр, А. Ковалевский, Мечников, Тимирязев, Лысенко, Скрябин), физиологии (Сеченов, Павлов, Введенский, Быков), хирургии (Пирогов, Герцен, Вишневский), психиатрии (Бехтерев, Корсаков), биохимии (Бах, Цвет, Данилевский) и других.

Уже этот неполный перечень показывает, какую трудную и, казалось бы, невыполнимую задачу поставил перед собой автор. Однако в тех пределах, которые писатель заранее наметил, он удовлетворительно справился с этой задачей. Конечно, не везде, строго подходя, мы найдем безукоризненное изложение специальных научных сложностей данного открытия, но, тем не менее, автор избежал грубой профанации. Можно встретить отдельные неточности, однако повсюду доступным языком и в увлекательной художественной форме дана волнующая история формирования ученого. Читатель с неослабевающим интересом следит за тем, как автор раскрывает лабораторию творчества, борьбу ученого за признание, за приоритет и славу отечественной науки.

Множество имен покажутся новыми, если не для специалистов данной области, то для научных работников других областей. Так, например, Игнатьев и Соболев были настолько обворованы иностранцами и настолько задавлены тяжелыми условиями научной работы при царской власти, что их почти забыли и у нас, на родине.

Весьма интересны страницы, посвященные русским ученым, развивавшим и критически дополнявшим учение Дарвина. Ознакомившись с очерками о братьях Ковалевских, Бэре, Мечникове и Тимирязеве, читатель с глубоким удовлетворением узнает, что многие труды этих ученых в значительной мере способствовали успеху учения Дарвина.

При всех своих достоинствах книга А. Поповского не лишена и ряда недостатков. Прежде всего бросается в глаза, что очерки, посвященные представителям технических наук, написаны слабее остальных и иногда не дают читателю представления, в чем же, собственно, значение этого ученого. Этот упрек касается, в частности, очерков о математиках Лобачевском и Ковалевской. Правда, их наука довольно трудна для понимания широкого круга читателей, но уж значение периодической системы Менделеева могло быть изложено более понятно.

Очерки по биологическим наукам, составляющие более двух третей книги, несомненно, более удачны. Здесь А. Поповский обнаружил, повидимому, свойственный ему большой интерес к этим областям.

Другим недостатком книги является то, что наряду с блестящими учеными, являющимися украшением нашей науки, в ней встречаются иногда имена менее значительные. И в то же время автор обошел молчанием нескольких выдающихся ученых дореволюционного периода, о которых читатель узнал бы с большим удовлетворением.

Таков, например, В. Палладин — автор общепризнанной теории окислительных процессов в организме, этой основной биологической проблемы. Даже в нашей научной литературе эту теорию часто называют теорией немца Виланда! Восстановить правду о приоритете В. Палладина необходимо, и отсутствие очерка о нем в книге А. Поповского весьма досадно. Н. Лунин, первым открывший витамины и сделавший своей работой эпоху в изучении питания человека и животных, также обойден молчанием.

Автора можно было бы еще упрекнуть в том, что он пишет иногда об открытиях современной медицины, и притом практического характера, в таком духе, как если бы они полностью были уже одобрены практикой. Между тем ряд такого рода достижений остается еще в пределах лабораторных испытаний.

Но и в настоящем ее виде книга «Восстановим правду», содержащая более 70 очерков о русских ученых, сделает свое полезное дело и особенно послужит молодому поколению.

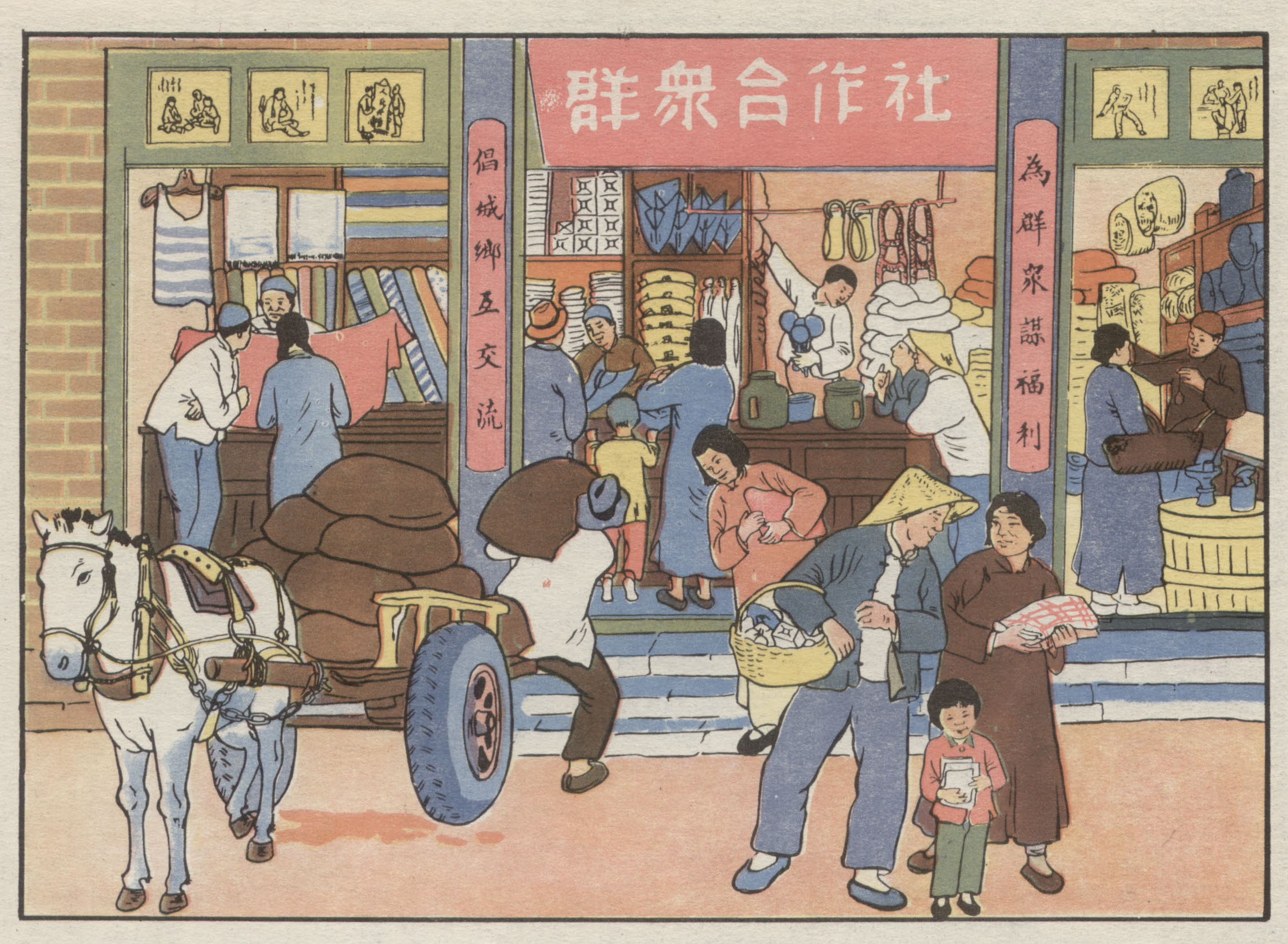
Герой Социалистического Труда профессор
Б. ЗБАРСКИЙ

Александр Поповский. **Восстановим правду.** (Заметки писателя о русской науке.) Профиздат. 1950. 304 стр.

Гу Цюнь. Торжество в честь установления Китайской Народной Республики.

У Ле. В органы народной власти выберем достойных людей!

Су Цзянь. Народный кооператив.

Ли Ци. Знакомство с трактором.

Жэнь Цянь-тяо. Повысим культуру.

Искусство народа

С незапамятных времен существовал в Китае обычай: ко дню Нового года народ украшал свои жилища лубочными картинками. Изображаемые на них незатейливые сценки, чаще всего мифологического содержания, заключали в себе пожелания здоровья и благополучия.

Народная освободительная война и победа китайского народа изменили содержание всего искусства. Быстрее всех на перемены, происходящие в жизни народа, откликнулись мастера народного лубка. Их творчество неразрывно связывается с борьбой китайского народа за национальную независимость и демократию. В лубок входит живая жизнь сегодняшнего дня, исторические события и люди, строящие новый Китай.

Тысячами сияющих лучей дробится солнце на алых стягах демонстрантов. Стяги полощутся по ветру над площадью древнего Пекина, и нескончаемым потоком проходят под ними бойцы-освободители — армия свободного Китая. А кругом тысячные толпы ликующего народа, собравшегося на торжество провозглашения народной республики. Значительность происходящего подчеркивается в гравюре широким, почти панорамным разворотом пространства, традиционно яркими красками и столь же традиционной повествовательностью лубка. Художник не просто изображает определенное событие и передает связанное с ним настроение — он стремится подробно рассказать о чувствах каждого из участников, найти для каждого свое движение, свой жест. От этого толпа кажется настолько живой, что в ее переживания невольно включается и зритель.

В новую деревню, на крестьянские земли, впервые пришел трактор. Около чудесной машины толпа крестьян. Замеряют борозды, делятся впечатлениями, беседуют с трактористом. Особенно выразительны чуть робеющий крестьянин на первом плане и пожилой коренастый мужчина за рулем, кажется, сию же минуту готовый начать учиться управлению стальным конем.

Бойкая торговля идет в наполненной товарами лавке народного кооператива. Все здесь есть, и все доступно трудящимся людям. Картинка изображает не одну частную сцену торговли, а целую серию сценок, складывающихся в законченное повествование. Зритель видит покупку тканей, утвари, продуктов, подвоз товаров и, наконец, на переднем плане семью с покупками — наглядное свидетельство наступившего благополучия.

Сочетание привычных композиционных приемов с правдивостью и жизненностью человеческих характеристик позволило мастерам лубка насытить свои картинки большой выразительностью. Тепло и просто рассказывает лубок о народных выборах. Смеющиеся лица, оживленный разговор. Одни заполняют бюллетени, другие голосуют, третьи обсуждают своих избранников. А рядом живая сценка: у пришедшей на выборы матери девушка подхватывает ребенка, другая показывает на избирательную урну. В этой детали раскрываются и новые права китайской женщины и новое отношение к ней.

Страница за страницей показывают листы лубка жизнь нового Китая. Нет такого события в стране, нет такого новшества, которые бы не нашли отражения на его картинках. Лубок необычайно оперативен и всеобъемлющ по своей тематике, он понятен и доступен каждому. Такая наглядность и доходчивость особенно важна, поскольку иероглифическая письменность долгие годы была совершенно недоступна простому народу. Поэтому в Китае сейчас так широко распространен лозунг: «Усердно учиться, повышать культуру!» На лубке аналогичного содержания мы видим людей всех возрастов, что служит наглядным примером и призывом для каждого.

Таким же призывом служит и лубок «Помощь народной армии», в котором особенно сильно сказывается зависимость от традиционных приемов. Действие развертывается далеко в глубину, в нескольких планах.

Известный китайский художник Янь-цяо, указывая на значение советского искусства для китайских мастеров, писал: «Советская гравюра показала историческую правду своего времени». Китайские художники пошли по пути советской гравюры, пользующейся у них огромной популярностью. И в изображении жизненной правды китайский народный лубок обрел свою вторую жизнь.

Н. МОЛЕВА

ТРУД МОЛОДОГО АРТИСТА

Р. СИМОНОВ,
народный артист СССР

Много лет назад юноша Горелов читал знаменитому русскому актеру Ивану Васильевичу Самарину сцены из «Горя от ума», монолог Хлестакова из «Ревизора» и другие драматические отрывки. Решалась судьба Горелова: быть ему актером или не быть.

— Да, у вас есть несомненные способности! — сказал ему Самарин.— Все остальное зависеть будет от вас. Артиста родит труд.

Вскоре по Руси гремело сценическое имя Горелова. Владимир Николаевич Давыдов (Горелов) стал гордостью отечественного театра, завоевал поистине народную известность. Совету Самарина он верен был всю жизнь. Он учился неутомимо, шлифовал свое дарование с тщательностью ювелира. Настойчивый труд неизменно сопутствовал его сценическим успехам. В конце своей славной актерской жизни, словно подводя итог ее, Давыдов говорил: «...Только подготовительная работа по заранее обдуманному плану дает сценическому артисту возможность в процессе творчества на глазах зрителя строго контролировать каждый жест, каждый поворот, каждый звук голоса...».

Давыдов, как и многие другие большие русские актеры, по сути дела, пришел к творческой зрелости один, без настоящей, серьезной школы. Конечно, ему помогали старшие товарищи — и тот же Самарин и многие другие. Но в те времена еще не знали систематического театрального образования, которое ныне стало у нас непременным условием вступления на сценический путь. Студент театрального института получает у нас в готовом виде истины, для открытия которых Давыдову и его современникам требовались годы и годы упорных поисков, размышлений, экспериментов... Но значит ли это, что формула Самарина «артиста родит труд» может считаться в наши дни устаревшей?

Напротив, и поныне слова эти должны оставаться девизом для каждого молодого артиста.

Недавно окончился интереснейший смотр артистической молодежи театров Москвы и Ленинграда. Среди многих и многих способных участников смотра выдвинулись на первые места те, чьи таланты окрепли благодаря трудолюбию, чьи образы рождены не только природным дарованием, но и пытливой мыслью, настойчивым, целеустремленным мастерством.

Из актеров театра имени

Кирилл Извеков, беседуя с Лизой Мешковой, впервые вынужден солгать любимой девушке. Кирилл хотел бы искренне рассказать ей обо всем, но есть секреты, которыми он распоряжаться не волен: его связь с Рагозиным, с революционным подпольем должна остаться тайной даже для Лизы. Трудно Кириллу вести этот разговор. Смущение борется в его душе с уверенностью в собственной правоте. Эту тонкую сцену из спектакля «Первые радости» актеры Театра имени Евг. Вахтангова Ю. Любимов и Т. Коптева проводят с подлинным лиризмом.

«Степь широкая» — один из наиболее удачных спектаклей Центрального театра Советской Армии. Успеху этого спектакля в немалой мере содействует Л. Фетисова, создающая привлекательный образ колхозницы Веры Березиной.

Евг. Вахтангова, например, удостоен первой премии молодой артист Юрий Любимов. Мы, вахтанговцы, знаем, что Любимов неутомимо работает над собой, что каждая новая роль для него является серьезным испытанием. Овладевая ролью, молодой актер мобилизует все свои знания, весь свой жизненный опыт для создания полнокровного, живого образа. Без сомнения, чувствуют это и зрители, всегда способные отличить цельное, тщательно отделанное создание актера от бездушной, хотя бы и талантливой импровизации на заданную ролью тему.

И вот когда мы видели в балете «Эсмеральда» молодую балерину Бовт, также отмеченную первой премией смотра, мы могли с уверенностью сказать: безупречная техника танца не единственный результат ее большого труда. Непрестанный труд принес ей нечто гораздо более важное — тонкость сценического образа, его свежесть и своеобразие.

Артист Центрального детского театра В. Заливин давно уже стал любимцем московской детворы. Живо обрисованные им сценические персонажи (Снежок в одноименной пьесе В. Любимовой, Жак в пьесе А. Зака и И. Кузнецова «Вперед, отважные», Саня в пьесе «Драгоценное зерно» А. Мусатова) воспринимаются юными зрителями, как их реальные, жизненные друзья. На снимке — В. Заливин в роли Сани («Драгоценное зерно»).

Те же свойства отличают и образы, созданные участниками смотра — Фетисовой из Центрального театра Советской Армии, воспитанниками МХАТ Щербаковым и Ростовцевой, артистом Центрального детского театра Заливиным, артисткой Большого театра Н. Покровской и другими.

Театр — искусство коллективное, и потому рост молодых его сил определяется заботой руководителей коллектива о подготовке достойной творческой смены. Смотр театральной молодежи в этом смысле оказался весьма полезным.

Всего первый год состоит в нашей труппе М. Ульянов — выпускник училища имени Б. В. Щукина. Готовясь к смотру, он взялся за чрезвычайно ответственную задачу — создание образа Сергея Мироновича Кирова в спектакле «Крепость на Волге». Попытка оказалась успешной, и теперь М. Ульянов играет в этом спектакле в очередь с народным артистом РСФСР М. Державиным.

На долю Нины Покровской выпала на этот раз сложная творческая задача — исполнить партию Донны Анны в «Дон Жуане» Моцарта. За четыре года пребывания в Большом театре молодая артистка создала несколько значительных образов — Наташу в «Русалке», Гориславу в «Руслане и Людмиле», Марию в «Мазепе», Ярославну в «Князе Игоре». Донна Анна уводила актрису в иной, пока еще не знакомый ей мир образов Моцарта. Однако и в этой партии юная певица добилась редкой вокальной выразительности, подлинного драматизма.

Но смотр принес молодым не только новые роли. Он принес им и обновление старых, уже игранных ролей. С помощью режиссеров и старших товарищей участники смотра заново пересматривали свои прежние работы. Смотр стал дополнительной и весьма полезной школой мастерства.

Спектакли и концерты с участием молодежи вызывали у зрителей и особенно у нас, членов жюри, ощущение смелого, решительного наступления сценической юности. Мы воочию увидели рост талантливой смены, которой через несколько лет можно будет смело доверить судьбу нашего любимого искусства.

Досадно, что в смотре участвовало нетерпимо мало молодых режиссеров, дирижеров, художников; это — безусловное упущение Комитета по делам искусств! Не все было хорошо и в показе работы актеров. Многих из них можно было упрекнуть в недостаточном внимании к сценическому мастерству. Скованность движений, отсутствие пластики, неровности ритма, недостатки голоса и речи — вот что зачастую мешает артистической молодежи создавать образы убедительные и достоверные. Это особенно досадно, когда роль толкуется актером верно.

В такие минуты снова вспоминаешь слова Самарина о том, что труд рождает актера. Неустанно трудиться, неустанно совершенствовать свое мастерство — этому учили нас прославленные наши учителя К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, Е. Б. Вахтангов.

А. Щербаков выступил в спектакле «Разлом» Б. Лавренева, созданном силами молодых артистов МХАТ, в роли Годуна, вожака революционных матросов. Питомец школы Художественного театра, он сумел передать в образе Годуна характерные черты большевистского руководителя — его дальновидность, его упорную, не знающую преград волю, его уменье увлекать за собой массы. Годун стал поистине душой этого интересного спектакля.

В опере «Каменный цветок» Хозяйка медной горы предстает перед зрителями в воплощении молодой артистки Авдеевой. Певица бережно сохранила колоритный образ, созданный народными сказителями Урала, тщательно выписанный Павлом Бажовым и нашедший интересное музыкальное разрешение в опере К. Молчанова.

Картина И. Е. Репина
„Славянские композиторы"

Когда смотришь на большое полотно Ильи Ефимовича Репина «Славянские композиторы», невольно кажется, что присутствуешь при встрече музыкантов,— настолько живо и естественно передана художником их дружеская беседа.

В центре картины русские композиторы во главе с М. И. Глинкой, гением русской музыки. Глинка что-то оживленно рассказывает. Внимательно слушают его Н. А. Римский-Корсаков, руководитель «Могучей кучки» М. А. Балакирев, музыкант и литератор Вл. Одоевский. К разговору прислушивается, облокотившись на спинку стула, А. С. Даргомыжский, «великий учитель музыкальной правды», как называл его Мусоргский.

Справа, у рояля, основатель Петербургской консерватории, выдающийся русский пианист и композитор Антон Рубинштейн. Рядом с ним его брат Николай, основатель Московской консерватории, и известный музыкальный критик и композитор А. Серов. Они также заинтересовались рассказом.

В глубине комнаты современники Глинки: А. Е. Варламов и А. Н. Верстовский, Д. С. Бортнянский.

Слева, у окна, расположилась группа чешских музыкантов. Здесь выделяется фигура композитора и дирижера Э. Ф. Направника. По национальности чех, Направник прожил большую часть жизни в России. Его творчество теснейшими узами связано с русской музыкальной культурой. Перелистывая партитуру, к нему обращается чешский композитор Бедржих Сметана, прославивший себя вечно юной, жизнерадостной оперой «Проданная невеста». Немного поодаль дирижер и автор ряда опер К. Бендль и композитор В. Горак.

В правой части комнаты, в углу, польские музыканты. Рядом с Фредериком Шопеном стоит создатель польской национальной оперы Станислав Монюшко, автор правдивой и задушевной «Гальки». Около них скрипач-виртуоз К. Липинский и популярный композитор второй половины XVIII века Михаил Огинский.

Встреча композиторов, столь жизненно переданная художником, на самом деле не имела места. Многие из изображенных музыкантов не только никогда не видели друг друга, но даже не были современниками. Балакирев, например, родился спустя двенадцать лет после смерти Бортнянского, а Римскому-Корсакову в год смерти Шопена было всего лишь пять лет. Наконец, только четырех музыкальных деятелей России (Направника, Н. Рубинштейна, Римского-Корсакова и Балакирева) Репину удалось написать с натуры. Всех остальных композиторов он писал с портретов или фотографий, которые разыскивал для него В. Стасов.

История этой картины такова. Зимой 1871—1872 года Репину, только что окончившему курс Академии художеств, было предложено в очень короткий срок написать для концертного зала открывающейся в Москве гостиницы «Славянский базар» групповой портрет композиторов-славян: русских, поляков и чехов.

Заказ пришелся по душе молодому художнику, воодушевленному идеей воплотить в живописи могучее братство славянской музыки.

Илья Ефимович Репин с детства любил русскую музыку. Музыка была для него одним из средств глубокого и всестороннего понимания жизни. Она вдохновляла художника, возбуждала его творческое воображение,

Приехав в начале 60-х годов в Петербург, Репин попал в самую гущу музыкальной жизни России. Он посещает концерты Русского музыкального общества и Бесплатной музыкальной школы в Дворянском собрании, знакомится с бессмертными творениями Глинки, с произведениями Балакирева, Бородина, с поражающими своей новизной и смелостью произведениями Мусоргского.

Еще будучи студентом, художник совершил большую поездку по Волге, в результате которой появилась гениальная его картина «Бурлаки на Волге». Величественные просторы русской реки невольно вызывали в памяти Репина музыкальные образы Глинки — «всеобъемлющего гения». «Это запев «Камаринской» Глинки, думалось мне,— вспоминал впоследствии художник в своей книге «Далекое-близкое».— И действительно, характер берегов Волги на российском размахе своих протяжений дает образы для всех мотивов «Камаринской»... После бесконечно плавных и заунывных линий запева вдруг выскочит дерзкий уступ, с какой-нибудь корявой растительностью, разобьет тягучесть неволи свободным скачком, и опять тягота без конца...»

В период создания картины «Славянские композиторы» Репин был уже хорошо знаком с музыкой Римского-Корсакова и Балакирева. Вскоре он лично познакомился с этими композиторами, а затем и с Бородиным и Мусоргским.

Под несомненным влиянием произведений Римского-Корсакова Репин написал «Садко в подводном царстве». Мысль о создании картины «Иван Грозный и сын его Иван» также возникла у него под непосредственным впечатлением программной симфонии Римского-Корсакова «Антар», вернее, ее второй, наиболее мрачной по настроению части. «Она произвела на меня неотразимое впечатление, — рассказывал художник. — Эти звуки завладели мною, и я подумал, нельзя ли воплотить в живописи то настроение, которое создавалось у меня под влиянием этой музыки. Я вспомнил о царе Иване».

Любовью к русской музыке, близостью к молодому демократическому музыкальному искусству и объяснялось глубоко творческое отношение Репина к картине «Славянские композиторы».

Но радость творчества для художника омрачалась постоянным вмешательством со стороны заказчика — купца и деляги Пороховщикова. Желание мастера внести в группу избранных музыкантов также Бородина и Мусоргского встретило сопротивление Пороховщикова. Репин вместе со Стасовым глубоко переживал невозможность поместить на картине Бородина и Мусоргского, столь любимых всем передовым русским обществом.

Репину не удалось изобразить любимых композиторов на картине. Но это не заставило его отказаться от мысли воссоздать в живописи их образы. В феврале 1881 года, узнав о тяжелом состоянии здоровья Мусоргского, Репин приезжает в Москву и застает своего друга уже в госпитале. По совету Стасова он принимается его писать. На портрете Мусоргский изображен хотя больным и измученным, но все же несломленным гигантом.

В конце 80-х годов Репин написал Бородина. Портреты Бородина и Мусоргского явились естественным дополнением к картине «Славянские композиторы».

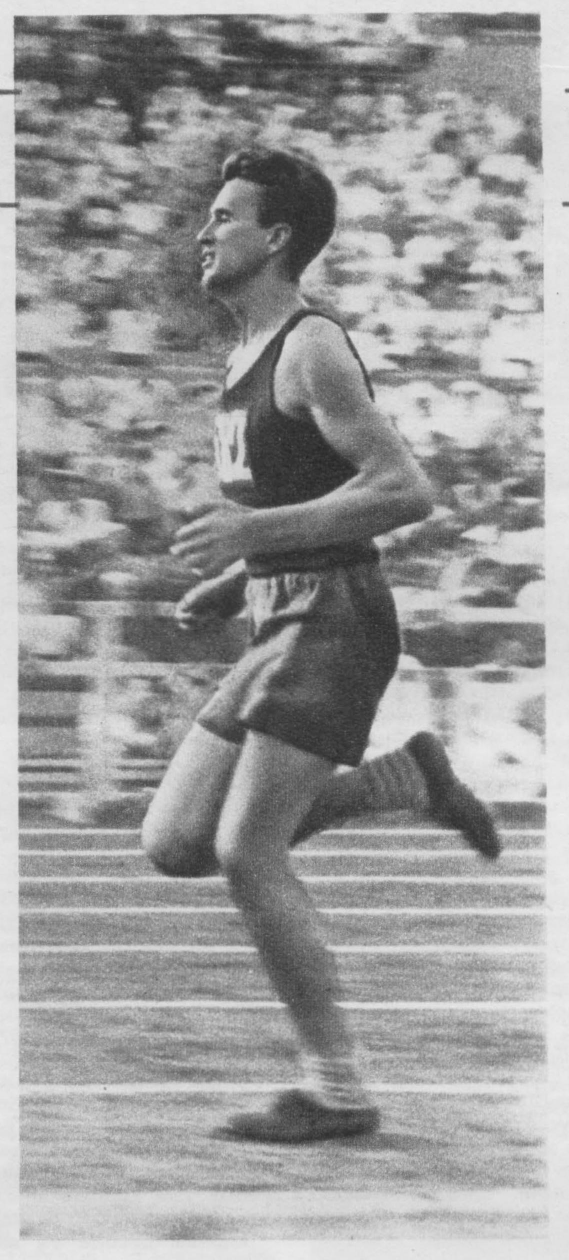
Картина эта ныне украшает фойе Большого зала Московской государственной консерватории. Проникнутая идеей дружбы и процветания славянской музыкальной культуры, она близка и дорога советскому зрителю.

Т. КАРАВАЕВА

И. Репин. «Славянские композиторы».

УЧИТЕЛЬ БЕГА

Заслуженный мастер спорта Н. Денисов.

Резкий звук свистка вызывает на старт участников бега.

У белой линии, четко рассекающей гаревую дорожку, выстраиваются атлеты. Слегка наклонив вперед корпус, они замирают в ожидании сигнала.

Стартер поднимает вверх пистолет. Сейчас раздастся выстрел и начнется спортивная борьба.

Все внимание зрителей приковано к бегунам. Почти никто не замечает в эту минуту высокого, стройного человека с сединой в густых волосах. Он стоит на повороте дорожки. В спортивном синем костюме, с секундомером и записной книжкой в руках заслуженный мастер спорта Николай Николаевич Денисов со стороны кажется просто наблюдателем, а между тем он участник соревнований: среди бегущих его ученики, которым он, как эстафету, передает свое мастерство, свой опыт, накопленные за четверть века спортивной практики.

Круг за кругом проходят бегуны. Со своего места Денисов хорошо видит их в течение всего бега. Привычный глаз тренера сразу схватывает ошибки. Все время он делает короткие пометки в своей записной книжке.

Много лет служит Николаю Николаевичу Денисову эта книжка. Много раз вклеивались в нее чистые листки и так же, как старые, покрывались цифрами, одному ему понятными значками. По ней он может проследить рост каждого ученика, увидеть, как избавлялся тот от ошибок.

В часы занятий скупые заметки подскажут тренеру, какие упражнения нужно дать Соломко или Казанцеву, Евсееву или Москаченкову, о чем еще раз нужно напомнить Помогаеву или Тюленеву.

А сейчас ему нужно одного подбодрить, крикнув «Хорошо!», другого подогнать возгласом «Прибавь!», третьего предостеречь от преждевременной растраты сил: «Спокойнее!».

Мысленно Денисов бежит с каждым из них. Он хорошо знает их сильные и слабые стороны, знает, что не все еще могут самостоятельно решать сложные вопросы тактики бега, и помогает им.

Из-за неожиданной болезни ноги Николаю Денисову пришлось покинуть беговую дорожку в расцвете сил и спортивного таланта.

Нелегко было ему, лучшему бегуну того времени на средние дистанции, чемпиону и рекордсмену страны, присутствовать на стадионе лишь в качестве зрителя.

Сколько он ни помнит себя, жизнь его связана со спортом. Сначала это были шумные мальчишеские игры, потом футбольная команда с романтическим названием «Черный лебедь», а годом позже двенадцатилетнему Коле Денисову подарили лыжи, и с тех пор он по зимам не расставался с ними: бывало, пошлют его в магазин за хлебом или нужно сбегать к товарищу через два дома — все на лыжах. Он научился ходить на них так быстро, что не только сверстники, но и подростки постарше не могли за ним угнаться.

Потом он увлекся гимнастикой и баскетболом, а позже записался в кружок штангистов.

Коля брался за все, и все ему легко давалось, но по-настоящему не захватывало. Увлечение быстро проходило, и он начинал искать новых занятий. Так было до тех пор, пока ему не пришлось ступить на беговую дорожку. Как ни странно, а произошло это случайно. Старший брат Николая, Виктор, занимался в команде легкоатлетов на фабрике имени Петра Алексеева. Однажды Николай, остывший к своему очередному спортивному увлечению, увязался за братом на соревнования бегунов.

Он только было удобно устроился поближе к беговой дорожке и приготовился «болеть» за своих, как вдруг к нему подбежал Виктор и сказал:

— Иди скорей раздеваться: не хватает одного участника для бега на 1 500 метров!

Ни в одном из самых ответственных соревнований, которых потом было достаточно много, не билось так сильно его сердце, как в тот раз. Едва достигла слуха команда, как он во весь дух бросился вперед. Он не думал, хватит ли сил. Одна мысль гнала его: «Только не быть последним!».

Зрители, сидевшие кругом, мелькали одним сплошным темным пятном, голоса их сливались в невнятный подхлестывающий гул.

Узкая белая полоска преградила путь, он бросился на нее грудью, услышал аплодисменты и понял: бег окончился, он прибежал первым...

Какое ликование охватило его! Он стоял, окруженный товарищами, и счастливо улыбался, не замечая, как дрожат уставшие ноги, как струится по лицу пот...

Сквозь толпу пробрался коренастый человек и, дружески хлопнув Николая по плечу, произнес:

— Молодец, паренек, будешь великолепно бегать!

Человек отошел, и кто-то с уважением сказал:

— Хайдин!

Иван Иванович Хайдин был знаменитым в то время спортсменом.

Дома Николай выбрал самую лучшую тетрадь и каллиграфически вывел: «Дневник легкоатлета Николая Денисова». Спортивная судьба его была решена бесповоротно. Он начал заниматься вместе с братом в группе Андрея Ивановича Борисова, ныне заслуженного мастера спорта.

Зимой он ходил на лыжах и даже участвовал в гонках, а весной принимался за кроссы.

В первое же лето он показал себя отличным бегуном, а спустя два года в составе сборной команды СССР выезжал в Норвегию. В международных соревнованиях Денисов добился блестящего успеха. Выступая на трех дистанциях: 1 000, 1 500 и 3 000 метров,— он везде был первым. В следующем году он внес поправки в таблицу всесоюзных рекордов.

С тех пор успехи Николая Денисова множились. Он побеждал на стадионах Финляндии, Норвегии, Чехословакии, более десяти раз улучшал рекорды страны.

С годами у Денисова выработался свой стиль бега — широкий, плавный, ритмичный «маховый» шаг, экономный и энергичный.

Блестящая техника бега Николая Денисова нашла признание не только в нашей стране. Когда на одном из соревнований в Финляндии кто-то спросил у мирового рекордсмена Нурми, чью технику бега он считает образцовой, тот сказал:

— Вы можете учиться у Денисова: техника его безукоризненная.

Счет соревнований, в которых Николай Денисов успешно выступал, приближался к тысяче. Но одно из них оставило особенно неизгладимый след в памяти: в день первого физкультурного парада ему довелось бежать на Красной площади. Он первым принес эстафетную палочку к финишу.

...Но вот однажды профессор, долго и внимательно ощупывавший ногу больного Денисова, вынес суровый приговор:

— Если хотите ходить, забудьте о спорте.

Бросить все теперь, когда чувствуешь, что можешь сделать так много!

— Нет, не брошу, — решил Денисов. — Не буду бегать сам, буду учить других. Пусть они сделают то, что не успел я.

* * *

Денисов не отбирает в свою группу самых способных. Он любит заниматься со всеми, у кого есть желание. Молодых, неопытных бегунов тренер учит правильно держать корпус, действовать руками, размеренно дышать. Настойчиво прививает он им вкус к работе. К нему приходят и бегуны, имеющие уже немало побед. Каждому из них он помогает найти ошибки, встать на правильный путь.

Его излюбленный метод — групповая тренировка. Свои задачи тренера он видит не только в том, чтобы научить бегать. Он стремится воспитать в своих учениках волю, трудолюбие, чувство коллективизма и товарищества — те элементы, без которых немыслим советский спортсмен. Он заботится о том, чтобы они были настоящими советскими людьми, сознательными и честными.

В группе, где каждый, имея свой индивидуальный план, связан работой с товарищами, где сильный всегда помогает слабому, лучше всего развиваются эти качества.

Дружба Денисова с учениками выходит далеко за рамки спортивного зала и стадиона. Учителя и воспитанников нередко можно видеть вместе в музеях и театрах.

Делиться с тренером своими мыслями, рассказывать об успехах и неудачах в работе и учебе стало потребностью для всех его учеников.

Возвращаясь поздно вечером после занятий, Денисов садится за свой тренерский дневник. Перечитывая его страницы, он с удовольствием отмечает, что все его ученики растут с каждым занятием. Давно ли Казанцев собирался бросить бегать, удрученный своими неудачами, а сейчас он чемпион страны. Москаченков в прошлом году прибежал в марафонском беге третьим. Соломко, который только год занимается, уже в состоянии состязаться с мастерами. У каждого есть успехи, а все вместе они славный, дружный коллектив.

И в этом источник счастья и радости советского тренера Николая Денисова.

Л. ЛИБКИНД,
заслуженный мастер спорта.

Спортсменка — депутат

Депутат Московского Совета Мария Григорьевна Исакова.

Троекратная чемпионка мира по скоростному бегу на коньках Мария Григорьевна Исакова явилась в Центральный парк культуры и отдыха весной, когда катки тут давно уже растаяли. Лучший парк столицы готовился к летнему сезону. Садовники выравнивали газоны, наводили лоск маляры, дробным стуком перекликались топоры плотников. Подготовка к лету, а вовсе не состояние ледяных дорожек интересовало известную советскую конькобежку.

Пришла М. Г. Исакова в парк по поручению Московского Совета, депутатом которого ее выбрали трудящиеся Дзержинского района. Большой спортивный опыт Марии Григорьевны, отличное знание всех особенностей физкультурной работы пригодились и при выполнении депутатских обязанностей.

Среди депутатов, заглядывающих в каждый уголок огромного парка, есть инженеры, артисты, педагоги... И если народную артистку республики В. А. Сперантову интересуют в первую очередь театры, эстрада, художественная самодеятельность, то заслуженный мастер спорта М. Г. Исакова идет прежде всего на физкультурные площадки, теннисные корты, водную станцию.

Спорт широко вошел в быт москвичей. Посещая свой любимый парк, отдыхая в нем, жители столицы будут здесь не только гулять, слушать музыку, танцевать, смотреть спектакли, читать книги, но и заниматься гимнастикой, боксировать, играть в баскетбол, грести, проводить поединки у теннисной сетки и за шахматной доской.

Учитывает ли это дирекция парка? Расширяются ли физкультурные площадки? Закуплен ли новый инвентарь? Как идет ремонт спортивных сооружений? Достаточно ли физкультурных работников? Не только эти, но и десятки других вопросов задает Мария Исакова. Спрашивает, осматривает, проверяет.

Выводы депутата учитываются комиссией по культуре Московского Совета.

Но вот лето наступило. Среди десятков тысяч посетителей Центрального парка нередко можно встретить и М. Г. Исакову. Ищите ее у любого из физкультурных «объектов». Постоянное наблюдение за физкультурной работой в парке — одна из депутатских обязанностей Исаковой.

Московский Совет взял также под свое наблюдение деятельность всех столичных стадионов, водных станций, спортивных клубов; комиссия следит за строительством новых спортивных сооружений. Это очень большая и кропотливая работа. К участию в ней привлечены депутаты Совета заслуженные мастера спорта М. Исакова и В. Ушаков.

Конечно, работая в комиссии Московского Совета, Мария Григорьевна участвует в разрешении не только наиболее близких ей вопросов, связанных со спортом.

Вот к Исаковой обратился рабочий пригородного совхоза «Останкино» с жалобой на администрацию и райсовет. Рабочий считает, что ему незаконно предписали снести выстроенный им сарай для коровы. Слушает Мария Григорьевна посетителя, и выходит поначалу, что как будто он и прав. Почему и не стоять сарайчику? Но Исакова поговорила и с дирекцией совхоза, посоветовалась с районным архитектором, заглянула в план Москвы, осмотрела злополучный сарайчик в натуре. Только после всего этого стало совершенно ясно, что сарай стоит не на месте. Санитарные правила и требования благоустройства требуют сноса сарайчика.

Или другой случай. Старому рабочему отказали в пенсии за погибшего на войне сына, отказали по некоторым формальным причинам. Мария Григорьевна внимательно знакомится с документами, просматривает законы, консультируется с юристом и выясняет, что основания для получения пенсии у избирателя есть. Вопрос о назначении пенсии снова ставится перед районным отделом социального обеспечения.

Нередко избиратели поверяют депутату и свои семейные дела. Совсем недавно на прием к М. Г. Исаковой пришла работница Наталия Полуэктовна Анисина со своим четырнадцатилетним сыном Валентином.

— Посоветуйте, Мария Григорьевна, как мне быть с мальцом дальше! — просит работница. — Заладил одно: хочу в Суворовское училище... А вот по мне, так лучше ему в ремесленное поступить...

Отца у мальчика нет. Наталия Полуэктовна — вдова, потому-то ей и трудно одной воспитывать сына. И она обратилась к депутату. Мария Григорьевна — сама мать, а по образованию она педагог, ей легко будет разобраться и в характере и в желаниях Валентина.

Исакова долго беседует с подростком. Прежде всего она объясняет, что поступать в Суворовское училище ему по возрасту уже поздно. Затем Мария Григорьевна узнает, что особых склонностей у Валентина к профессии офицера нет. Вот, правда, форма суворовцев ему приглянулась! Но почему не пойти все же в ремесленное училище? Там готовят и металлистов, и электриков, и портных, и связистов. В конце разговора уже сам Валя Анисин расспрашивает депутата, где есть ремесленное училище, готовящее слесарей. И уходит он от Марии Григорьевны с твердым желанием стать слесарем или токарем, да еще таким, что будет обтачивать какую-нибудь деталь для турбины, предназначенной одной из строек коммунизма.

Имя выдающейся нашей спортсменки Марии Исаковой хорошо известно не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Мы привыкли видеть Исакову на ледяных дорожках, прислушиваться к звону ее коньков, узнавать о ее спортивных успехах. Но вот Исакова — депутат, слуга народа, кропотливо и скромно выполняющий свой долг перед избирателями.

У Марии Григорьевны много и других общественных обязанностей. Она член президиума Всесоюзной конькобежной секции и член советского комитета по подготовке к Всемирным Олимпийским играм. М. Г. Исакова избрана в Советский комитет защиты мира. Она участвует в работах Антифашистского комитета советских женщин. И повсюду вносит Мария Исакова в свою деятельность кипучую энергию, большую настойчивость, стремление оправдать до конца оказанное ей доверие.

Е. ГАЛУНИН

«Пахтакор»

Скачки конников колхоза имени Ворошилова (Узбекская ССР).

«Пахтакор» («Хлопкороб») не только самое молодое, но и самое крупное и богатое спортивное общество Узбекистана. Оно объединяет больше 176 тысяч юношей и девушек. В Алты-Арыкском районе Ферганы в «Пахтакор» вступают все, кто молод и здоров. Физкультурный коллектив колхоза имени Ахунбабаева насчитывает 550 человек, артели имени Фрунзе — 400, имени Маленкова — 300.

Заканчивается в колхозах трудовой день, и молодежь спешит на стадионы: идет подготовка к спартакиаде «Пахтакора».

На стадионы спешат не только молодые. Посмотреть, как тренируются легкоатлеты и велосипедисты, подобрать своих футболистов и борцов-палванов собираются и седобородые старики и ребятишки.

Большие задачи поставило перед собой уже в этот первый год своего существования общество «Пахтакор». 131 тысяча колхозных юношей и девушек к концу спортивного сезона укрепят на груди значки «ГТО» первой и второй ступени, полторы тысячи лучших колхозных физкультурников пополнят списки спортсменов-разрядников республики. Так решили пахтакорцы.

Н. СОЛОВЬЕВА

Соревнование по стрельбе

В конце июня на стрельбище «Динамо» под Москвой происходили соревнования на первенство столицы по стрельбе.

Спортсмены состязались в точной стрельбе из боевых и мелкокалиберных винтовок, револьверов и пистолетов.

На нашем снимке — представительница Досарм Е. Эльдашева. Она, стреляя на 50 метров из мелкокалиберного пистолета, выбила 170 очков из 200 возможных и установила всесоюзный рекорд для женщин.

Фото Н. Немнонова

КАРЬЕРА

Юлиан ТУВИМ

Трагедия в одном действии

Рисунки Бориса Лео

Действие происходит... Нет, оно не происходит и никогда не происходило, но могло бы произойти в Америке, в каком-нибудь Нью-Йорке, Чикаго или Голливуде, и в любом другом обезьяньем скопище людей, помешанных на одном стремлении: быстро и легко нажить побольше денег, денег, денег!..

В огромном кабинете мистера Биллингэма, шефа объединения рекламных предприятий, собрались: мистер Пикси, директор кинотреста, мистер Бродкаст, директор радиотреста, и мистер Хэппи, директор треста печати. Присутствует еще одна особа, а именно герой драмы Джон Нободи, бедный, серый человечек.

М-р БИЛЛИНГЭМ. Милостивые государи! Дело, которое я намереваюсь изложить вам, весьма щекотливое и даже болезненное, но оно открывает столь широкие перспективы перед нашими предприятиями, представляющими в общем капитал в пять миллиардов, что я, несмотря на некоторые затруднения, так сказать, морального характера, решил без всяких колебаний изложить вам его без сентиментов, просто и откровенно, имея в виду лишь благо наше и присутствующего здесь мистера Нободи. Мистеру Нободи тридцать четыре года, он отец трех малолетних детей и кроме того содержит старушку-мать. Мистер Нободи был банковским чиновником, но его уволили. Вследствие болезни и неблагоприятного стечения обстоятельств мистер Нободи исчерпал все свои сбережения, нового места он никак найти не может, и, таким образом, он очутился со своей семьей в крайне бедственном положении. Нравственные страдания вызвали в нем психическую подавленность, депрессию, отвращение к жизни, и вот в настоящее время мистер Нободи заявляет, что он не в состоянии дольше страдать и бороться и что в течение ближайших двадцати четырех часов он покончит жизнь самоубийством. Желая, однако, обеспечить своих трех горячо любимых детей, свою жену и вышеупомянутую старушку-мать, мистер Нободи обратился ко мне, как председателю объединения рекламных предприятий, с предложением продать мне свою смерть, точнее, самый акт самоубийства, с тем чтобы оно было использовано в наших рекламных целях. Правильно я излагаю, мистер Нободи?

НОБОДИ (спокойно). Совершенно правильно, мистер Биллингэм.

М-р БИЛЛИНГЭМ. Я полагаю, что было бы совершенно излишне разъяснять вам, какую огромную пользу могут извлечь наши рекламные предприятия из благородной инициативы мистера Нободи. Поэтому я прошу вас, милостивые государи, высказаться сразу по существу дела и внести свои конкретные предложения.

М-р ХЭППИ (восторженно). Изумительная идея! Гениальная мысль! Кому она пришла в голову?

НОБОДИ (улыбаясь). Мне, мистер Хэппи, мне самому.

М-р ХЭППИ. Поздравляю вас! Великолепно! Если я правильно понял, вы предоставляете монопольное право эксплуатации вашего самоубийства нашим предприятиям, которые в вознаграждение за ваши выступления и высказывания, связанные с вашей столь прискорбной преждевременной смертью, обеспечат дальнейшее существование вашего достопочтенного семейства?

НОБОДИ. Совершенно верно.

М-р ПИКСИ (деловым тоном, обращаясь к Бродкасту). Дело крупное!

М-р БРОДКАСТ. Если его правильно использовать, дело огромного масштаба!

М-р ПИКСИ. А каким способом, мой дорогой, вы намереваетесь, простите за выражение, убить себя?

НОБОДИ. Мне совершенно безразлично. Как вам будет угодно, господа...

М-р ПИКСИ. С кинематографической точки зрения было бы наиболее эффектно броситься вниз с шестидесятого этажа нашего здания. Вы подумайте о такой возможности. Во всяком случае, наш небоскреб в любую минуту к вашим услугам. Вообразите себе: вы летите, а весь путь вашего полета будет заснят в замедленном темпе, и затем заключительный кадр — ваше падение на мостовую,— это было бы очень интересно. На нескольких кадрах мы запечатлели бы ваше лицо, искаженное какой-нибудь эффектной гримасой страха... Как вы думаете?

НОБОДИ. Пожалуйста. Я мог бы и так. Все зависит от вас. Мне совершенно безразлично.

М-р БРОДКАСТ. Но что это даст моим радиоабонентам? Мой почтенный друг м-р Пикси прекрасно разрешил проблему с точки зрения кино. Я предложил бы другой проект. Я оставляю пока в стороне, так сказать, кульминационный момент, то есть момент достойной глубокого сожаления смерти нашего соотечественника. Но, джентльмены! Ведь у этого человека есть жена, имеются дети, есть старушка-мать. Это открывает нам невероятнейшие возможности воздействия на человеческие чувства. Последний разговор дорогого мистера Нободи с семьей мог бы великолепнейшим образом быть записан на пленку и передан по радио. Такая передача была бы подлинной сенсацией для наших абонентов. Плач детей, рыдание матери и жены — это моменты, которые нельзя недооценить, которыми нельзя пренебречь!

М-р БИЛЛИНГЭМ. Простите, господа, у меня возникла мысль сделать так, чтобы и волк был сыт и овца цела...

НОБОДИ (с проблеском радости). Я?

М-р БИЛЛИНГЭМ. Нет. Мистер Пикси и м-р Бродкаст. Звуковой фильм может сочетать и зрелищные и звуковые эффекты. То, что мистер Пикси заснимет для экрана, мистер Бродкаст может одновременно передавать по радио, будь то падение с шестидесятого этажа или же более целесообразное с моей точки зрения самоубийство с помощью револьвера. Позвольте обратить ваше внимание, уважаемые господа, что револьвер издает звук, который в данном случае будет сигнализировать, что акт свершился. Представьте себе: вот он прикладывает револьвер к виску или к сердцу, вот он колеблется, вот он судорожно сжимает револьвер в дрожащей руке,— уверяю вас, господа, что эти эффекты в сочетании с последним аккордом выстрела дали бы наиболее яркое и полное выражение героическому поступку мистера Нободи.

М-р ПИКСИ. Ну что ж, пускай будет револьвер. **(К Бродкасту.)** Вы за что?

М-р БРОДКАСТ. Револьвер.

М-р ХЭППИ. Револьвер.

М-р БИЛЛИНГЭМ. Стало быть, револьвер, господа?.. Револьвер, мистер Нободи!

НОБОДИ (коротко и сухо). Ладно!

М-р БИЛЛИНГЭМ. Теперь второй вопрос: где? Само собой разумеется, идеальным местом действия был бы мюзик-холл. Но, к сожалению, мистер Нободи, это неосуществимо! Убить себя можно только один раз, а программа в наших мюзик-холлах повторяется из вечера в вечер. Зрелище, которое мы сейчас обсуждаем, по законам природы и по воле господней, так сказать, одноразовое. Мы перенесем его на стадион. Стадион «Олимпия» может вместить до ста двадцати тысяч человек. Мы устроим посреди стадиона высокую эстраду, обитую черным или красным сукном... Какой цвет вы предпочитаете, мистер Нободи?.. На этой эстраде будут установлены киноаппараты и радиомикрофоны, а во время действия над стадионом будут кружить аэропланы, которые будут сбрасывать изданную нами вашу биографию... Одновременно четыре оркестра...

НОБОДИ (широко раскрывает глаза)?

М-р БИЛЛИНГЭМ. Вы меня, очевидно, не понимаете, мистер Нободи. Это все для вашего блага. После оглушительной музыки наступит полная, абсолютная тишина, и выстрел из револьвера после грохота труб и литавров, уверяю вас, прозвучит гораздо эффектнее... Итак, одобряете ли вы нашу программу? Можно ли дать уже объявления в печать и выпускать афиши?

НОБОДИ. Можно, мистер Биллингэм, только поскорее...

М-р ХЭППИ. Теперь десять часов. Ровно в полдень 787 газет моего концерна печати опубликуют в миллионах экземпляров сообщение, что завтра... в котором часу, мистер Нободи?

НОБОДИ. Когда вам будет угодно... Только поскорее...

М-р ХЭППИ. Ну, скажем, в пять часов пополудни...

М-р БРОДКАСТ. Через час все наши радиостанции оповестят об этом зрелище...

М-р ПИКСИ. Сегодня же вечером все кинотеатры...

М-р БИЛЛИНГЭМ. А теперь, мистер Нободи, обсудим условия. Рекламное объединение предлагает вам следующее. На стадион вы поедете в автомобиле фирмы «Кориолан». Машину эту потом получит ваша семья, которая даст обязательство и впредь пользоваться исключительно автомобилями этой фирмы. По дороге на эстраду вы будете непрерывно выкрикивать: «Плохо кончилась моя жизнь, потому что я не употреблял пасты для зубов «Сантос»! Только «Сантос» дает счастье!» Взойдя на эстраду, вы прокричите в мегафон: «Даже смерть прекрасна, если вы провели последнюю ночь за чтением библии в издании общества методистов!» Затем вы приложите револьвер к сердцу и крикнете: «Шестизарядный Смит Вессон не подведет никогда в жизни!». Потом...

НОБОДИ. Выстрелю.

М-р БИЛЛИНГЭМ. Нет. Рука ваша, держащая револьвер, неожиданно опустится, и вы радостно воскликнете: «Последнее мое желание — жевательная резинка фирмы Риддерс!» Агент этой фирмы тотчас же подаст вам же-

Из польских журналов

В АНГЛИИ

— Что ты думаешь о лейбористской партии?

— Я считаю, что она очень либеральна.

— Разве?

— Конечно. Ведь она терпит в своих рядах даже рабочих.

«Шпильки»

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

«Я разъезжаю в американском автомобиле, и мой народ тоже будет ездить в американских автомобилях!» — сказал Тито и заказал в Америке 200 зеленых машин с малыми решетчатыми окнами.

«Попросту»

ПЛАН МАРШАЛЛА В ДЕЙСТВИИ

В одном итальянском городке одновременно умерли двое — один от голода, а другой отравился американскими консервами.

Тяжелый выбор!

«Муха»

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

Степени сравнения прилагательного послушный: послушный, очень послушный,.. Трюгве Ли!

«Муха»

ПРИВЫЧКА

Один американский солдат спрашивает другого:

— Почему ты перед каждым походом надеваешь перчатки?

— По привычке. Чтобы не остались следы оттисков пальцев.

«Муха»

НЕМНОЖКО СОЛИ

Один из гитлеровских генералов по прибытии в Париж забеспокоился:

— Только бы не встретиться с кем-нибудь из моих жертв времен оккупации!

— Исключается, — отвечает адъютант, — программа нашего пребывания здесь не предусматривает посещения тюрем, где заключены политические.

«Шпильки»

М-р БИЛЛИНГЭМ. Времени у нас, господа, немного. Мистер Нободи, наверно, захочет еще вернуться к своему семейному очагу, а предста... **(хотел сказать «представление», но спохватился, что неудобно, и оборвал на полуслове)**, то есть вся эта история должна произойти завтра. Надо до этого провести репетицию... Согласились ли бы вы прорепетировать свою роль, чтобы завтра все прошло без заминки?.. Снимались ли вы когда-нибудь для кино? Говорили ли вы когда-нибудь перед радиомикрофоном? Выступали ли вы вообще когда-нибудь публично?

НОБОДИ. Никогда.

М-р БИЛЛИНГЭМ (нажимая несколько кнопок звонков). Сейчас мы все вам покажем, мистер Нободи. **(Входят кинооператоры, механики и др.)** Аппараты! Рефлекторы! Мегафоны! Мистер Нободи, следите внимательно! Вот вам револьвер с холостым зарядом,

...обы. Вообра-
...ион **(операто-**
...**ы)**, а здесь
...ете в автомо-
...елан»... Вы вы-
...иля... Вы на-
...зде... **(Нободи**
...**т все указа-**
...**ера».)** Вот вы
... прекрасно...
...е удрученно-
... Шаг медлен-
..., так... Хоро-
...**.)** Внимание!
...**.)** Теперь вы
...фон: «Плохо
..., потому что
...ты для зубов

...ончилась моя
... не употреб-
... «Сантос»!
... Теперь вы
...раду! Взгляд
...мьи!.. Пожа-
...мый! Больше
... пальцы! Вы
...ть прекрас-
... последнюю
...били в изда-
...истов!»

...дословно.

... Вы достаете
...р... Вы смот-
... драгиваете...
... к сердцу...
... револьвер...
... кривляется...
...пно! Теперь
... резины...
...ее мое же-
... резина фир-

...**(к ассистен-**
...ста, мистеру
...ую резину.
... На вашем
...ство удовле-
...дения... Боль-
...лице, мистер
...ше!.. Вот так,
...осительно па-

...ать, дети! Не
... мне обеща-
...не будет при-
... Джексон и

... Так как фир-
... самые изящ-
...тники.
... фирма эта
... изящные и

М-р БИЛЛИНГЭМ. Теперь о репродукторах «Аврора».

НОБОДИ. Употребляйте репродукторы только фирмы «Аврора».

М-р БИЛЛИНГЭМ. Превосходно! Теперь дуло к сердцу!.. Вы слышите душераздирающий крик жены и матери! Поднимаете глаза к небу... Палец на курке! Теперь только ваша мать кричит: «Джонни, Джонни!» Внимание! Раз... два...

НОБОДИ. Три! **(Стреляет в сердце.)**

М-р БИЛЛИНГЭМ. Вы падаете... Блестяще! Чудесно! Это, несомненно, произведет потрясающее впечатление на публику! Прошу вас только завтра подольше смотреть на небо и чтобы во взгляде было больше смирения и покорности. Все остальное великолепно. Теперь мы повторим от слов «Употребляйте только репродукторы фирмы «Аврора»!» Прошу вас!

Нободи лежит неподвижно.

М-р БИЛЛИНГЭМ. Итак, повторяем! Сперва об «Авроре», потом взор к небу, немного религиозного экстаза, взгляд в вечность, и вы стреляете. Итак...

Нободи не отзывается, не может отозваться, так как у него разрыв сердца.

М-р ХЭППИ. Что ж это такое? Отчего он...

М-р БРОДКАСТ (склоняется над трупом). Мистер Биллингэм, мне кажется, что он...

М-р ПИКСИ (прикасается к трупу). Господа, да ведь он...

М-р БИЛЛИНГЭМ. Очевидно, разрыв сердца, так как заряд был холостой...

М-р ХЭППИ. Очевидно, разрыв сердца, так как заряд был холостой...

М-р ПИКСИ. Гм...

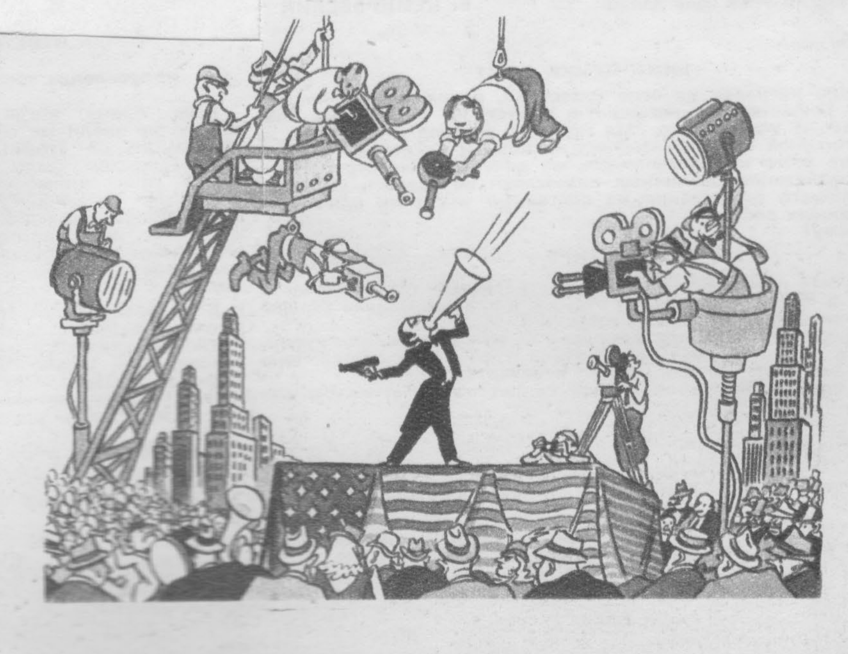
М-р БРОДКАСТ. Гм, гм...

М-р ПИКСИ. Да, да...

Джентльмены берут в руки свои цилиндры, направляются к дверям, но тут же возвращаются, останавливаются возле трупа Нободи, набожно подняв глаза к небу.

М-р БИЛЛИНГЭМ. Здесь почил человек по имени Джон Нободи, который мог сделать блестящую карьеру...

З а н а в е с

От автора

Произведение это было написано ровно двадцать лет тому назад. Как гротесковое изображение одичалого «американизма», оно нисколько не потеряло своей актуальности.

Авторизованный перевод с польского Марка ЖИВОВА

Солнце садится. Жужжа, начинают летать майские жуки, злее кусаются комары. Оживает мир сумеречных и ночных насекомых. Сколько их, вредителей полей и лесов! А птицы — охотники за насекомыми — уже спят, мелькнет разве только козодой, и кажется, что эти вредители сейчас совершенно безнаказанны.

Но приглядитесь внимательно: какие-то тени мелькают в вышине, проносятся над лугом, над рекой. Это летучие мыши.

Питаясь насекомыми, крылатые зверьки являются грозными врагами вредных жуков, бабочек, молей, комаров, москитов. Аппетит летучей мыши раз в тринадцать больше, чем у слона: дневной рацион последнего составляет примерно 2,5% его веса, а ночной рацион летучей мыши — около 33%.

В Туркмении, на северном склоне Копет-Дага, расположена глубокая Бахарденская пещера, в которой живет огромная колония летучих мышей-длиннокрылов, насчитывающая до 40 тысяч особей. Только за один вылет они уничтожают около полутора миллионов насекомых.

Вследствие ночного образа жизни летучие мыши — одна из наименее изученных групп млекопитающих. Лишь недавно, например, было установлено, что они являются живыми радарами. Обладая тончайшим слухом, крылатые зверьки слышат неуловимые человеком звуки от движения крыльев мелких бабочек или комаров и по этим звукам как бы видят ушами свою добычу в ночной темноте.

Не столь давно выяснилось и другое интересное обстоятельство. Оказалось, что некоторые виды летучих мышей принадлежат к перелетным: весной они прилетают к нам, осенью улетают на юг или в пригодные для зимней спячки пещеры, расположенные далеко от летних мест обитания. Иногда эти путешествия совершаются вместе с попутными стаями мелких птиц.

Научно-популярной литературы о летучих мышах не существует, наблюдать этих обитателей мрака трудно, поэтому лишь немногие представляют себе их значение и пользу как энергичных истребителей сумеречных и ночных насекомых.

Недавно вышла обширная монография о летучих мышах доктора биологических наук А. П. Кузякина («Летучие мыши», Издательство «Советская наука», 1950). Она рассчитана на специалистов, но собранные в ней факты, наблюдения и описание проведенных исследований интересны для всех любителей природы.

Через руки А. П. Кузякина за время его работы над этой группой млекопитающих прошло громадное количество — десятки тысяч — летучих мышей. Опираясь на множество фактов, он пишет: «Все виды летучих мышей фауны СССР приносят пользу как истребители огромного количества насекомых — вредителей сельского хозяйства и переносчиков болезней, опасных для человека и домашних животных», а поэтому все обитающие в Советском Союзе 39 видов летучих мышей заслуживают всемерной охраны.

Значение летучих мышей не ограничивается их непосредственной пользой. Приведем один пример. Эти зверьки вместе с их близкими сородичами — крыланами, которые населяют тропики, — являются единственными в природе летающими млекопитающими. Однако в противоположность птицам их замечательная способность летать почти не привлекала внимания исследователей, между тем некоторые виды летучих мышей представляют собой совершенные летательные аппараты с тормозными и рулевыми приспособлениями, большой маневренностью и дальностью полета, с коротким взлетом и посадкой, для которых они могут пользоваться любой поверхностью, даже водой. «Грузоподъемность» зверьков также велика — она достигает 100% собственного веса. Самки в состоянии летать с двумя «пассажирами» — прицепившимися к телу детенышами.

Б. М.

«Сочинение В. Окергиескела»

В 1834 году в книжных магазинах Петербурга появилась книга с длинным названием: «Описание металлографии и вновь изобретенного способа печатать всякого рода металлическими досками (как то: медными, цинковыми, жестяными и т. п.) различные рисунки и рукописи, не гравируя на сих досках резцом или крепкой водкою; а просто написав на них желаемое обыкновенным пером и некоторого рода тушью; также переводить написанное с бумаги, и притом снимать до 3 000 оттисков и более. Сочинение В. Окергиескела. С приложением рисунка». Санкт-Петербург, 1834.

Автор этой книги предлагал весьма остроумный и оригинальный способ плоского печатания с медных и жестяных пластин. «Сочинение В. Окергиескела» во многом способствовало развитию плоской печати с металла.

Кто же был автор этой интересной книги? Немец, француз, может быть, итальянец? «Сочинение В. Окергиескела» — стоит на титуле. Сотрудник Научно-исследовательского института полиграфического машиностроения Л. П. Теплов прочитал эту причудливую фамилию наоборот, справа налево, и узнал настоящее имя автора: Алексей Греков.

Историки русской техники, не говоря уже об историках гравюры и книгопечатания, почему-то прошли мимо деятельности одного из замечательных русских новаторов, Алексея Федоровича Грекова.

Деятельность А. Ф. Грекова отличалась удивительной разносторонностью. Был он фотографом и механиком, гравером и литографом, гальванотехником и искусствоведом.

Одно из первых известий о Грекове относится к 1832 году. В этом году департамент мануфактур и торговли обсуждал оригинальный способ печатания, предложенный Грековым; сведения об этом изобретении сохранились в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде.

Греков был первым русским фотографом. Позднее эту честь почему-то приписали придворному мастеру С. Л. Левицкому.

В конце 30-х годов прошлого века Греков организует в Москве производство фотографических аппаратов и принадлежностей к ним, работает над усовершенствованием способа Дагера и Ньепса, вводит в употребление фотобумагу.

Газета «промышленности, хозяйства и реальных наук» «Посредник» в номере от 4 декабря 1840 года сообщает, что «в Парижской Академии Наук было читано, что г. Греков, занимающийся в Москве резьбою, достиг способа делать неизгладимые дагеротипные или светописные рисунки...»

В начале 40-х годов Греков заинтересовался гальванотехникой, изобретенной незадолго до этого русским академиком Борисом Семеновичем Якоби. Недавно удалось установить, что перу Грекова принадлежат книги «Теоретическое и практическое руководство к золочению, серебрению и т. п.» (М., 1842) и «Полное изложение гальванопластики, гальванической позолоты и серебрения» (Спб., 1844). Книги эти были высоко оценены русской критикой. О последней из них упомянул В. Г. Белинский в статье «Русская литература в 1844 году».

...Работы Грекова предвосхитили позднейшие труды многих иностранных изобретателей.

Е. НЕМИРОВСКИЙ

Подумай!

ХИМИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Химик, нагревая на огне известняк, разложил его на два новых вещества: на негашеную известь и углекислый газ.

Затем из углекислого газа получил углерод и кислород, а из негашеной извести — металл кальций и кислород.

После этого ни нагреванием, ни действием электричества, ни воздействием различных химикалий не удалось добиться дальнейшего разложения на составные части ни одного из полученных веществ.

Почему?

В ТИРЕ

Тир был обыкновенным. Такие стрелковые тиры мы часто видим в парках культуры и отдыха, в клубах. Однако стрельба в этом тире оказалась необычной.

Стрелок прицеливался в мишень из ружья, нажимал курок, и, хотя из дула ружья не вылетала пуля и не было слышно звука выстрела, мишень вдруг перевертывалась.

Не можете ли вы объяснить секрет такой стрельбы без пуль?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 26

Направление тока

Было время, когда люди ничего не знали ни об электронах, ни об атомных ядрах. Известно было лишь, что в проводниках «что-то» движется. Пытаясь угадать направление движения этого «чего-то», названного затем электричеством, угадали, как мы теперь знаем, неправильно.

В направлении от анода к катоду (от плюса к минусу) могли бы двигаться под действием поля только положительные заряды, то есть ионы. Однако они закреплены в металле в определенных местах и двигаться под действием поля не могут.

Электрический ток — это отрицательно заряженные частицы, свободные электроны, движущиеся от минуса — катода к плюсу — аноду.

Необычная шкала

Это абсолютная термометрическая шкала. Отсчет градусов в ней ведется от абсолютного нуля (—273,16°), как самой низкой температуры.

Следовательно, точка замерзания воды в абсолютной шкале равна 0°Ц+273°=273° абс.; точка кипения — 100°Ц+273°=373° абс.

В этом номере помещены репродукции картин А. Т. Пушнина «В. И. Ленин в Казанском университете», А. С. Гугеля «Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов в редакции журнала «Современник», Н. И. Осенева «Будущие путейцы», «Гудят провода», две страницы цветных фотографий и две страницы рисунков китайских художников.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, А. Н. СТУДИТСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 04354. Подписано к печати 3/VII 1951 г. Изд. № 376. 5½ печ. л. Тираж 426 000. Заказ 1495. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ СПОСОБСТВУЮТ ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
ПРИОБРЕТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ
государственного 3% внутреннего
ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА
ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ ШЕСТЬ ОСНОВНЫХ И ОДИН ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ ВЫИГРЫШЕЙ
Основные тиражи выигрышей состоятся 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября, дополнительный тираж — 30 сентября каждого года.
Выигрыши, выпавшие в основных тиражах, выплачиваются по облигациям независимо от срока их приобретения. Выигрыши, выпавшие в дополнительных тиражах, выплачиваются по облигациям, приобретенным не менее чем за девять месяцев до срока тиража.
Выигрыши по займу установлены в размере: 100 000, 50 000, 25 000, 10 000, 5 000, 1 000 и 400 рублей.
ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА ПРОДАЮТСЯ И СВОБОДНО ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ

